

Юрий Симоненко

ВАРИАНТЫ БУДУЩЕГО

Юрий Симоненко

Варианты будущего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70255549

SelfPub; 2024

Аннотация

Будущее. Каким оно может быть? Что ждёт человечество? Благополучная жизнь, расцвет науки и творчества, победа над болезнями и даже над самой смертью? Полёты к другим мирам? Или радиоактивные пустыни, населённые безумными дикарями, убийцами и людоедами? А может, место дикарей-людоедов займут восставшие мертвецы, пожирающие плоть живых? Какое будущее нас ждёт? Рассказы и повести, вошедшие в этот сборник, предлагают читателям разные его, будущего, варианты...

Содержание

Сознательный гражданин	5
Человек-невидимка	33
Дорога домой	65
Спаситель	91
Зима	134
Пленники Оберона	212
Охота на негра	264
Человек	287
Пролог. Послание	287
Глава I. Империя	291
Интермедия. Человек	314
Глава II. Республика	318
Кадавры	331
Глава I	331
Глава II	337
Глава III	341
Глава IV	345
Глава V	355
Глава VI	367
Глава VII	371
Глава VIII	381
Глава IX	387
Глава X	393

Глава XI	398
Глава XII	401
Глава XIII	405
Воскресение	411

Юрий Симоненко

Варианты будущего

Сознательный гражданин

*Здоровая бдительность и тяжёлая паранойя –
суть синонимы.
Андрей Круз, «Эпоха мёртвых. Начало»*

– Очередная чудовищная трагедия произошла во Владимирской области в семье муромских зомби-диссидентов, – вещал с экрана телевизора диктор программы новостей на первом канале. – Отец семейства, упорно пренебрегавший общественной безопасностью, за что был неоднократно оштрафован, внезапно умер от сердечного приступа, обратился и напал на жену и детей. Результат: четыре зомби вместо одного. Вовремя прибывшие на место происшествия полицейские нейтрализовали восставших, но этих жертв можно было бы избежать, если бы умершие носили маски, как это делает семья Ивановых – соседи погибших... – Изображение диктора на экране сменилось и теперь на телезрителей внимательно и серьёзно смотрели мужчина, женщина и девочка-подросток лет двенадцати. На лицах всех троих были надеты кожаные намордники со стальными решетками на-

против ртов. Голос диктора за кадром продолжал: – Ивановы не пренебрегают общественной безопасностью и никогда не выходят из дома без масок. Более того, они носят маски даже дома! Наш корреспондент Марина Булкина сейчас на месте в прямом эфире. Марина...

– Константин... – в кадре появилась полноватая брюнетка с каре и в стильном наморднике из замысловато переплетенных хромированных прутьев, закрывавших нижнюю часть миловидного лица. – Только что я побывала в соседней квартире, где сейчас работают полицейские, – протараторила Марина Булкина. – То, что я там увидела – ужасно. Мы не можем показывать такое в эфире... – девушка сделала короткую паузу на миг выразительно изменилась в лице, после чего продолжила с едва заметным негодованием: – Если бы погибшие носили маски, трагедии можно было бы избежать, ведь так, Пётр? – Девушка обратилась к серьёзному мужчине в наморднике.

– Совершенно верно! – ответил мужчина. – Эти антима-сочники опасны. Они угрожают себе и окружающим. Страшно подумать, но Николай мог бы умереть в подъезде, или в лифте и напасть на соседей... – мужчина обеспокоенно глянул на жену и дочь. – С этим нужно что-то делать... Так дальше не может продолжаться... На выборах в Государственную Думу я буду голосовать за партию «Живая Россия», которая наконец проведёт закон о превентивной нейтрализации...

– Спасибо, Пётр! – прервала сознательного гражданина

девушка. – А что думаете вы, Феврония? – Она поднесла микрофон к лицу стоявшей рядом суховатой женщины средних лет с заплетенными в толстую косу седеющими волосами. Коса спускалась на прикрытое цветастым платком костлявое плечо Февронии и заканчивалась на уровне узкой, как и бёдра, талии.

– Петя всё правильно сказал. С антимаасочниками надо что-то делать. Если позволить им разгуливать без масок, Россия вымрет! Вопиющая безответственность! Мы боимся дочь одну в школу отпускать. – Женщина приобняла за узкие плечи девочку, такую же тощую, как и она сама. – У нас в подъезде ещё пять семей таких, как эти Савенковы... Ходят без масок. Надевают только когда полиция рядом...

– Ничего, вот примут закон о превентивной нейтрализации, посмотрим, как эти антимаасочники запоют... – добавил глава семейства Ивановых.

– Спасибо, Пётр! – Снова оборвала его девушка-корреспондент и лицо её заняло весь экран телевизора. – А с вами была я, Марина Булкина из города Мурома. – Она улыбнулась из-за хрома намордника и передала эстафету фирменным телевизионно-панибратским: – Константин...

– Марина... – На экране снова появился диктор из московской студии. В этот момент Иван нажал кнопку на пульте и выключил звук.

Закипел чайник.

Иван вытряхнул в глубокую фаянсовую миску «бич-па-

кет». Вместе с брикетом сушеных макарон в миску выпали два полиэтиленовых пакетика с маслом и приправой. Иван вскрыл первый пакетик, выдавил в миску масляную капельку неизвестного происхождения, затем второй, источавший приторный запах каких-то восточных пряностей с несколькими ярко-зелёными сушёными листочками, похожими на обыкновенную траву, какая произрастает на любой обочине. Тщательно опорожнив пакетики, Иван выкинул их в мусорное ведро вместе с главным, в котором содержался его обед, пакетом – ярким, с изображением аппетитной куриной ножки с хрустящей корочкой, осыпанной колечками свежего лука, веточками укропа, петрушки и ещё какой-то незнакомой Ивану зелени. От одного взгляда на «бич-пакет» рот Ивана непроизвольно наполнялся слюной, которую приходилось часто сглатывать, а в животе начиналось сосущее урчание. Поэтому Иван старался не смотреть на упаковку: вскрыл, высыпал, выкинул.

Пройдя к окну кухни, Иван сдвинул в сторону давно не стираную занавеску, открыл окно. Снаружи у Ивана был сезонный «холодильник» – закреплённая на откосе стеной панели дюбель-шурупами пятилитровая баклажка изпод воды с прорезанной сбоку дыркой в виде перевёрнутой подковы или буквы «U» (чтобы птицы не пробрались внутрь). Отогнув одной рукой кусок пластика, другой залез внутрь баклажки и достал оттуда вскрытую пачку «продукта маслосодержащего», как гласила надпись на упаковке. Вер-

нувшись к столу, развернул «продукт» и отрезал в тарелку тоненький кусочек. Вернул «продукт» в «холодильник» за окном. (Настоящий холодильник Иван уже четыре года как отключал с октября по апрель, – поначалу в целях экономии электричества, а потом и вовсе за ненадобностью.) Сняв с плиты чайник, Иван залил содержимое миски крутым кипятком, накрыл миску крышкой от кастрюли, затем долил в стоявший на столе заварник со вчерашней заваркой, вернул чайник на плиту – поставил на не зажженную конфорку. Зажженную оставил гореть, – газ не по счётчику, можно погреться. Батареи этой зимой были еле тёплыми.

Диктор на экране телевизора продолжал читать с суфлёра новости; картинка периодически сменялась, телезрителям дозированно показывали мотивирующие сюжеты: предостерегающие, возмущающие, обнадеживающие, рекламирующие новый фильм Михалчука...

Иван открыл ноутбук, запустил Тог браузер, зашёл в почту. Сообщение от продавца поступило полчаса назад: адрес, время, в конце приписка: «запомни и удали». Иван запомнил, удалил, очистил корзину и минут двадцать внимательно изучал карту района и место встречи на Яндекс.Картах: прикинул несколько вариантов маршрута туда и обратно, посмотрел панорамы и фото (старые, снятые ещё до пандемии). Закрыв Тог, открыл Яндекс, прокрутил новостную ленту: ничего нового. Там зомби кого-то сожрали, здесь зомби кого-то сожрали; рост числа самоубийств – брехня от про-

вокаторов; надои растут, картошка колосится; Президент посетил Музей ГУЛАГа; проклятые зомби-диссиденты не хотят носить намордники... Зашёл в Контакт: сообщений нет.

Иван использовал Контакт исключительно для работы, избегая что-либо писать там про намордники, или про зомби, помня о том, кому принадлежит эта соцсеть. Незачем привлекать к себе внимание провокаторов и осведомителей Товарища Майора. Для общения есть форумы в домене .opion, на которые Иван обычно заходил вечером на чашок-другой через Тор.

Приподняв крышку, Иван заглянул в миску: похожие на белёсых червей длинные витые макароны разбухли, напитавшись водой и приобретя желтоватый оттенок в том месте, где растаял «продукт маслосодержащий» именуемый когда-то просто маргарином. Перемешав вилкой исходившую паром лапшу, Иван размочил в тарелке завалившийся в хлебнице ржаной сухарь и принялся за обед.

Он жевал медленно, стараясь не прислушиваться к опостылевшему за годы пандемии вкусу. Он ел эту дрянь каждый день минимум два раза. Картошка, рис, перловка, макароны (настоящие макароны, а не дерьмо из «бич-пакетов») были на столе Ивана нечастым лакомством. Раз в месяц он покупал за наличку у знакомого фермера кусок сала, с которым варил дважды в неделю жидкие супцы. К приёму пищи Иван подходил сугубо утилитарно: наполнил желудок – жить можно. Всяко лучше, чем не жить. Хотя, став зомби, если по-

везёт, можно набить брюхо высококалорийным парным мясом и, если удачно затихариться и через какое-то время повторить успех, то есть вероятность, что в голове прояснится и тогда, при умелом использовании грима и контактных линз можно сойти за живого...

Покончив с обедом, Иван выпил кружку мутноватого чая, повторил, отжав ложкой заварку в заварнике, вытряхнул в мусорное ведро «нифеля», как называл уже однажды заваренный чай сосед Юрий Алексеевич – многократно судимый, но при этом с виду на удивление интеллигентный старик, с которым Иван больше года «гонял чай» после того как Лида ушла. Закрыв ноутбук, выключил телевизор и пошёл в спальню одеваться.

Надел ставшие популярными на вторую зиму пандемии ватные армейские штаны, которые зомби так сходу и не прокусит, свитер с высоким горлом, на голову – шапку-ушанку. Сунул в карман штанов сложенную два раза вдвое и перетянутую канцелярской резинкой тонкую стопку из двадцати двухтысячных купюр, которую достал из записки в шкафу. В прихожке надел дублёнку из толстой кожи, обулся в тёплые финские валенки и подхватил с тумбочки зимние мотоциклетные перчатки с защитой из прочного пластика. Сунул в один карман отвёртку, в другой – пассатижи, подхватил стоявшую в углу у двери монтировку, вышел.

В подъезде было тихо. Лифт вторую неделю не работал. Иван немного постоял, прислушиваясь: никаких подозри-

тельных звуков; никто не скулит, не шаркает. Быстро спустился с четвёртого этажа на первый, замер на минуту у подъездной двери. Снаружи тоже тихо.

Вряд ли мертвец стал бы поджидать кого-то у подъезда: во-первых, мороз – на морозе зомби становятся крайне медлительными, а если долго не удаётся перекусить, то и во-все коченеют, а во-вторых, улицы патрулирует РосЗомбоНадзор... Одинок стоящий у подъезда человек для зомбополицаяв – потенциальный «клиент», за которого на весь состав патруля капает премия. Ивану приходилось слышать истории о застреленных патрульными живых гражданах, которых предприимчивые полицаи оформляли как зомбаков.

Иван нажал кнопку на двери, прервав питание магнитного замка, резко открыл стальную створку и быстро рванул на улицу, отбежав от входа в подъезд метра на три и развернувшись, готовый приложить монтировкой по черепу любого, кто бы не прятался в слепой зоне за дверью.

Но за дверью никто не прятался.

Иван выдохнул – перед лицом образовалось облачко пара – и пошёл по дороге вдоль дома, держа в руке монтировку.

По расчищенной дороге (ночью здесь прошёл грейдер) Иван прошагал свой и соседний двор, когда между домов слышалось знакомое взрёвывание мотора: ПАЗик. Этот тужный звук бронированного автобуса Иван не спутал бы ни с каким другим. РосЗомбоНадзор.

Выматерившись, Иван быстро достал из набедренного

кармана штанов намордник, накиннул на лицо, защёлкнув на затылке под шапкой застёжку «фастекс», после чего сунул монтировку в рукав дублёнки. Зомбополицаи обычно закрывают глаза на такое нарушение, как отсутствие намордника (штраф невелик, с оформлением возиться надо... а тем временем кто-нибудь другой подстрелит очередного мертвяка и загребёт премию), но с сорока тысячами наличными в кармане Ивану не хотелось испытывать судьбу. Потому и монтировку тоже спрятал, хотя в ношении монтировки криминала нет вовсе: мало ли, в гараж человек идёт, колесо монтировать...

Едва Иван привёл внешний вид в надлежащий сознательному гражданину порядок и сделал пару шагов в прежнем направлении, из проезда меж домов показался светло-серый с чёрной полосой вдоль борта ПАЗ. Точно посередине кузова по чёрной полосе белыми буквами было написано: РосЗомбоНадзор. Все окна автобуса были забраны сварными решётками из арматуры, и все, кроме лобового, за которым Иван рассмотрел водителя и сидевшего в тени чуть позади и справа полицейского – по-видимому, старшего патруля – дочерна затонированы. Сразу заметив Ивана, старший, подавшись вперёд на капот, что-то сказал водителю; водитель кивнул. Объехав заваленный сугробом палисад, автобус повернул влево, в сторону Ивана, и Иван почувствовал, как из-за спин водителя и старшего патрульного из тёмного нутра ПАЗика на него устремили внимательные взоры ещё несколько

пар глаз.

– Живой? – пренебрежительно-снисходительно поинтересовался зомбополицай с погонами старшего лейтенанта через открывшуюся точно напротив Ивана дверь, когда ПА-Зик, скрипнув тормозами, остановился.

Старлей был плечист, мордат и смотрел на Ивана уверенно нагло. В руках у него был короткий автомат с потёртым деревянным цевьём, жёлтым пластиковым магазином и откинутым назад прикладом – хорошо знакомый Ивану ещё со службы в армии «Огрызок» – АКС-74У. Ствол автомата был направлен в землю перед ногами Ивана, но поднять его вверх и нажать на спуск – дело секунды. Справа от старлея из тени салона автобуса на Ивана смотрел ещё один полицейский, комплекцией поменьше. Рук не видно, но наверняка при оружии. Страхует.

– Живой, – столь же пренебрежительно ответил Иван, глядя на зомбополицая.

Иван не хотел нарываться, но и лебезить не собирался. Ивану не нравился этот старлей. Не нравился типаж: наглый, надменный, мелкочастичный. Как раз к такому ушла Лида...

– Точно живой? – гоготнул старлей.

Иван не стал отвечать, смерив полицейского взглядом.

– Глеб, ну-ка посвети на гражданина... – не отворачиваясь от Ивана приказал старлей кому-то из подчинённых.

Послышалась возня, шуршание форменного синтетика,

шаги и вскоре рядом со старлеем в дверном проёме ПАЗика появился коренастый сержант с незнакомым Ивану прибором похожим на радар ГИБДД.

– Два шага вперёд, – приказал старлей.

Иван остался на месте.

– Ну! – качнул стволом автомата зомбополицай.

Иван сделал два шага, встав перед входом в автобус.

– Смотри на меня... – сказал сержант с прибором и щёлкнул тумблером.

По глазам Ивана ударил луч яркого голубоватого света. Иван поморщился. Полицейский пощёлкал тумблерами: цвет луча сменил, как показалось Ивану, все оттенки радуги, после чего погас.

– Этот нормальный, – заключил сержант, опуская прибор.

– Куда путь держишь, гражданин? – поинтересовался старлей.

– На прогулку из дома вышел. Работаю на удалёнке. Вот, решил пройтись... Паспорт показать?.. – Стараясь не шевелить левой рукой, чтобы не выронить из рукава монтировку, правой Иван полез в нагрудный карман дублёнки.

– Да не на-а-адо... – великодушно махнул рукой старлей. – Аккуратнее только гуляй. А-то тут в районе всякие гуляют... Мы с утра уже упокоили одного антимабочника новопреставившегося... – он гоготнул, выговорив поповское словечко, по-видимому казавшееся ему забавным.

Иван опустил руку и поинтересовался:

– И как, сожрал кого новопреставленный?

– Не успел. Жена его в туалете закрыла, на балкон выско-
чила и давай голосить... А тут как раз мы только на смену
выехали...

– Понятно... – Протянул Иван. – А этот фонарь зачем? –
он кивнул на устройство в руках у стоявшего рядом со стар-
шим сержанта.

– А это чтобы отожравшихся и поумневших зомбаков вы-
являть. Новая разработка Сколкова...

– Хм... Надо же! И как, работает?

– Работает, – помрачнел зомбополицай. – Ладно, гуляй,
гражданин. Коля, – повернулся он к водителю, – давай, по-
ехали.

До места встречи Иван добрался без приключений. Уже
через час он был на территории «оптимизированного» ещё
до пандемии завода, у проходной которого стоял изуродо-
ванный и разрисованный «под зомби» Ленин. Какие-то де-
генераты прошлись по статуе вождя мирового пролетариата
сначала кувалдой, а потом красной и жёлтой краской из
баллончиков. Получилось не очень. Иван испытал чувство
неловкого стыда за «художников» и вспомнил Украину, под-
чистую сожранную восставшими мертвецами в самом нача-
ле пандемии. С Украины его мысли переключились на оста-
вавшийся у него небольшой кусок сала, который хорошо бы
засолить с перцем – устроить себе маленький праздник.

Да, Иван так и поступит, когда вернётся домой! Достанет сало из «холодильника», прорежет ножом до самой шкурки: два раза вдоль и два – поперёк, как поле для игры в «крестики-нолики»; нарежет кусочками пару зубков чеснока, начинит ими сало; смешает соль с остатками чёрного перца и основательно просолит... Затем пару деньков подержит на кухне в кастрюле под крышкой, а потом ещё дня четыре за окном в «холодильнике»...

Так мечтая, Иван шёл по территории завода к условленному месту встречи с продавцом – зданию котельной, ориентируясь на заметную издали одинокую покосившуюся кирпичную трубу. Шёл сторожко, не по широкому проезду от проходной, где его было бы хорошо видно отовсюду, а в обход, прямо посреди безлюдной улицы перебравшись через бетонный забор, за которым в паре метрах вверх устремлялась кирпичная глухая стена одного из производственных корпусов. Место было опасное – по сути ловушка, как желобок на тараканьих бегах: двигаться можно только вперёд или назад. Если бы в этом узком проходе оказались отожраченные мертвяки, – да хотя бы один сообразительный и шустрый мертвяк! – туго бы пришлось Ивану. Но у Ивана с собой имелась монтировка, которую он сразу, как только перебрался через забор и снял с лица унижительный намордник, взял поудобнее, чтобы, случись встретить зомбака, сразу того по черепу... С монтировкой шансы отбиться были вполне реальные. Одному мертвяку он этой самой монтировкой

черепушку уже проломил, было дело. Но чего бы ушлому непокойику делать зимой в мороз в таком бесперспективном для охоты месте? Вот Иван и заметил этот проход, когда знакомился на Яндекс.Картах со сделанными явным любителем всяких «заброшек» фотографиями.

Интересно, уцелел тот фотограф, или оказался в числе миллиардов покусанных и обратившихся в самом начале пандемии? А может, умер своей смертью от болезни и потом обратился? Отожрался, поумнел, вспомнил прежнее своё увлечение, взял фотоаппарат и отправился снимать «заброшки»?

Отгоняя страх дурацкими мыслями Иван прошёл вдоль забора до конца корпуса, свернул в узкий захламлённый проезд, прошёл мимо каких-то гаражей, мимо каких-то зданий с выбитыми окнами, кругом обошёл ещё один большой корпус из выщербленного красного кирпича.

Повсюду на территории завода росли кусты и молодые деревья (несколько деревьев росли прямо на крышах и из оконных проёмов), в углах и закутках из-под подтаявшего и взявшегося коркой снега торчала сухая прошлогодняя трава с воздушными шапками совсем свежего ослепительно белого снежка на кустистых верхушках стеблей.

За корпусом белела просторная прямоугольная площадка, посреди которой высилась одинокая тонкая берёзка, а по краям из-под сугробов выглядывали кучи какого-то хлама. За площадкой, прямо напротив раззявившихся широких во-

рот некогда производственного корпуса, стояло здание котельной. К площадке котельная была повернута глухой стеной; вход был в торце здания слева, а справа из земли росла покосившаяся красная труба, основание которой густо обросло кустарником.

Иван посмотрел на часы: часы показывали, что он пришёл к месту встречи на семнадцать минут раньше условленного времени.

Иван не думал о том, что продавец его «кинет». На продавца он вышел через надёжного человека, которого знал много лет. Были опасения нарваться на полицаев или на гопоту по пути сюда, или на обратном... Сюда Иван добрался. Он цел, не покусан и при деньгах. А вот обратно... тут, как говорится, без гарантий. Если примут полицаи со «стволом», ничего хорошего его тогда не ждёт. Денег – откупиться – нет. Тюрьма. А если гопники? Стрелять в живых гопников... Иван не размазня, в армии служил, в уличных драках по молодости тоже доводилось принимать посильное участие... Но он не суперспецназовец, не боксёр и не каратист. Не отчаянный стрелок, владеющий всеми известными видами оружия, которому только дай повод и он начнёт укладывать врагов штабелями. Иван не убивал живых людей (да и мёртвых упокоил не так чтобы много – всего восемнадцать). Он не сможет достать «ствол», направить на гопников и суровым баритоном героя боевичка попросить тех убраться с его пути, а не то он их тут всех в зомбаки произведёт. Ору-

жие Ивану было нужно не для перестрелок с полицией и бандитами, – которые какие-никакие, всё же живые люди, – а для защиты от мертвецов.

Иван больше не хотел быть *сознательным гражданином*, что *самоизолировался* в своём домашнем мире и полагается на помощь извне. Он, собственно, им и не был. Давно не был. Хотя внешне и выглядел таковым. Он не верил пропаганде, не верил государству, не верил спасителям-полицаям. А месяц назад он узнал правду: никакой пандемии не было и нет. Была спланированная и контролируемая зачистка планеты от «лишних ртов»...

Шесть миллиардов людей сожрали друг друга, чтобы остались два, из которых полтора стали обслугой и кормом для примерно пятисот тысяч давно мёртвых и отожравшихся до состояния не просто нормальных живых, но и более того – бессмертных.

Об этом Иван узнал посредством Интернета. Точнее, Даркнета, когда получил доступ к домашнему компьютеру высокопоставленного чиновника Федеральной Службы Безопасности. Иван видел доказательства, видел фотографии и видеозаписи людоедских пиршеств во дворцах Рублёвки и Каменного острова, видел списки «членов клуба»... В России их тысячи, отожравшихся, помолодевших, превосходящих физической силой и умом простых смертных. Они – члены правительства, советов директоров крупных компа-

ний, хозяева жизни – фактически уже не были людьми. *Они* – даже не новая раса, *они* – новый вид. И они повсюду, по всей Земле.

Откуда пришло бессмертие Иван не знал. Все мировые СМИ хором утверждали, что причина – мутация какого-то вируса из Африки. В Даркнете писали, что вирус послези́зни – разработка военных, но убедительных доказательств никто пока не предоставил. Да оно и неважно: военные оживили мертвецов, или инопланетяне. Хотя, если инопланетяне, то дело совсем дрянь... Но то, что сильные мира сего в начале пандемии уже были изменёнными, Иван знал точно. В компьютере ФСБшника нашлись неопровержимые свидетельства того, что Президент и министры за два года до пандемии уже были изменёнными. А это значит, что они умерли и в течение примерно недели отъедались на человечине, пока в головах у них не прояснилось, а в телах не начались внутренние изменения, внешне почти незаметные...

Но бо́льшая часть этих нелюдей прошла через необходимые метаморфозы когда *началось*. Прошла под контролем своих пособников, своих слуг, лакеев, холуёв. Пандемия предоставила им благоприятную среду, кормовую базу. Никто тогда не вёл расследований: сожрал тебя сосед, или депутат.

Поначалу про отожранцев не знали, но неведение продолжалось недолго... Удалось непокойному продержаться недельку, не словив головой пулю и регулярно при этом пи-

таться, и тот начинал потихоньку приходить в себя, вспоминать прошлую жизнь, причём вплоть до мельчайших деталей и момента рождения. А потом и понимать начинал, что без плоти и крови живых полноценно существовать не сможет, развалится, усохнет, снова отупеет. И тогда упырь начинал действовать продуманно и коварно. Выдавал себя за живого, заманивая живых в ловушки. Правда, требовалась небольшая корректировка внешности: глаза у них менялись... – не как у зомби в кино, нет! – становились... *звериными*; и кожа была слишком молода и румяна, – приходилось использовать тональные крема и подобную косметику, а на глаза надевать тёмные очки, или контактные линзы.

Ивану приходилось слышать истории про одиноких женщин, увлекавших наивных простофиль красотой и обещаниями, а потом убивавших и питавшихся их трупами. Красотки быстро смекали, что если жертве отрубить голову, то тело не восстанет и его можно будет жрать пока мясо не начнёт портиться.

И вот когда таких отожранцев стало много, правительства стран, где власть устояла и окрепла, – как стало известно Ивану только недавно, где у власти уже были упыри, – взялись за отожранцев основательно. В живых районах начались облавы: спецподразделения военных и полиции, в состав которых входили медики, проверяли каждый дом, каждую квартиру, всех живых и за таковых себя выдававших, и истребляли выявленных отожранцев. В России этим зани-

малось новосозданное ведомство: РосЗомбоНадзор.

Уже к началу второго года пандемии в России отожранцы стали редкостью. Выработанный зомбополицаями комплекс мер не давал возможности мертвяку поумнеть – результаты одни из лучших в мире! И оно неплохо. За это ребятам из РосЗомбоНадзора честь и хвала. Вот только... вся их структура работала на таких же упырей-отожранцев, охраняя их монополию на право жить вечно и питаться сознательными гражданами, которым – так, на всякий случай – запретили иметь огнестрельное оружие.

В первый год пандемии уцелевшее гражданское население вооружилось до зубов. Много оружия было на руках: автоматы, пистолеты, ружья... в основном, армейские и охотничьи образцы. У каждого выжившего что-то да было. Но когда обстановка стабилизировалась, в СМИ началась яростная кампания против владения оружием. Каждый день в новостях шли сюжеты про бытовые убийства на почве ссоры или ревности, про стрельбу в школах, про убийства по неосторожности... И в каждой второй такой новости среди жертв были дети. А потом радетели о счастье народном из Государственной Думы породили новый закон о полном запрещении для гражданского населения любого огнестрельного оружия, включая охотничье, а срок за его хранение – теперь незаконное, несмотря на любые ранее выданные разрешения – увеличили до восьми лет. Президент закон тут же подписал и по стране пошла волна разоружения. А в довершение этого про-

цесса демилитаризованным гражданам сначала рекомендовали, а потом и обязали появляться в общественных местах в специальных «защитных масках», сделанных по типу обыкновенных собачьих намордников, чтобы внезапно умерший гражданин никого не покусал.

Иван тогда сдал свой АК-74 и обрез «Ижá», явив гражданскую сознательность, а через два месяца от законопослушного Ивана ушла жена. Ушла к вооружённому и надёжному как скала лейтенанту РосЗомбоНадзора.

«Зря ты, Ваня, автомат отдал», – говорил ему потом Юрий Алексеевич, прихлёбывая из эмалированной кружки чифирь. – «Баба твоя потому и ушла к менту, что баба она, страшно ей... Бабе защита нужна в лихое время. У меня вот волына на всякий пожарный имеется... Это я так, пока большого шухера нет, с молотком хожу... А шухер он будет, Ваня, обязательно будет... Эти, в Кремле которые, просто за жопы свои боятся, потому и разоружили людей...»

Юрий Алексеевич пропал без вести спустя полгода после того разговора. Просто исчез.

Площадку перед производственным корпусом Иван обошёл справа, за засыпанными сугробами мусорными кучами. На ровном белом ковре не было видно ничьих следов крупнее редких птичьих лапок, – незачем его топтать, решил Иван.

Подойдя к котельной, Иван заметил огибавшую трубу це-

почку следов: кто-то недавно ходил вокруг котельной по часовой стрелке. Следы были от обуви примерно 42-го или 43-го размера, – Иван сравнил их со своими следами, а у него размер был 44-й. Глубина следов была примерно такая же, как и у него.

Иван пошёл вдоль глухой стены. Слева в метре от стены тянулся сплошной вал из снега, начинённый всевозможным хламом: из-под снега торчали углы железобетонных блоков, какие-то ржавые короба, гигантские прогнившие деревянные катушки для кабелей, обгоревшие покрышки... Позади за валом, точно против чёрного на фоне снега проёма ворот производственного корпуса, выглядывала стройная как молодая девушка берёзка.

Дойдя до угла здания, Иван остановился, прислушался.

Где-то неподалёку хрустнул снег, и мелодичный женский голос произнёс:

– Эй! Выходи! Я тебя слышала!

Иван секунду помедлил, потом быстро спрятал монтировку в рукав – руку сквозь свитер обдало жгучим холодом – и шагнул из-за угла.

На небольшой площадке перед входом в котельную стояла девушка в бежевом пуховике, синих джинсах и меховых сапожках. Из-под накинутого на голову капюшона с меховой опушкой на Ивана смотрело румяное от мороза миловидное лицо с большими глазами; на лоб спадал локон русых волос, из красивого рта с розоватыми пухлыми губами шёл пар. В

левой руке девушка держала небольшой рюкзачок, правая была свободна. Девушка зябко пошевеливала тонкими белыми пальцами; из правого кармана пуховика выглядывал край вязаной варежки, такой же, какая была надета на левую руку, в которой был рюкзачок. Она, похоже, перед тем что-то делала свободной рукой – скорее всего, набирала сообщение на телефоне или планшете, который у неё или в кармане, или в рюкзаке.

– Привет! – сказал Иван, подойдя по хрусткому снегу к девушке на расстояние метров пяти и остановившись.

Он повёл головой по сторонам. Вокруг был однообразный пейзаж давно заброшенного предприятия: частично разрушенные здания из красного кирпича, заснеженные деревья, кучи мусора, кусты, засохшие бодылья борщевика, на зонтиках которых лежали поблёскивающие под зимним солнцем белые шапки; рядом с котельной какие-то проржавленные до дыр железные бочки, тянущиеся от котельной трубы в ошмётках стекловаты. Вход в котельную: осевшие деревянные ворота, обитые жестью, листы которой местами завернулись, обнажив трухлявые доски; в правой створке ворот открытая покосившаяся дверь на одной петле, за дверью темно. Перед входом было натоптано. Причём Иван заметил только два типа следов: уже знакомые, явно мужские, – оставивший их человек весил килограмм под восемьдесят, как и Иван, – и следы самой девушки, сильно поменьше первых.

– Нормальные герои всегда идут в обход? – девушка улыб-

нулась.

– Ага, – улыбнулся в ответ Иван. – Чтобы никто не догадался... – Он перестал улыбаться и выразительно посмотрел на следы. – Мы не одни?

– Нет, – продолжая улыбаться ответила девушка.

Иван подметил, что она была не просто миловидна, а красива. Очень красива. Такие обычно в кино снимаются и за олигархов замуж выходят.

– Это страховка, Ваня, – сказал сзади знакомый Ивану голос.

Иван обернулся. В проёме двери котельной стоял Артём – его давний знакомый.

До пандемии они вместе работали в одной IT-компании. Причём пару раз проворачивали левые дела, за которые вполне могли бы не только лишиться работы, но и «присесть», как сказал бы Юрий Алексеевич, на пару-тройку лет, если бы дела эти вскрылись. Потому-то Иван и обратился к Артёму, когда решил обзавестись оружием.

Связался с Артёмом он по всем правилам конспирации, изложил суть дела. Артём взял пару дней на то, чтобы навести мосты, и вскоре свёл его с «надёжным», как он представил Ивану анонимного продавца, человеком. ПММ с универсальной кобурой и набором для чистки, четыре магазина и две сотни патронов – таков был результат переговоров с «надёжным человеком». Пять лет назад, в самом начале пандемии, за «Макара», даже модернизированного, Иван дал

бы, разве что, пару банок тушёнки, а теперь пистолет стоил ему большей части накопленных за годы «стабильности» сбережений. Но это, всё же, лучше монтировки. К тому же пистолет компактный, мощный, и его, в отличие от более серийного оружия, можно носить скрытно. Отправляясь в тот день на встречу с анонимным продавцом, Иван не ожидал встречи со старым приятелем.

– Артём... – произнёс удивлённо Иван. – Ну ты конспиратор!

– Не без того, – сощурился от яркого света мужчина, шагнув из двери к Ивану и протягивая руку для пожатия. – Ну, здоро...

Артём не успел закончить фразу, потому, что шагнувший ему навстречу Иван молниеносным движением выхватил из рукава монтировку и с размаху ударил его в висок. Раздался неожиданно звонкий треск проламываемой кости и уже знакомое Ивану чавканье. Тело развернуло от страшного удара – Иван вложил в удар все силы – и завалилось в сугроб справа от входа в котельную.

В этот момент сзади раздался истошный глухой вопль и на спину Ивану набросилась сообщница Артёма.

– Тварь! – утробно прорычала милостивая девушка. – Ты сдохнешь! Сдохнешь! Я не дам тебе восстать!

От её броска Иван потерял равновесие и упал на колени. Монтировка стала бесполезна, – не размахнёшься толком и не ударишь, разве что себя самого по голове, – и Иван от-

бросил её в сторону и стал заваливаться на левый бок, чтобы прижать нападавшую к земле. Но та сразу поняла манёвр Ивана и в последний момент подалась вправо, обвила его поясницу правой ногой, а руками рванула ворот дублёнки, чтобы добраться зубами до шеи, до вздувшейся от напряжения ярёмной вены...

Иван зубами стянул с правой руки перчатку и ухватил ладонью бедро девушки, – чем, как ему показалось, на мгновение привёл последнюю в замешательство, – затем потянул её ногу вверх, освобождая доступ к правому карману дублёнки. Быстро сунул руку в карман, – пальцы нашли рукоять отвёртки, ладонь сжала инструмент. Рывок! Короткий взмах руки. Чавкающий хруст за плечом... Не по-девичьи сильные руки обмякли; ненормально горячее частое влажное дыхание, пахнущее бойней, затихло.

Иван высвободился из объятий упыря – а это был именно упырь – медленно встал на ноги. Ноги Ивана дрожали, руки тоже начинало потряхивать. Посмотрел на тело девушки: прорезиненная рукоять отвёртки торчала из правой глазницы; левый глаз, на котором теперь отчётливо была видна контактная линза, застыл как у куклы. Иван медленно, всем корпусом повернулся к телу Артёма. Тот как упал, так и лежал, из головы его на снег натекло розовым.

– Т-твари... – Иван сплюнул на снег густой тягучей слюной.

Он сразу заподозрил неладное, как только увидел девуш-

ку и понял, что шёл не по её следам. А уж когда присмотрелся к ней... Выглядела та максимум лет на двадцать пять, но её глаза... её взгляд... Солнце светило девушке в спину, и с пяти метров Иван не мог точно определить, были ли на её глазах контактные линзы, но вот взгляд... взгляд был ей *не по возрасту*. Так могла смотреть только умудрённая жизненным опытом женщина лет пятидесяти. А когда Артём... или, вернее тот, кто был когда-то Артёмом, шагнул из полумрака котельной Ивану навстречу и яркий солнечный луч осветил его глаза, Иван ясно увидел и линзы и холодные звериные зрачки за ними. Тот, кто был когда-то его приятелем, видимо, понял, что при ярком свете Иван может заметить маскарад и стал щуриться, но было поздно: Иван уже заметил...

Иван впервые встретился с отожранцами. Раньше он таких видел только на экране монитора. И то, что ему в одиночку удалось одолеть двоих, иначе как чудом Иван и не мыслил.

Эти твари хитры и коварны, но, похоже, память его бывшего приятеля сыграла с ним злую шутку. Он ведь помнил Ивана какого? Офисного тьюфяка, от которого в лихую годину даже жена ушла. А теперь Иван был *другим*, теперь Иван не был *сознательным гражданином в наморднике*. И другим его делало вовсе не наличие или отсутствие оружия. В руках решившего изменить свою жизнь человека и монтировка, и отвёртка, и даже пассатижи (которые он ещё не применил, но которые при необходимости несомненно мог бы теперь

применить) становились таким же оружием, как и пистолет, или автомат. И пусть он не герой боевика, и вряд ли когда перейдёт черту и убьёт живого человека, но уж этих тварей он убивал и будет убивать.

Не питая больших надежд, – вряд ли эти упыри принесли с собой пистолет и двести патронов, – Иван обыскал тела отожранцев. У Артёма он нашёл три телефона, аккумуляторы к ним, армейский штык-нож в ножнах и около ста тысяч рублей наличными. Забрал нож, деньги и аккумуляторы. У бабы был складной нож, кастет, телефон, две с половиной тысячи налички и паспорт, из которого Иван узнал, что звали гражданку Лидия – Иван усмехнулся – и лет ей было сорок восемь. Рассовав по карманам складень, кастет и деньги, Иван прошёл к лежавшему на снегу рюкзачку, который отожранка Лида бросила, напрыгивая на Ивана, открыл...

В рюкзачке лежало частично обглоданное тело младенца – девочки, месяцев семи или восьми – точнее и не скажешь. Голова ребёнка была отделена от тела.

Иван похоронил девочку под берёзкой посреди заснеженной площадки. Разгрёб снег руками, монтировкой раздолбил старый асфальт и мёрзлую землю, уложил рюкзачок в неглубокую ямку, засыпал землёй и принесёнными из производственного корпуса обломками кирпичей.

Домой Иван вернулся уже затемно. Заварил сразу три «бич-пакета», посолил с перцем всё имевшееся у него сало и открыл ноутбук. Он твёрдо решил основательно вооружать-

ся.

Человек-невидимка

Ешь ананасы, рябчиков жуй,

День твой последний приходит, буржуй.

*Поэт Владимир Маяковский, планета Земля, Россия,
1917-й год от Р.Х.*

Глухо урча моторами и грохоча тележками, трамвай-поезд из четырёх вагонов ползёт по закопчённой моторными выхлопами, пропахшей мазутом и креозотом 27-й транспортной улице. Я стою на подножке в хвосте поезда и держусь обеими руками за лестницу, что ведёт на крышу вагона. Рядом, словно рука нищего старика, просящего подавания, подрагивает свободная сцепка (хорошо, что эта штука зафиксирована, а то легко могла бы переломать мне ноги на повороте). Закопчённые смогом дома-близнецы с многослойными, тщательно вымытыми стёклами в окнах проплывают мимо: один, за ним другой, третий... квартал, перекрёсток... остановка... и по новой... Стучат тележки, поскрипывают вагоны. Прохожие с узких тротуаров по обе стороны улицы – большинство женщины, конторские служащие или прислуга – поглядывают на поезд, но никто не замечает нарушителя.

Пару кварталов назад, пропуская встречный состав, следом ненадолго пристроился полицейский броневик. С ми-

нуту я разглядывал лица полицаев. Один из них уставился усталым расфокусированным взглядом прямо сквозь меня и долго смотрел в никуда, вынудив меня замереть, превратиться в статую, в деталь вагона и так ждать, пока водитель броневика не пойдёт на обгон поезда.

Солнечно. Только бы погода не испортилась и снова не пошёл дождь... Здесь, в столице, так часто бывает: вот на небе ни облачка, и вот, через полчаса, из-за горной гряды, что огибает столицу с юго-восточной стороны, налетели тучи и дождь льёт как из ведра...

Нет, лучше не думать о дожде. Такие мысли раздражают и вызывают беспокойство, – ни того, ни другого мне не нужно. Тем более, что влиять на погоду я всё равно никак не могу. Если польёт, буду действовать по инструкциям на такой случай, с поправкой на ситуацию... Изменяю маршрут и способ передвижения, сокращу список...

Большинство жителей Первограда пока ничего не знает. Телевизор молчит. По радио, как обычно, крутят пропитанные имперским величием марши, сентиментальные оды «родным просторам» и туповатые песенки про любовь. Раз в полчаса эту пошлость прерывают короткие «новости» о «победоносном шествии войск Согласия вглубь Красного Континента» (и ни слова о продолжающейся третий день во Второграде массовой стачке рабочих, ни слова о забастовках в провинциях!). Газеты выйдут только вечером, и вряд ли в

них сегодня сообщат о произошедшем. Другое дело – телевидение. К вечеру Августейший Ублюдок будет вынужден обратиться к подданным с речью... Уж мы-то постараемся его убедить в необходимости такого обращения...

А пока, столица Мёсси, на первый поверхностный взгляд, продолжает жить в своём привычном ритме. Чадя зловонным дымом, по улицам разъезжают грузовые и пассажирские трамваи, чиновничьи и полицейские спецмашины; среди ползущих по рельсам многосоставных железных громадин и то и дело обгоняющих их широких приземистых коробок поменьше мелькают мотоциклисты. На тротуарахлюдно – летний полдень, второе солнце почти полностью спряталось за первым. От ночного ливня не осталось и следа; сухо и немного душно. Время к обеду: многочисленные клерки и работники городских служб уже высыпали на улицы, чтобы немного прогуляться и вскоре осесть в кофейнях и столовых. Для них, обитателей столичного центра, пока нет повода беспокоиться. По крайней мере, в ближайшие пару часов им никто ничего не сообщит.

Но вот те, кому положено знать, похоже, в явной растерянности: сексоты тайной полиции так и снуют среди прохожих, высматривая... (интересно, кого им приказали искать?) Открытым полицаям тоже наверняка поступило распоряжение «усилить бдительность»: их патрули в местах большого скопления людей с чуть бóльшим, нежели обычно, усердием задерживают «подозрительных личностей» (тех, кто, соглас-

но имеющимся у полицаев методичкам, похож на «паникёров» и «пораженцев»). Полицаи, как и рядовые обыватели тоже ничего не знают. (Кто же им скажет? Ведь у них есть родственники, друзья... – так информация разлетится по городу в считанные часы.) Первоград живёт своей привычной жизнью семимиллионного муравейника, и лёгкое повышение градуса общей нервозности (на фоне мировых-то событий!) заметно только тем, кто знает, на что следует обращать внимание – сексотам и революционерам.

Первый вагон застонал, под ним захрустели по очереди сначала одна, потом другая тележка, следом застонал второй, потом третий... – поезд поворачивает на развилке вправо. Вот дошла очередь и до «моего». Металлическая подножка на конце лестницы, на которой я стою, вздрогнула чуть сильнее обычного, потом скрежет внизу стих и стрелочная развилка выползла из-под вагона. Двигатели взревели – это машинист поддал газу – и через несколько секунд сверху появилось облачко дыма. Поезд ускорился.

Этим утром мы приступили к выполнению нашего плана. Всего пять человек, включая меня.

Говоря: «нашего плана», я, конечно же, не имею в виду: «плана пятерых заговорщиков». Нет, и ещё раз нет! Мы – особая боевая группа, действующая по секретной директиве Центрального Комитета трёхсотпятидесятитысячной Пар-

тии Трудового Народа. Наша партия сегодня – это голос миллионов рабочих и десятков миллионов крестьян – тружеников и подлинных творцов всех тех благ, которые жалкая кучка паразитов привыкла называть своей «собственностью».

Сегодня мы и наши союзники – народники и анархисты – заодно. Наш союз поддерживают социалисты в странах Согласия, на нашу товарищескую помощь рассчитывают коммунары Красного Континента. Мы – наш интернациональный союз – агенты Будущего, а вовсе не «жалкая кучка заговорщиков-пораженцев», каковыми нас выставляет монархистская пропаганда.

Что же до нас пятерых, бойцов особой группы, то, не без чувства гордости, могу сказать, что сегодня на нас лежит стратегическая ответственность: от успеха или поражения нашей группы будет зависеть то, как дальше станут развиваться события (которые произойдут в любом случае). Количество крови, что прольётся совсем скоро, будет напрямую зависеть от того, насколько успешной окажется наша сегодняшняя операция.

Только бы погода не подвела и не пошёл дождь...

Позади, в двенадцати кварталах остался очередной адрес из моего списка – контора «Брюхера и Ко», в которую я заглянул на пять минут, чтобы всадить пулю в лоб тому самому господину, чья фамилия крупными буквами обозначена на фасаде здания конторы.

Ромт Брюхер, труп которого сейчас остывает в кресле из белой кожи и чёрного дерева в приятно охлаждаемом электрическим кондиционером кабинете, за два года войны сумел утроить своё и до того немалое состояние за счёт военных поставок. Связи в Генштабе и Министерстве торговли; второй брак с бывшей фрейлиной императрицы; дочь от первого брака замужем за высоким чином из тайной полиции... Брюхер был большой и важной шишкой – элита из элиты, матушку его... На руках этой сволочи кровь наших товарищей по обе стороны Нилитийского океана... как, впрочем, и кровь оболваненных милитаристской пропагандой солдат-захватчиков, что служат пушечным мясом империалистам Согласия...

Брюхер был пятым в моём списке.

Стучат колеса.

Я смотрю на прохожих: мужчины, женщины, – в основном служащие, – одетые небогато, но чисто и опрятно, идут небольшими компаниями, реже – парами (сразу видно: служебный роман), что-то обсуждают, смеются. В их маленьком мирке словно нет войны, перемоловшей в кровавый фарш десятки миллионов человеческих жизней, нет Второго града с бастующими рабочими, нет крестьян, превращённых на время войны фактически в рабов... Эта публика беззаботна и, если не сыта до отвалу, то уж точно не голодает.

Смотрю на них и понимаю, почему среди рабочих расхо-

же мнение, будто все клерки сплошь патриоты и социал-шовинисты. Однако это не совсем так. Я лично знаком со многими служащими, кто сочувствует ПТН, или даже тайно в ней состоят. Секретари, бухгалтеры, машинистки, помощники юристов (и сами юристы)... – эти товарищи наблюдают за бизнесменами и чиновниками, добывают сведения, делают копии секретных документов, выправляют паспорта разыскиваемым полицией революционерам, размножают и распространяют прокламации... в общем, оказывают посильную и порой неоценимую помощь движению. Но, в основной своей массе, конечно, патриоты...

А как иначе, если само существование этой малочисленной городской прослойки определено необходимостью обслуживания государственного чиновничества и «жирных котов»-эксплуататоров?.. Они всего лишь обслуга – тонкая бумажная прослойка между классами. Сегодня вашим, завтра – нашим.

Трамвай-поезд остановился на нужной мне остановке, двери вагонов с шипеньем открылись, выпустив на тротуар небольшую – человек двадцать – кучку пассажиров. Я спрыгнул с подножки и подождал пока люди разойдутся.

Когда поезд отъехал, я, осторожно, чтобы ненароком никого не задеть, прошёлся прямо по проезжей части, вдоль бордюра, потом, выбрав удобный момент, перебежал дорогу и зашагал вдоль зданий на противоположной – солнечной

– стороне улицы. Здесь прохожих меньше. А значит, меньше случайных блуждающих взглядов, способных заметить странный мираж посреди жаркого марева.

До нужного перекрёстка совсем недалеко – там мне налево, так что, всё равно пришлось бы переходить на эту сторону.

Следующий адрес – ещё одна контора, на этот раз сразу двух «жирных котов» из моего списка, тут неподалёку...

«Котов» этих у меня к настоящему моменту уже пять. У остальных, должно быть, тоже примерно по столько – пять-шесть, может даже семь. Итого: минимум двадцать пять упырей, среди которых: Министр внутренних дел, Морской и Военный министры (эти были первыми в списках), несколько мясников-генералов (один из них – целый адмирал флота! – достался и мне) и множество «Брюхеров». Несомненно, в «верхах» сейчас настоящий переполох.

Ника́й Второй, он же Рому́лл Император Мёсси и т.д. – Августейший Ублюдок, наверняка уже распорядился сочинить для него пафосную речь о «безвинных жертвах проклятых предателей и шпионов Красного Континента». О! Это должно быть поистине историческое нытьё Ублюдка. Хотя... не исключено, что тайная полиция и внешняя разведка придумают какую-нибудь историю про то как «лучшие люди государства» собрались вместе и героически пали жертвами непредвиденных обстоятельств (утонули вместе с кораблём;

упали вместе с дирижаблем; угодили под извержение вулкана...), – в таком случае нытьё будет менее позорным, но поныть всё равно придётся.

Впрочем, неважно, что зачитает Никай с бумажки. Важно – что произойдёт после...

Я свернул с 27-й транспортной на 9-ю линейную и, пройдя квартал на север, оказался в исторической части города.

Дома здесь невысокие, почти все с уютными двориками; во дворах вековые деревья раскинули зонтикоподобные кроны, накрыв заодно и часть улицы. Тенистый райончик богачей – их контор, квартир и мест развлечений. Брат-аристократ в таких не живёт, брезгует.

Вот и нужное мне здание – трёхэтажный особняк XLIII века за кованой оградой. Там внутри меня не ждут ещё двое из моего списка.

Маленькая деталь: в десятке шагов от ворот особняка, пренебрегая запрещающими парковку дорожными знаками (стоянка для посетителей – чуть дальше, и другая – через дорогу), стоит полицейский броневик. Внутри машины – минимум трое, шофёр топчется снаружи.

Интересно, зачем они здесь?

Ясное дело: не меня встречать приехали. Если только... Нет. Если бы схватили одного из нас и пытали, всё равно бы не узнали точных имён. Никто из нас пяти не читал списков товарищей.

Конечно, Охранка бросилась бы охранять наиболее вероятных «кандидатов» в покойники, и те, по чью душу я здесь, несомненно оказались бы в числе таковых. Но, в таком случае, засада ждала бы внутри, там, где я буду наиболее уязвим, а сейчас я могу легко развернуться и уйти...

Да и не стали бы посылать на такое дело этих... А уж чтобы спецы выдавали себя за полицаев...

Нет. Эти здесь по какой-то другой причине... Да и не представляют они прямой опасности; могу прямо сейчас подойти и всех уложить, никто и пикнуть не успеет. Но, всё же, придётся считаться с этим дополнительным фактором при отходе.

Я подошёл ближе. Витиеватой формы ворота меж двух массивных гранитных столбов заперты, но рядом есть калитка и она открыта; на столбе у калитки бронзовая табличка с надписью: «Коммерческий союз Шракена и Флюхера». Что ж, эти господа ждут меня с распростёртой... калиткой. Даже через ограду скакать не надо.

Внутрь двора я вошёл как приличный посетитель, разве что документы не предъявил охраннику.

До синевы выбритый громила в чёрной форме топтался у сторожки, сразу за калиткой. Он меня попросту не увидел. А то бы обязательно прицепился: кто такой да к кому иду... Если бы я, конечно, «прилично выглядел». В такие места пускают по одежке. А если «не прилично», то непременно дал

бы мне понять, кто здесь «господин охранник», а кто «ты»... Впрочем, меня бы этот дуболом ко второй категории не отнёс, оденься я соответственно моему происхождению, а был бы крайне учтив и без проволоочки с пропусками вызвал бы к воротам швейцара-администратора, едва заглянув в мой паспорт. Но это если бы я явился сюда как Рем фон Крузе, барон Ибёрский, а не как человек в маске и странном плаще (так я выгляжу сейчас, если отключить маскировку).

Терпеть не могу охранников. Охранники – это такой сорт людей: смесь холуя с полицаем. Низкопоклонство и собачья покорность перед хозяевами в них сочетается с высокомерным презрением ко всем остальным (за исключением благородных господ, конечно же). Причём, если полицаи это – псы государевы, наделённые властью почти везде, на любой улице и в любом общественном доме, то охранники это – дворовые собаки, чья власть ограничена забором хозяйского двора, а то и вовсе длиной цепи вокруг будки. Это ограничение психологически давит на охранника и делает его таковым, каков он есть – мелким «начальником», полицейшкой, бюрократом и тайным садистом. Вот этот, у калитки, точно такой. Стоит важный, водит по сторонам хищным взглядом из-под тяжёлых надбровных дуг. Окажись в его власти какой-нибудь курьер или мелкий служащий, так просто не отделается. А уж если громиле повезёт пресечь действительное правонарушение, то тут-то он с удовольствием пустит в ход и кулаки и дубинку и табельный пистолет (у этого он есть).

Мимо бдительного мордovorота я направился напрямиком ко входу в особняк.

Здесь, в тени деревьев я старался двигаться как можно медленнее, чтобы не создавать предательского эффекта, который легче скрыть при солнечном свете. Так называемому «процессору» у меня за плечами нужны доли секунды, чтобы определить всех наблюдателей и отобразить на ткани плаща для каждого ту картинку, которую наблюдатель видел бы, не оказись я в поле его зрения. Персональная картинка появляется с очень маленькой, но, всё же, задержкой, что и вызывает эффект марева – «дрожание воздуха», а точнее: дрожание маскировочной ткани, подобное восходящим воздушным потокам в зной. Причём, эффект этот вызывается не только моими резкими движениями, но и резким, неожиданным перемещением наблюдателя. Таким образом, днём лучше всего маскироваться в свете солнц, а ночью – в свете лун и мира Гиллаплэи. Дневная тень же, когда место хорошо освещено отражённым солнечным светом и нет дрожания воздуха – самое худшее, после дождя, тумана и дыма условие для маскировки.

Двор особняка невелик, но кажется при этом обширнее, чем есть на самом деле – верный признак работы талантливого ландшафтного архитектора. Умеренность в деталях на фоне старинного здания с его архитектурными «излишествами» и редкие, идеально прямые, подобные колоннам стволы деревьев, что как бы подпирают густую тёмно-зелёную массу

на уровне между вторым и третьим этажами особняка, превращают двор в некое подобие павильона. Строений во дворе всего три: будка охранника из дерева и стекла и две беседки, симметрично расположенных по обе стороны от главного входа в здание. Территория хорошо просматривается практически из любой точки. Если меня заметят, укрыться будет негде – только бежать. Так что, пришлось передвигаться крайне осторожно и медленно, подобно черепахе или какому-нибудь хищнику во время охоты.

Идя – или, если угодно, ползя – ко входу, я тщательно осмотрел каждый куст вдоль выложенной брусчаткой широкой центральной дорожки, каждое дерево, каждое окно в здании и, конечно же, отметил всех людей, что находились поблизости. Тем более, что их было всего пять человек: охранник у ворот, мужчина и женщина – скорее даже девушка – в одной из беседок и двое мужчин на площадке у самого входа.

Пара в беседке: он – среднего возраста, в дорогом костюме, на вид адвокат или нотариус; она – моложе его, брюнетка с миловидным личиком в строгой чёрной юбке и светло-голубой блузе с высоким воротничком, непохоже что его подчинённая, скорее средняя начальница, чьё начальствование напрямую не распространяется на него. В тонких ухоженных пальцах девушка держит длинный мундштук с дымящейся сигаретой, немного отведя его в сторону; мужчина курит трубку. Они негромко говорят о чём-то, сдержанно

хихикают – флирт, я не стал прислушиваться. Куда интереснее послушать, что говорят те двое у входа...

Осторожно – чтобы не шаркнуть подошвой о брусчатку, не наступить на некстати упавшую с дерева сухую веточку – я миновал беседку.

Этих двоих я заметил сразу, едва вошёл во двор.

Один седой, поджарый, в полицейском мундире, командер; другой с брюшком, в строгом костюме со значком начальника частной охраны (это из-за него громила у ворот так грозно зыркает: кого бы схватить и порвать – производит впечатление на шефа). Первый похож на бойцового петуха, второй на водяного... нет, не петуха, а из мифологии, но старательно выдающего себя за собрата первого.

– ...но как такое возможно? – разобрал я, подкравшись ближе, слова «водяного». Тот говорил негромко, комично потрясая жабьим зобом. В его тревожной интонации определённо было что-то едва уловимо жабье. – Чтобы... министров... – выквакивал начальник охраны. – Ребята из тайн... знают своё дело...

Контекст я, конечно же, понял, как только услышал про министров. Воспользовавшись тем, что пара в беседке была занята друг другом, а охранник у ворот как раз отвернулся в другую сторону, я несколько ускорился, чтобы оказаться как можно ближе к этим двоим, когда заговорит командер.

Остановившись в паре шагов от них, я замер, весь обратившись в слух.

– Скажу вам по дружбе, Бóрмунт, никто ничего не понимает... – Коммандер сунул руки глубоко в карманы брюк с офицерскими лампасами и потоптался на месте, как настоящий петух. – Дело, – продолжал он, – взяла под контроль Охранка. Арестовали и допросили всех, кто был поблизости... Помощников, клерков, даже девок этих, машинисток... Те, конечно, нюни распустили, ревут... Но ребята из Охранки, как вы точно заметили, знают своё дело – сразу видят, кто перед ними... – Коммандер снова потоптался. – Если хотите знать моё мнение, никто из свидетелей не причастен к убийствам, это я вам точно говорю. Хорошая собака не кусает кормящую руку.

Так-так... Значит, волна пошла... Сверху распорядились предупредить «цвет нации» о происходящем. Причём оповещают не по телефону, а лично. Соблюдают секретность. Вряд ли этот полицейский начальник приехал сюда на броневике по собственному почину, чтобы предупредить старого друга...

– Но, кто же это может быть, комм Джэргист? – вознегодовал Бормунт. – ПТН? Анархисты? И как – (мне послышалось: «квак») – у них это вышло? Господи! Двенадцать смертей в один день! – Последние слова он почти выкрикнул, с каким-то утробным бульканьем, чем привлёк внимание парочки из беседки (те притихли и стали поглядывать в сторону крыльца).

– Пойдёмте к вам в кабинет, дружище... – предложил по-

лицай. – Обсудим наши с вами дальнейшие действия.

– Конечно-конечно, командер, – умерил тон начальник охраны. – Прошу... – Он открыл дверь, предлагая гостю пройти первым.

Я отреагировал раньше полицаая – результат многих часов тренировок, во время которых мы оттачивали до автоматизма действия в ситуациях подобных этой.

Условный жест пальцами – перчатка с множеством вшитых проводков на моей руке передаёт команду «процессору», включается «режим максимальной маскировки» – на прозрачной маске перед глазами появляются маленькие зелёные цифры: «01», потом «02», «03»... – секунды, счёт времени. В этом режиме «процессор» работает на порядок быстрее обычного, максимально минимизируя эффект «марева». Скользнув мимо «петуха» с «водяным», я переместился за дверь, в холл особняка на четвёртой секунде. Удачно. Эти двое меня не заметили.

Замер, перестав дышать.

(Пять секунд. Шесть. Семь...)

Жест – цифры исчезли – максимальный режим отключён. Всего восемь секунд на вход. Теперь восстановить дыхание...

Лучше немного постоять не двигаясь – после форсажа «процессора» возможно «подвисание» картинки – «маревое» при этом становится более заметным. Длится «подвисание»

недолго, обычно полминуты, не более. Но эти полминуты бывают самыми опасными; в это время я наиболее уязвим. Именно поэтому использовать максимальный режим рекомендуется только в особых случаях, когда высок риск быть замеченным или нужно отступить. Увлекаться не стоит, – устройство быстро перегревается, резко падает заряд аккумуляторов. При частом переключении на максимум маскировка может попросту отключиться на несколько минут, пока «процессор» не охладится, а это равно провалу. Во время тренировок я дважды становился видимым после ускорения «процессора» более чем на двадцать секунд.

Я осмотрел холл: всё так, как и должно быть. Планы зданий и пути отхода, численность охраны, её вооружение и уровень подготовки, расписание транспорта и альтернативные маршруты... – всё это и многое другое я и мои товарищи знаем назубок. Вот, например, здесь, кроме мордоворота из будки и его начальника, который прямо сейчас идёт вместе с полицейским командером через холл (его кабинет тут рядом, на первом этаже в правом крыле), должно быть ещё восемь человек охраны; двоих я вижу, они в десяти шагах от меня, ещё по двое на втором и третьем этажах, и двое на подхвате, сидят в специально отведённом помещении (оно по соседству с кабинетом шефа) – итого десять. Особых проблем от них я не жду (вряд ли они что-то заметят), но есть ещё двое – личные телохранители Шракена с Флюхером. Эти – псы матёрые, внештатные агенты тайной полиции, посто-

янно находятся подле своих господ, и на их счёт у меня чёткие инструкции.

Постояв минуту и дождавшись когда начальник охраны с полицаем скроются в боковом коридоре, я двинулся через холл, держась левой стены.

Охранники, продолжившие прерванный появлением начальства разговор о какой-то Мелизе (даме, надо полагать, всесторонне приятной), не обратили внимания на плывущий через холл мираж, и я без промедления их миновал, быстро оказавшись на лестнице, что начиналась в конце холла.

Беспрепятственно я поднялся на третий этаж, по пути осторожно пропустив нескольких служащих со стопками бумаг, и остановился перед глянцево-чёрными двойными дверями.

Теперь самое главное: войти внутрь, не вызвав паники, разобраться с телохранителями, избежать при этом ненужных жертв, затем исполнить то, зачем я здесь, и покинуть здание.

Войти и открыть огонь? У меня преимущество: я невидим. Нет. Я смогу это сделать в любой момент, если ожидание затянется. Но это будет слишком... топорно. Лучше немного подождать.

Не прошло и двух минут, как со стороны лестницы слышались шаги и уже знакомые голоса. Вскоре на марше показалась та самая миловидная брюнетка из беседки, следом за

ней – «адвокат». Он что-то тихо рассказывает ей басовитым голосом; она сдержанно хихикает.

– Ах, Чарс, ты такой сказочник! – негромко бросает она вполоборота «адвокату».

– Я не шучу, Олла! – делано оправдывается тот. – Это чистая правда!

Они поднимаются и останавливаются прямо передо мной. Девушка озирается по сторонам и быстро целует «адвоката» Чарса в щёку.

– Позже увидимся, – говорит она ему, почему-то шёпотом. – А сейчас я должна работать. – Поворачивается и идёт ко мне., вернее к дверям, у которых я стою.

Взявшись за массивную позолоченную ручку, девушка бросает быстрый взгляд на ухажёра, мило улыбается (мне немного неловко из-за того, что присутствую при этой интимной сцене). Потом, отвернувшись, она напускает на себя нарочито деловой вид и открывает массивную створку тонкой рукой. Дверь легко подаётся без единого скрипа. Она секунду медлит и в этот момент я повторяю тот же приём, что и пять минут назад: жест пальцами – «процессор» снова ускоряется – и словно призрак я проскальзываю мимо девушки, заворачиваю за вторую створку, замираю, не выключая флорсажа (у меня двадцать секунд, но будет лучше, если управлюсь в пятнадцать), осматриваюсь...

Оба телохранителя здесь. Вот они, респектабельного вида господ в серых костюмах, один слева, другой справа, си-

дят на диванах. Один с книгой, сидит нога на ногу, другой с чашкой чая (мне до каждого шагов по семь); оба смотрят в мою сторону. Мгновение мне кажется, что я замечен, но нет, они смотрят на открывшуюся дверь.

(Три секунды.)

Помещение приёмной обширное, светлое, с высоким потолком, размерами в половину холла, что внизу. В глубине помещения – строго посередине – секретарский стол на троих; за столом две женщины, – одна немногим старше Оллы, другая в почтенном возрасте, – третье место свободно. Ближе к выходу (на примерно равном расстоянии между секретарским столом и мной) в противоположных стенах глянцево-чёрные сдвоенные двери (точно такие же, как и за моей спиной). У дверей по паре явно антикварных статуй древних богов и богинь, на самих дверях белые таблички: на той, что слева, золотыми буквами выведено: «Эдрю Шракен», на противоположной: «Галс Флюхер». Ещё ближе к выходу, друг против друга, диваны с телохранителями. Перед ними невысокие столики с резными ножками.

(Пять.)

Моя невольная помощница входит (на личике девушки мелькает неопределённая эмоция: похоже, всё-таки, что-то заметила, но решила, что ей показалось) и, прикрыв за собой дверь, идёт к столу.

Увидев девушку, телохранители возвращаются каждый к своему занятию, – тот, что слева, опускает глаза на книгу,

тот, что справа делает глоток из чашки, оставляет её на столик и берет со столика газету.

(Десять.)

Время действовать!

Медленно – иной раз и при ускорении «процессора» бывают огрехи, лучше не спешить, дабы не вызывать ненароком предательское «маревое» – отстёгиваю манжет на правом рукаве плаща, затем опускаю руку в карман-кобуру и достаю пистолет. Пистолет обычный, видимый, с глушителем, разработан для «наших» спецслужб. Удлиненный манжет полностью скрывает ствол с навинченным на него шумоподавитель.

(Пятнадцать.)

Первая цель – тот, что слева. Клац – пистолет в рукаве издаёт глухой щелчок. В книге, которую держит телохранитель, появляется маленькое отверстие и читатель роняет томик; руки его безвольно опадают вниз, голова откидывается назад на спинку дивана... Пуля вошла в середину шеи, точно под подбородком. Переключаюсь на второго... На лице телохранителя удивление: мгновение он не понимает, откуда стреляли, но уже через секунду я вижу, как его взгляд фокусируется на мне... Нет, скорее на облачке белёсого дыма от выстрела. Его реакция впечатляет – он почти успел навести на меня ствол, буквально материализовавшийся в его руке из ниоткуда... (я заметил только завершение молниеносного движения профессионала), но я на миг опережаю его. Клац.

Точно в лоб. Второй обмяк. Быстро перевожу взгляд на первого (мало ли? вдруг ещё живой? – нет, готов), и тут завыла «сирена»...

...хотя, нет, две «сирены»... Те две барышни, за столом, это они принялись визжать наперебой, так, что у меня мурашки по спине пробежали.

(Восемнадцать секунд.)

Олла так и не села, только подошла к столу. Всё произошло у неё за спиной (не то чтобы я это рассчитал специально, но я рад, что эта влюблённая девочка не увидела момент убийства). Она оборачивается, смотрит на охранников и закрывает лицо руками; глаза её округлились от ужаса, она быстро переводит испуганный взгляд с одного мёртвого охранника на другого, но не кричит.

В этот момент открывается дверь меж статуй – та, что справа – и из двери появляется Галс Флюхер (точно как на фотографиях). Ну, что ж, господин Флюхер, ты облегчил мне работу...

Клац, клац. Обе пули входят в голову – в щёку и в лоб над правым глазом. Дородная туша промышленника падает в дверях кабинета как мешок с дерьмом. «Сирены» замолкают, но я уже не обращаю внимания на женщин.

(Двадцать! В любой момент я могу стать видимым!)

Отключаю максимальную маскировку и не выжидая быстро иду через приёмную к кабинету Шракена.

Сейчас эти дамы точно видят быстро перемещающийся

«зависающий» кусок пространства, и оттого притихли как мышки. В голове мимолётом проносится: отключить маскировку совсем, сказать, что я не причиню им вреда; сказать, чтобы сидели тихо, что я скоро уйду... вот только пристрелю их второго босса... Нет. Конечно же, ничего такого я делать не стану – отключать маскировку строго запрещено.

Рывком распахиваю дверь. Для секретарш это должно выглядеть как... да чёрт его знает, как... Плевать!

Передо мной просторный кабинет, обставленный по-деловому сдержано: светлые стены с деревянными панелями внизу, несколько картин, мозаичный паркет, высокие, от пола до потолка окна завешаны однотонными гардинами кремового цвета, меж гардин – высокие амфоры, на вид ещё древнее статуй перед дверью, всего три штуки. Кабинет пуст. Точнее выглядит таковым... – «читатель» в приёмной это ясно подтверждает.

Тихо иду к массивному, похожему на трибуну столу, обхожу, чтобы заглянуть под него... Мало ли, вдруг господин Шракен решил там спрятаться? (Надо заметить, разумное решение.) Увы, под столом никого нет. А это значит, что остаётся одно единственное место...

Без лишнего шума направляюсь к неприметной двери в дальнем углу кабинета. Подхожу сбоку (на случай если хозяин кабинета вооружён и вздумает стрелять на звук шагов) и аккуратно пробую ручку... Заперто.

Ну, что ж, «клиент» там, внутри. Осталось только выбить

дверь и не угодить под пулю (всё-таки, интуиция мне подсказывает, что Шракен при оружии). Не будь я облачён в свою «мантию», вышиб бы дверь ногой с разворота, но в тяжёлом маскировочном плаще с увесистым панцирем за спиной сделать это не выйдет, – только плечом. Но так можно нарваться... Придётся импровизировать...

Иду к ближайшей амфоре, на ходу убираю пистолет в кобуру, отворачиваю манжет, пробую произведение искусства на вес... – не то чтобы сильно тяжёлое, но как таран на один раз вполне подойдёт. Ухватываюсь за сосуд и тут БАХ! – грохот выстрела, амфора в моих руках разваливается на несколько частей, я отстраняюсь назад, автоматически выхватываю пистолет из кобуры и направляю его в сторону входа.

Пару секунд назад в дверях кабинета никого не было, теперь же в там стоит романтическая миловидная Олла и целит в меня пистолетом, который так и не успел применить второй телохранитель...

Девушка смотрит прямо на меня, испуганно (ну, конечно же! – я не откинул маскировочный манжет и мой пистолет сейчас, получается, «висит в воздухе»...), но оружие не отводит. Но и не стреляет. Что ж, зря...

Убить её одним точным выстрелом. Один миг, кляц, и безжизненное тело Оллы падает на паркет в приёмной, напротив Галса Флюхера... Потом подойти к двери уборной и веером разрядить в неё магазин; выбить дверь ногой и контроль-

ным выстрелом добить упыря... Но сначала Олла...

Нет. Я не хочу её убивать. Нет.

Что ж, Эдрю Шракен, считай что сегодня твой второй день рождения. Если, конечно, у тебя достанет ума бежать из страны до вечера, – едва я уйду, покинуть своё *укрытие*, поблагодарить смелую девушку за спасение, сесть в машину и умчаться в аэропорт на ближайший дирижабль, – то, возможно, ты ещё проживёшь какое-то время. Надеюсь, недолго.

Я делаю жест, который не должен делать, пальцы передают команду проводкам в перчатке, срабатывает предупреждение – на внешней стороне запястья маленький моторчик трижды коротко вибрирует, коротким жестом подтверждаю команду и... становлюсь видимым.

Времени немного: выстрел наверняка услышала охрана. У меня секунды...

– Брось пистолет, Олла, – говорю я девушке.

Моего лица невидно, оно скрыто маской, на голове капюшон, сейчас светло-серый, как и всё остальное. Воронёный пистолет с длинным глушителем в моей руке виден отчётливо, контрастно на фоне почти белого плаща.

– Кто ты? – спрашивает в ответ девушка. Она не опускает пистолета.

– Революционер, – отвечаю я.

Я понимаю, что говорю лишнее. Я вообще не должен ничего говорить. Но не могу я вот так вот взять и убить невинного человека, женщину... такую молодую и счастливую...

Не могу. Я сказал ей правду: я революционер, а не убийца. Палач – да. Я привожу в исполнение приговор революционного суда. Я палач «Шракенов» с «Брюхерами», но не их секретарей и клерков.

– Медленно, – добавляю я через несколько долгих секунд, – опусти пистолет и отбрось вперёд... Потом отойди в сторону и больше не делай глупостей... Я не причиню тебе вреда. Не вынуждай меня делать то, чего я не хочу делать... Прошу, Олла.

Последние мои слова подействовали. Услышав своё имя, девушка опустила оружие и сделала всё, что я просил, продолжая смотреть на меня.

– Молодец.

Включив маскировку, быстро иду к выходу, отстегивая манжет и пряча под ним ствол. Олла испуганно наблюдает за мной, стоя у двери кабинета, но не отступает.

Проходя мимо неё, на мгновение задерживаюсь:

– Ты спасла жизнь настоящему убийце, – тихо, так чтобы слышала только она, говорю я. Моё лицо скрыто под маской, но её глаза смотрят прямо в мои. Она понимает, почему я здесь. Кто знает, быть может, знай она заранее о том, кто я и для чего я здесь, не стала бы мне мешать?..

«Уходи» – говорит она одними губами, беззвучно.

В этот момент дверь в приёмную распаивается и внутрь вваливаются двое охранников. Я действую не раздумывая:

жест пальцами – «процессор» форсирован; рывок навстречу охране; секунда, и я уже позади них; вторая, и я в коридоре... В два прыжка я оказался на лестнице.

– Держите его! – визжит позади женский голос. Это одна из «сирен».

– Кого?! – рывкает один из охранников.

– Его! Невидимку! – снова визжит «сирена».

Но охранники не следуют её призыву. Мизансцена с тремя трупами явно вызвала у обоих замешательство.

Не дожидаясь погони, быстро спускаюсь вниз. Навстречу мне проносятся охранники со второго этажа. Потом, когда я уже на площадке между вторым и первым, внизу появляются начальник охраны Бормунт с полицаем Джергистом, с ними ещё двое.

– Никого не выпускать! Смотреть в оба! – обернувшись в холл «квакает» Бормунт и бежит, на удивление резво, вверх по лестнице впереди остальных, напрямик ко мне.

(Десять секунд.)

Приходится вжаться в угол, чтобы этот «водяной» на меня не наскочил.

Пропустив всех четверых, спускаюсь вниз.

Уже знакомые двое стоят посреди холла, возбуждённо озираются по сторонам:

– Как думаешь, кто стрелял?

– Кто-то из спецов, кто ж ещё...

– А в кого?

– А я почём знаю?!

Меня они не замечают. Сейчас я максимально невидим.

И у меня мало времени.

Быстро прохожу через холл, резко открываю дверь, и вот я снаружи.

(Двадцать пять секунд. Я всё ещё невидим!)

Во дворе пусто. Только знакомый мордovorот у калитки топчется. Калитка закрыта, но это не проблема...

Что дальше? Пробежать по диагонали через двор и перемахнуть через забор или выйти прежним путём?

Выбираю второе.

Бегу по брусчатке прямиком на охранника. Тот уставился на открытую дверь, прямо сквозь меня, стоит, медленно переминается с ноги на ногу, прислушивается.

Когда до мордovorота остаётся пара метров, взгляд его меняется: заметил, тянется к кобуре.

Не успеешь, «бобик»... Точным движением прикладываю охранника по уху рукоятью пистолета (жить будет, но за мной теперь не кинется и объяснить подоспевшим на помощь сотоварищам, что произошло, не сразу сможет), после чего срываю с его пояса связку с ключами. Нужный мне ключ, согласно правилам охранной службы, подписан и мне не приходится выбирать из пяти болтающихся на связке. Под стыдливый скулёж скрючившегося у сторожки громилы отпираю замок калитки и выхожу на улицу.

(Тридцать секунд! Надо отключать!)

Не спеша – броневик полицаев никуда не делся – перехожу проезжую часть, на солнечную сторону улицы... Солнце – теперь одно единственное – в зените, всё ещё припекает, испаряя с открытого тротуара последние капли ночной влаги, но уже слабее (полуденное «похолодание»). Вот и спасительное марево! Жест... (Тридцать. Пять. Секунд!) «Процессор» справился! Но теперь он должен отдохнуть.

Я облажался. Нет, не в том, что не полностью выполнил задание: ликвидировал только одного буржуя, вместо двоих, как требовала инструкция, а в том, что из-за моей оплошности враг теперь точно узнает о нашем преимуществе – о невидимости. Мы, конечно, предполагали такое развитие событий – что кто-то из нас обязательно «засветится», но, признаюсь, обидно, что этим «кем-то» оказался именно я... на шестом адресе... Если, конечно, остальные четверо к этому моменту ещё не выдали себя... Но лучше пусть буду я один. Уж я-то точно знаю, что ушёл. Надеюсь, и товарищи уйдут, случись так, что их заметят.

Как бы там ни было, теперь, прежде чем отправиться дальше, я должен сообщить в штаб о раскрытии. Нужен телефон...

Переулками, держась по возможности солнечных сторон, я ушёл с 9-й линейной сначала на 8-ю, потом на 7-ю, двигаясь в сторону 26-й транспортной. Минут через десять в

одном из дворов я присмотрел удобно расположенный телефонный щит. То, что надо! – металлический ящик упрятан под козырёк в глубине «колодца» из двух подковообразных семиэтажных зданий; во дворе никого. Взлом замка занял не больше минуты. Затем я расстегнул плащ и достал из подвешенной к поясу плоской сумки телефон, – миниатюрную трубку с номеронабирателем и коротким проводом с двумя клеммами на конце, – подключился к одной из линий и набрал номер.

– Химчистка на Локомотивной двадцать два, здравствуйте! – послышался из трубки знакомый женский голос. Это Марри, моя связная.

– Здравствуйте, барышня! – говорю с заранее отрепетированной интонацией. – Подскажите, пожалуйста, сколько у вас будет стоить чистка сюртука?

Короткая пауза, – для работающих на Охранку операторов телефонной станции, слушающих этот (как и всякий другой) разговор, ничего необычного: «просто служащая справляется с прейскурантом», но я понимаю: Марри меня узнала. Она взволнована. Ведь если я звоню, значит что-то пошло не так. Что именно не так, она узнает из моих дальнейших слов – от того, как именно я отвечу на её следующую, вполне стандартную фразу.

– Цена будет зависеть от типа ткани, вещества, которым оставлено пятно, а также его расположения и площади, – наконец произносит Марри.

– Шэрхайский камлот, канцелярская краска, испачкан правый манжет, – чётко и разборчиво проговариваю я, делаю короткую паузу, считая в уме до пяти, и заканчиваю: – примерно по локоть.

Снова пауза. Мне показалось, что я услышал вздох облегчения, но нет, конечно, Марри очень ответственная, она умеет держать себя в руках.

Мы виделись с ней всего один раз, в тренировочном лагере, куда связные приезжали специально для личного знакомства с нами. Ничего предосудительного, просто знакомство товарищей. Марри молодая женщина, мать двоих детей, замужем за рабочим-железнодорожником. Преданная делу революции, она много лет активно работала на благо партии: участвовала в конспиративной работе, принимала и передавала документы от агентов, доставляла секретную почту, укрывала товарищей от полиции... Это она написала для меня те слова, что я только что произнёс.

– Извините, но мы вряд ли сможем вам помочь, – так же отчётливо отвечает Марри. – При таком загрязнении будет проще заменить рукав. Вас переключить на ателье наших партнёров?

– Спасибо, не нужно.

– Могу я вам помочь чем-то ещё?

– Нет-нет, благодарю вас. Пожалуй, я куплю новый сюртук.

– В таком случае, всего вам хорошего! Обращайтесь к нам

в любой день с десяти до семи часов.

– Непременно, – отвечаю я.

Щелчок. Марри положила трубку.

Отсоединяю клеммы, прячу телефон и закрываю щит. Дело сделано. Но оно не последнее... В моём списке ещё три адреса и три имени: банкир, криминальный авторитет и известный журналист – государев пропагандист... У меня восемь часов на то, чтобы разобраться со списком и выйти к месту сбора в двух кварталах от телецентра. Успеваю, но лучше поспешить.

Из книги воспоминаний товарища Рема Крузе «Конец монархии», Первоград, Мессия, 4618 год.

Дорога домой

*Если будешь творить зло, возмездие
обязательно достигнет тебя.
Цугуми Оба, «Тетрадь Смерти»*

Второй день солнце не показывалось из-за пепельно-серых туч. Местоположение светила ещё можно было определить по бледному пятну на небосводе и редко пробивавшимся сквозь тяжёлые тучи тонким лучикам, но с каждым новым днём света становилось всё меньше и меньше. Несмотря на тучи и явно повышенную влажность, нормального дождя не было уже четвертые сутки (если не считать за таковой редкие грязные капли, срывавшиеся время от времени с угрюмого неба), но, пожалуй, это и к лучшему. Пятый день в пути, – последние два дня человек брёл вдоль железной дороги, стараясь не выходить без необходимости на насыпь, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания выживших (у человека уже имелся опыт таких встреч...).

Карты не было, впрочем, она и не очень-то была ему теперь нужна. Вокруг горы, между горами железная дорога, по ней он не раз ездил на электричках. Мобильник с GPS-навигатором он выбросил, – после взрывов устройство уже ни на что не годилось, разве что как фонарик, но фонарик у

него имелся, простой и вполне надёжный, а высокотехнологичную игрушку очень хотелось разбить о бетонный столб. Промахнулся. Игрушка улетела в кювет.

Сильно хотелось есть. От одной мысли о еде в желудке вспыхивал очаг изжоги, его начинало подташнивать. Время от времени он сплевывал подкатывающую к горлу горечь.

– Хватанул дозу, мля... – беззвучно проговорил человек растрескавшимися губами, отплевавшись в очередной раз, и уселся на жёлтую траву. В ногах ломило. Очень хотелось пить.

С утра он нашёл на насыпи кем-то выброшенную из поезда бутылку тёплого лимонада. Лучше бы он *это* не пил... От ядовито-приторной гадости жажда стала только сильнее.

Была середина дня. Уже вторые сутки в небе висела какая-то серая муть. Несмотря на время года, ощутимо похолодало. Он подходил к Верхнебаканскому.

После смытых водой Крымска и Нижнебаканского его предчувствие не сулило увидеть здесь ничего хорошего, а когда всё чаще стали попадаться поваленные в его сторону обгоревшие деревья, человек начал забирать вверх к вершине отрога.

Крымск. В недалёком прошлом этот город уже пережил одно наводнение... Тогда толща воды, перемешанной с камнями, корягами и грязью, местами доходила до нескольких метров в высоту. Волна прошлась среди ночи по спящему городу. Многие той ночью и проснуться не успели. Наверное.

И вот, когда другие города сжигались адским огнём, этот город был снова смыт водой. Откуда пришла вода? В этот раз можно было сказать точно: вода пришла из Краснодара.

Часть кубанской столицы тоже была смыта, – большой водой из Краснодарского водохранилища, ушедшей в Азов. Человек видел, что осталось там, где прошла вода. Участь других населённых пунктов, оказавшихся на пути вырвавшегося из берегов «Краснодарского моря» (так здесь называли водохранилище) ему также хорошо представлялась, хотя и не особо хотелось представлять.

Он обходил посёлок слева, чтобы осмотреться.

Первым, что ещё издали бросалось в глаза, было отсутствие привычных труб цемзавода. Труб не было. Поднявшись выше, он всё понял. Деревья оставались стоять в складках местности, там, где взрывная волна прошла выше. Сам посёлок выгорел дотла. Лишь торчавшие ближе к окраинам огрызки стен намекали на то, что раньше здесь стояли дома. В ущелье, где была железнодорожная станция, ничего нельзя было рассмотреть, – сплошное чёрное пятно. Казалось, что ущелье стало глубже и шире. Когда до него окончательно дошло, *что* здесь произошло, он побежал. Назад и вверх. За гору.

Здесь, в пригороде Новороссийска, хребет только начинается, высоты не такие большие, как дальше по побережью, в сторону Туапсе и Сочи. Уже через час он был за перевалом. Сердце колотилось. В желудке, как ему казалось, уже обра-

зовалась настоящая «чёрная дыра», готовая поглотить измученное многодневной дорогой тело.

Человек набрёл на лесную дорогу, и поплёлся в сторону города. Здесь, за хребтом, деревья стояли с листьями, уже начинавшими желтеть. Пройдя по дороге примерно три километра, он заметил слева поляну, на каких обычно устраивали пикники любители покататься на внедорожниках. Решив, что там можно пожить хотя какими-никакими объедками, человек направился к поляне.

То, что он там нашёл, заставило его долго кататься по земле, выbleывая последнюю желчь из онемевшего от боли желудка.

Это была девушка. Лет семнадцати. Избитая, истерзанная, нагая...

Она лежала на смятой, испачканной кровью белой спортивной куртке с намозолившим глаза логотипом Олимпийских игр. Вокруг валялись бутылки, мятые банки, несколько пустых пачек от дорогих сигарет и одна от папирос «Беломорканал», рваные пакеты и разный мусор. И платье. Её платье, – белое, в какие-то мелкие цветочки. Человек подумал, что это были васильки. Одного взгляда на платье было достаточно, чтобы понять, что насильники использовали его как полотенце...

– С-суки-и-и! – рычал человек. – Твари! Звери!

Успокоившись, трясущимися руками он принялся собирать вокруг сухие ветки. Хотелось сделать для неё хоть что-

то. Погрести. Но не было ни лопаты, ни чего-либо подходящего. Да и волки или шакалы всё равно разроют...

Он подошёл к телу. Свалил рядом собранные палки. Посмотрел на неё. Она была жива ещё утром. Он не был медиком, но знал, что трупные пятна начинают появляться часа через четыре, и в течение ещё восьми или десяти становятся отчётливее. Если он ничего не напутал, смерть наступила часов пять-шесть назад.

Глаза девушки были широко раскрыты. Он пытался их закрыть, но не вышло.

Казалось, она была рада смерти.

«*Твари. Твари. Твари...*» – мысль повторялась как кусок композиции на испорченном компакт-диске, как какая-то мантра.

Он положил тело девушки на разложенные более-менее ровно сухие ветки, и принялся закладывать сверху собранным хворостом (использовать для поджога валявшийся вокруг хлам казалось ему оскорблением несчастной). Собрав достаточно большой холмик из веток, он притащил несколько больших палок, какие будут долго гореть, обложил ими погребальный костёр, достал из кармана подданных джинсов дешёвую пластмассовую зажигалку и поджёг сложенный под кострищем мелкий хворост...

Он шёл дальше. На поляне он задержался на час или два... (да и какая теперь разница, сколько прошло времени?). Надо было идти. Оставалось совсем немного.

За последние пять дней он повидал всякое, но именно эта несчастная стала для него той каплей, которая переполняет чашу.

Ему было двадцать восемь лет, и он уже третий год жил и работал в Краснодаре. Жил на съёмной квартире, работал менеджером в компании регионального уровня.

В день, когда по Краснодару и, как он догадывался, по всей стране были нанесены удары, его не было в городе. Накануне вечером, он взял в офисе необходимые бумаги – те, на которых по старинке ещё должны были ставиться печати и подписи – и загрузил в планшетник то, что можно было распечатать на месте, а рано утром сел на электричку в северо-восточном направлении и уже через час был в станции Динскóй, откуда и направился на предприятие.

Компания, в которой он работал, была монополистом, и производила едва ли не сто процентов всей молочной продукции на юге России.

Изображения маскóта компании – дебильно улыбающейся коровы – были повсюду: на продуктах питания, на фурах, развозивших эти продукты по дорогам страны, на гигантских рекламных щитах, сплошной стеной стоявших вдоль этих дорог. С тех пор, как были сняты все существовавшие ранее ограничения в области СМИ для рекламы, крупные компании в разы увеличили поток прибыли. И всё благодаря другим компаниям, в названиях которых обычно имелась

приставка «P&R», наконец-то получившим возможность использовать все им доступные технологии манипуляции на полную мощность. И что с того, что от действия этих технологий у домохозяек и их детей, попавших в почти наркотическую зависимость от телевидения, всё чаще стали случаться психические расстройства? Это мелочи! Главное – прибыль!

Он не смотрел телевизор. У него вообще не было телевизора, за ненадобностью. Всё свободное время уходило на работу. Нет, он не был трудоголиком, ему было плевать на «корпоративный дух» и прочее дерьмо. И ему не нравилось происходившее в стране и мире. Но у него была семья – родители-пенсионеры и сестра-студентка, о которых он заботился. Потому и приходилось больше работать...

Когда произошла первая вспышка, он обедал в заводском буфете, располагавшимся в том же здании, что и заводская столовая, только вход был с другой стороны. Вспышка молнии летним солнечным днём – явление странное, но если бы не последовавшее вскоре за вспышкой землетрясение, и не осыпавшиеся стеклопакеты в больших – от пола до потолка – окнах здания, мало кто обратил бы на вспышку внимание. Не прошло и минуты, как на юге сверкнула ещё одна вспышка. И снова тряхнуло. Уцелевшие при первом взрыве куски стекла попадали вниз. Спустя несколько минут поднялся сильный ветер. Сверкнули ещё две вспышки примерно с тем же интервалом, и с последовавшей после вибрацией почвы.

Нарастала паника, которую усиливали отсутствие электроэнергии и мобильной связи. Выбежавшие из здания столовой люди металась по территории завода, метался и он. А как не метаться, когда на горизонте пухнут сразу четыре грибовидных облака, значение которых понятно любому школьнику?

А в это время в районе Тлюстенха́бля через прореху на месте испарившегося участка дамбы Краснодарского водохранилища хлынула водная масса. Напор воды был поначалу слабее, так как взрыв создал огромную волну цунами, разошедшуюся в стороны от Краснодара, и смывшую прилегавшие к водоему населённые пункты, но в дальнейшем, когда водные массы вернулись в берега́, усилился. Вода прибывала, напирала на повреждённую дамбу. Если бы кто-то в тот момент смотрел на происходившее с высоты птичьего полёта, он бы увидел, как на глазах от дамбы отделяются целые участки и уносятся бетонные плиты, как рушится не знавшая десятилетия капремонта плотина. Но видеть было некому. Вода в считанные минуты смыла аулы и посёлки: Тлюстенха́бль, Ше́нджий, Тахтамука́й, Прикуба́нский, Эне́м, Козе́т, Ново-Адыгейск, Старобжегока́й, Афипский с находившимся там газобензиновым заводом, и многие другие. Из центральной и северной части плотины вода обрушилась на Краснодар. Помимо жилых кварталов, были смыты гидролизный завод, масложиркомбинат, нефтеперегонный завод и нефтебазы, железнодорожный вокзал Крас-

нодар-1 вместе с поездами...

Человек не знал – кто начал эту войну. Известно, что обе стороны конфликта (на счёт того, откуда прилетели ракеты, у него не было сомнений) давно готовились к нему, и за океаном все тонкости просчитали заранее: что сжечь боеголовками, а что затопить водой.

Волна, нарастая, вбирая в себя всё больше грунта, мусора, вырванных с корнем деревьев, автомобилей вместе с пассажирами, смывала стоявшие на её пути посёлки, станции, аулы, хуторá и города: Львовское, Октябрьский, Ивановскую, Мáрьянскую, Новомышáстовскую, Фёдоровскую, О́льгинскую, Ахты́рский, Абíнск, Крымск, Сла́вянск-на-Кубани и Темрю́к, унося в Азовское море месиво из обломков строений, техники и трупов людей и животных.

Несмотря на то, что по самой Динской ударов не было, и станицу не затронуло наводнение, уже на второй день он решил, что оттуда нужно уходить. На третий ушёл.

Отдав всё содержимое своего кошелька за старый велосипед (сторож с проходной завода был очень доволен заключённой сделкой), он закинул в приобретённый у того же сторожа рюкзак кое-какие продукты и покрутил педали в сторону Краснодара.

Когда он уезжал, в посёлке уже чувствовалась заметная напряженность. Было ясно, что это только начало, и что ещё через пару дней местное население станет иначе смотреть на неместных.

Со стороны Краснодара по трассе шли беженцы. Их было не то чтобы много, но они были. Переговорив с несколькими встречными, он понял, что в город заходить нельзя и решил обойти Краснодар против часовой стрелки.

Ближе к Кубани начинался район затопления. Сошедшая вода оставила после себя сплошное месиво из железобетонных плит, искорёженных автомобилей, листов железа, досок, мебели, бытовых приборов и... людей. Мёртвых людей. Тысячи мертвецов. Он не спал тогда двое суток. Негде было, да и какой может быть сон, когда приходится ходить по такому?..

На второй день пути ему удалось форсировать Кубань на колесе от трактора, которое он нашёл недалеко от берега. Всё это время он тащил с собой велосипед, не бросив свой неприхотливый транспорт и во время переправы через реку. Но на другом берегу с велосипедом всё же пришлось расстаться, – встретившимся ему там выжившим велик оказался тоже очень нужен (а заодно и его рюкзак с тремя банками рисовой каши, пачкой чипсов, десятком яблок и разной мелочёвкой). «Товарищам» по несчастью нужно было всё. Пришлось отдать. После того случая он старался перемещаться так, чтобы лишний раз не привлекать к себе внимания других таких «товарищей», а ещё обзавелся каким-никаким оружием – увесистым молотком на длинной пластмассовой ручке.

Торчавшую впереди справа громадину новороссийской телебашни наполовину скрывала серая муть.

Человек посмотрел на небо и поёжился.

Прошлой ночью ему пришлось несколько раз просыпаться и приседать, а после заново разжигать погасший костёр. И это в середине августа!

Он хотел было подойти к башне поближе, но потом передумал. *«Мало ли, кого там можно сейчас встретить?»* Да и идти к ней было не так чтобы близко.

Дорога уже скоро должна была вывести его на место, с которого открывался вид на город. За поворотом, слева от дороги, начиналась очередная поляна, как и та, что осталась позади, но на этой явно были люди. Присутствие людей выдавали звуки «музыки», негромко доносившиеся с поляны: некий субъект хриплым голосом на манер бывалого уголовника пел под незатейливый аккомпанемент о «суках-мурорах», «зоне», «старушке матери» и «этапах».

Внедорожник BMW с выбитым задним стеклом стоял в пятнадцати метрах от дороги. Цвет машины можно было бы определить как светлый металлик, если предварительно её отмыть от глинистой грязи, куски которой местами присохли даже к крыше. Задние фары джипа то ли были выбиты, и после залеплены грязью, то ли просто залеплены. Зато можно было заметить на задней дверце следы от пущенной веером автоматной очереди.

В машине сидели двое. Дальше в лес за внедорожником

дымился костерок, вместе с дымом распространявший и аппетитный запах тушёнки. Запах вызвал у человека, спрятавшегося в придорожных кустах терновника, болезненный спазм в желудке, от которого захотелось завывать подобно настоящему волку. В какой-то момент «музыку» сделали тише, и человеку стало слышно, о чём говорили в машине.

– ... теперь делать-то будем?

– Ты о чём, Колян? – ответил голос с хрипотцой как у принявшегося завывать очередную сентиментальную историю про лагеря блатного исполнителя.

– Ну, так эта... бабки есть, шмаль есть, водка тоже... Дальше-то что?

– Тебе что, опять бабу захотелось? Только утром драли ту, на поляне... Смотри, братан, так и хер сотрешь! – хриплый засмеялся.

– Не. Я, эта, не про бабу, я про развитие, эта, бизнеса.

– А чё развитие?

– Ну, эта, движняк делать какой-то надо. Не сидеть же вечно в лесу, как волкам, – Колян сделал ударение на последнем слог.

– Ну-у... Трава есть, пожрать есть... Ночью можно будет во Владимировку или Раёвку за тёлками сгонять...

– Какая нахрен Раевка, братан! Там, наверно, ща эта, мля, радиация как в Чернобыле...

– Бля, Колян, говори, чего хотел сказать! Хрена ты мути нагоняешь!

– Валить надо. Подальше, и от Новоросса, и от Бакланки этой... Куда-нибудь в деревню, где потише. И где не бомбили... Поставим там всех на место, заведём по гарему, и заживём там, сильно не отсвечивая, – выдал Колян с деловыми нотками в интонации.

– Базаришь, братан! – Лысая голова высунулась из окна со стороны водителя. – Эй, Марик! Слыхал, чего Колян предлагает?

– Чего тебе, Лысый? – От костра встал коренастый тип, сидевший там всё это время тихо. Короткая стрижка под машинку, лоб чуть вперёд выпирает, глаза посажены глубоко, нос несколько раз сломан; на вид – лет двадцать пять-двадцать семь. Майка «борщуха», чёрная, за плечом потертый АКСУ, как у ППСников, и штаны... белые, изгвазданные в траве, с логотипом «Сочи2014»...

– Коляна́ вот в деревню потянуло, – заржав, сообщил Марик Лысый. – Гарем там хочет завести...

– Ну, Колян он, конечно, Абдулла... – Марик стал обходить машину. – А про то, что дальше делать, я и сам думал. Ехать отсюда надо. Только для начала нужно приподняться немного. Стволы нормальные достать, прикинуться по-человечьи. Да и тачку эту – (он пнул ногой колесо) – поменять... Есть у нас ещё тут дела.

– Во! Я же говорю... – снова послышался из салона машины голос Коляна, теперь с заметно лебезящими нотками.

– А ты, мля, меньше говори, а больше слушай! То, что ты

там сейчас придумал, я уже высрал давно!

– Да ладно, Марик... Я же, эта, для общего дела же...

«*Вожак, значит... Марик*», – отметил про себя сидевший в кустах человек. Сознание стало накрывать волной бешеной ярости. Человек представил, как разрывает на части этих отморозков. По телу прошла горячая волна, которая унесла боль и усталость. Следом за ней прошла волна холодная, после которой разум стал ясным, как прозрачное стекло. «*Сколько же вы, твари, уже на тот свет успели отправить? В деревню, значит, собрались... Ну-ну...*»

Теперь человек точно знал, что должен делать. Осталось только немного подождать.

Отморозки вышли из машины, предварительно накрутив громкость.

«*Молодец. Сделай ещё погромче...*»

Человек заметил, что автомат был только один, у вожака. У Лысого и Коляна на ремнях джинсов были пристегнуты одинаковые кобуры.

«*Полицаяв грохнули? Хм... Уж не знаю, как там с полицаями, но за девочку придётся ответить...*»

Лысый, как и Марик, имел телосложение борца. Со стороны было заметно, что он был вторым номером в шайке. Колян был хилее и помладше, по повадкам «шестерка».

Трое отморозков расположились на траве перед джипом. Прятавшийся в кустах человек воспользовался удобным моментом и ползком перебрался ближе к машине. Теперь от по-

ляны его отделяла только мелкая поросль кустарника, про-росшая насквозь высокой травой, сзади на него бросало тень корявое кизиловое дерево с пожелтевшими листьями. Был вечер. Сидевшие на поляне не подозревали о том, что совсем рядом, в десяти шагах от них, прятался человек, уже решивший их судьбу, – обычный парень, которому посчастливилось оказаться вдали от своего постоянного места работы, которое оказалось в эпицентре ядерного взрыва.

Рассевшись вокруг расстеленной на траве и прижатой по углам камнями скатерти с расставленными на ней одноразовыми тарелками с макаронами по-флотски, свежими огурцами и помидорами, подсохшим хлебом, баклажками с минералкой и бутылкой тёплой водки трое отморозков принялись обсуждать, где и как им лучше всего устраивать засады на беженцев.

Наевшись и допив водку, они решили, что выпитого недостаточно, и тогда Колян соорудил из пустой баклажки и фольги, извлечённой из сигаретной пачки, курительное приспособление, а Лысый достал из кармана свёрток. Раскурив импровизированную «трубку», они стали передавать её по кругу, время от времени подсыпая измельчённую сухую траву из свёртка в воронку из фольги на горлышке бутылки.

– Хороший планчик! – прохрипел Лысый сдавленным голосом и передал баклажку Марику.

– Да. Не надо было валить барыгу сразу. Узнали бы у этого чертилы, может он где семян припрятал, – прогундел Марик,

выпуская дым и протягивая бутылку Коляну. Тот не взял.

– Э, Колян, ты чего?

Колян сидел с тупым выражением лица, бледный как мел.

– Марик, похоже, Колян перебрал, – участливым тоном прохрипел Лысый. – Э! Коля! – Он потянулся к Коляну и потряс за плечо. Тот отреагировал своеобразно: чуть наклонился вперёд и... наблевал на скатерть.

– Бля... – Лысый покривился.

Марик, матерясь, взял бутылку с минералкой и вылил подельнику на голову, чем привёл того в чувства.

– Мля, пацаны, эта, херово мне чёто... – Колян взял бутылку с водой, кое-как встал и шаткой походкой направился в лес, взяв чуть левее того места, где прятался человек.

Марик с Лысым брезгливо отстранились от «стола» и вместе с изогнутой баклажкой переместились внутрь BMW, добавив громкости на стереосистеме. *«Молодцы, ребятки! – похвалил их за это человек. – Правильно. Сделайте погромче...»* В машине некий Михаил по фамилии Круг задушевно запел про «Владимирский централ».

Быстро темнело. Колян, заиклившись на процессе ходьбы, передвигал непослушными ногами, придерживаясь правой рукой за подворачивавшиеся деревья. В левой руке он держал пластиковую бутылку с минеральной водой «Горячий Ключ». Колян отошёл от джипа метров на сто, когда ему начало казаться, что кто-то за ним идёт. Мысль о том, что *«сзади кто-то есть»*, не на шутку напугала Коляна. Не обес-

покоила, как любого нормального человека, – назвать пьяного и одновременно обкуренного отморозка «нормальным» было бы неправильно, – а именно напугала. Колян продолжал перебирать ногами и при этом страшно бояться. Когда Колян понял, что отошёл от своих уже довольно далеко и дальше лучше не идти, он остановился и, преодолевая страх, стал медленно оборачиваться...

Сзади стоял человек, одетый в лохмотья. Ростом примерно метр восемьдесят пять, тёмные волосы, на лице недельная щетина, нос прямой, глаза карие. Колян испугано посмотрел в эти глаза. Взгляд человека был спокойный. Тогда Колян опустил глаза вниз и увидел в руке у человека молоток.

– Девочка, в трёх километрах отсюда, на поляне, – произнёс человек. – Это вы её?..

Колян на мгновение замер, силясь осмыслить происшедшее. Потом его начало потряхивать.

– Она сама... эта... – залепетал вдруг Колян. – Мы... эта... случайно так вышло... я её не... это не я её... это всё он... не я...

Человек ударил. Один раз. Колян с проломленным черепом рухнул кулем на жёлтую траву, начав судорожно дёргать невпопад руками и ногами.

Человек подождал, пока лежавший на земле Колян перестал дёргаться, затем наклонился к телу и снял с ремня кобуру с потёртым «Макаровым».

Проверил магазин: четыре патрона. Запасной? Полный.

Пристегнул кобуру на ремень, сменил в пистолете магазин, дослал патрон, поставил на предохранитель (в детстве он любил поиграть в «Counter Strike»). Потом засунул молоток за ремень и пошёл обратно на звук «музыки», – теперь это был гангста-реп.

Было уже совсем темно (в горах всегда темнеет быстро). Да ещё и эта муть в небе... В салоне BMW горел свет, репер вещал про уличные разборки, девочек и «движения». Двое отморозков откинулись на передних сиденьях: Лысый – на месте водителя, Марик – рядом. Марик курил. Обычную сигарету.

– Куда там этот придурок потерялся? – растягивая слова, спросил Марик, не оборачиваясь к Лысому.

– Может, сходим, поищем, где это тело вырубилось?

Лысый подался вперёд, чтобы взять из лежавшей на панели пачки сигарету, и в этот самый момент раздался выстрел.

Марик только повернулся к Лысому, собираясь что-то сказать тому, когда в лицо ему полетели горячие липкие брызги с осколками черепной кости и клочками кожи и волос. Пуля прошла навывлет голову Лысого и оставила в окне рядом с Мариком небольшое отверстие с расходящимися вокруг трещинками. Тело убитого стало заваливаться на Марика, пока ещё прикрывая его от стрелявшего. Как назло, пассажирская дверь была закрыта. Со стороны же водителя, наоборот, дверь была распахнута до упора. Автомат лежал на полу справа возле сиденья. Марик протянул, было, руку к

оружию, но это только в кино так бывает, когда в последний момент герои успевают выхватить оружие. В жизни же всё иначе.

– Лапу убери, – произнёс незнакомый голос из темноты. Голос был спокойный, никакого повышенного тона. – На панель обе положи, – добавил голос. Марик подчинился. – Вот так, молодец.

Обычно уверенного в себе в присутствии подельников Марика начинало потряхивать. На коленях его лежал с простреленной головой ещё минуту назад бывший живым Серёга Лысый. В штанах Марика стало мокреть (то ли из головы Лысого – его давнего приятеля, натекло, то ли это он, Марик, сам оплошался...). Было страшно. По-настоящему страшно. Смерть стояла рядом, в нескольких метрах от машины. Он даже различал её, Смерти, силуэт. Она, Смерть, разговаривала с ним голосом незнакомца, холодным и чужим.

– За что? – Неожиданно для самого себя спросил Марик.

– За неё, – ответила Смерть.

Марику сразу стало понятно, о ком речь. И он рассмеялся. Это была истерика. Он смеялся примерно минуту, и с каждой секундой его смеха, стоявший возле машины в крошечной темноте человек понимал, что всё сделал правильно, что и сейчас его рука не дрогнет, и он не станет после об этом сожалеть после. Никогда.

Когда Марик отсмеялся, он спросил Смерть:

– Послушай, вот мы, – он запнулся, потому что никаких

«мы» уже не было, был один он и два трупа (в том, что Колян был мёртв, Марик не сомневался), – по-беспределу с ней обошлись, я согласен... Слышишь? Я согласен! И ты с нас спрашиваешь. Но посмотри вокруг... Весь мир превратился в ад! Миру крышка! Сколько миллионов, или, может, миллиардов сгорели?! Кто за них спросит? И с кого?

Марик повернулся лицом к открытой двери. Смерть стояла теперь совсем рядом. Лица Смерти, по-прежнему, не было видно, – только направленное на Марика чёрное дуло пистолета отчётливо выделялось в жёлтом освещении салона.

– Спросят. Я уверен. Теперь каждый, кто выжил, может и должен спрашивать. С себя и с других. Чтобы оставаться человеком. – Сказав это, человек нажал на спуск.

Он убрал пистолет в кобуру. Обойдя машину, открыл заднюю дверь, потом боковую. Осмотрел салон. В найденный в машине рюкзак он сложил то, что посчитал нужным. Это не было грабежом или мародёрством. Это были его трофеи. Всё оружие, патроны, найденные в багажнике консервы... Похоже, бывший хозяин внедорожника был охотником, – в багажнике нашлось традиционное для охотника и рыболова снаряжение.

Человек переоделся и сменил обувь на пришедшиеся как раз впору резиновые сапоги, надел плащ-дождевик, закинул за спину увесистый рюкзак, взял автомат и пошёл к дороге.

Трупы бандитов человек оставил лежать, как лежали, забрав лишь оружие. Очень скоро они станут пищей для тьяв-

кавших в паре километров от того места шакалов.

Проснувшись утром, Илья Лисов, долго не мог понять, почему его механические часы показывали половину девятого. Рассвет, казалось, только собирался. Солнца видно не было. Пепельно-серое небо слабо светилось, но определить точно, где находилось светило Лисов так и не смог. Вокруг висела уже ставшая привычной муть. Он подкинул сухих палок в так и не давший ему нормально выспаться костёр, потом пристроил сбоку трофейную банку с этикеткой «Завтрак туриста» («Ага, турист, конечно...» – невесело усмехнулся он, когда доставал банку), налил минеральной воды из баклажки в солдатский котелок.

Прошлой ночью он шёл ещё какое-то время по дороге, пока тьма не опустилась такая, что дальше вытянутой руки уже ничего нельзя было разглядеть. Отправиться в ночь шляться по горам было глупостью, – не хватало только ногу сломать. Был, конечно, фонарь, но Лисов предусмотрительно решил им не пользоваться, дабы не привлекать к себе лишнего внимания. Люди теперь всякие попадаются. Он свернул с дороги и подыскал удобную низинку для ночлега, в которой можно было разжечь огонь, без риска привлечь тем незваных гостей.

Около часа ушло на сбор палок для костра в достаточном количестве, чтобы не пришлось потом среди ночи бродить по лесу в поисках дров. Наскоро поужинав трофейной ри-

совой кашей с мясом, и запив её холодной водой с лимонной кислотой и парой ложек сахара, Лисов развернул поверх туристической пенки трофейный спальный мешок и залез внутрь вместе с оружием, не застёгиваясь, а просто накрывшись сверху дождевиком.

Его совесть несколько не мучило совершённое им накануне тройное убийство. Нет, он не радовался тому, что сделал, но и не сожалел. Семь раз он просыпался, чтобы подкинуть в затухавший костёр палок, а пока спал, даже видел сны. Один он запомнил.

Стоял солнечный день. Лёгкий ветерок шевелил густую, нагретую солнцем сочную зелёную траву. Илья стоял, как ему показалось, на одной из полян на склоне Колдун-горы, что за посёлком Мысха́ко. Впереди простиралась покрытая лёгкой рябью морская гладь. Над берегом кружили несколько чаек. Внизу, у воды, было поразительно много народу. Столько можно видеть, разве что, где-нибудь на пляже в Сочи или в Лазаревском. Здесь он никогда ещё не видел такого количества людей. Этот пляж, сколько помнил Илья, всегда называли «диким». На него обычно ходили местные – те, кому не лень топать несколько километров по берегу из Мысхако или столько же из Широкой Балки.

Шумели дети. Недалеко от берега Илья заметил стайку дельфинов. Сложно сказать, сколько времени прошло, пока он стоял на той полянке и смотрел сверху на море, на людей,

на корабли, видневшиеся далеко на линии горизонта. Его окликнули по имени. Илья обернулся и увидел стоявшую в десяти шагах от него девушку в летнем коротком платье. Это была та самая девушка, в том самом платье с васильками... Девушка улыбнулась ему, как давнему знакомому, и быстро подошла, почти подбежала к нему.

– Спасибо тебе, Илья! – Она потянулась на носочках, чмокнула его в щёку, и, улыбнувшись, погладила его ладонью по плечу.

Потом девушка быстро развернулась и побежала, босыми ногами по траве, к тропинке спускавшейся вниз, к морю и Илья проснулся.

Очень странный сон.

Илья Лисов не был склонен к религиозным суевериям и мистике; был он атеистом и потому сновидение это объяснил для себя вчерашними событиями и событиями прошедшей недели, – от пережитого им за те дни у кого-нибудь другого могла бы и крыша запросто поехать, а не то, что сны всякие сниться.

Если не считать вчерашнего ужина, съеденного больше по необходимости, – аппетита после пережитого совершенно не было, – он впервые за три дня поел досыта. «Завтрак туриста» оказался настоящим деликатесом. Запах от разогретой на костре каши шёл такой, что голова кружилась. Утолив голод и напившись под завязку горячим чаем, Лисов закидал

костёр землёй, собрал вещи в рюкзак и направился к перевалу, до которого было с полкилометра.

День упорно не желал наступать. Это вообще нельзя было с уверенностью назвать днём. Как и ночью тоже. Раньше нечто подобное бывало перед сильным ливнем, о каком обычно говорили: «льёт, как из ведра», но теперь с неба не падало ни единой капли. Да, в предыдущие дни солнце тоже нечасто выглядывало из-за сплошной облачности, но если ещё пару дней назад можно было с уверенностью отличить день от ночи, то теперь самым подходящим словом, определявшим текущее время суток, было «сумерки».

Это и были *сумерки*. Сумерки перед долгой холодной Ночью.

В некоторых местах Ночь уже наступила, – сутки, двое и даже трое назад. Планету постепенно окутывала тьма. Миллионы тонн сажи одновременно были выброшены в стратосферу Земли тысячами взрывов. Горели города, леса, угольные и нефтяные месторождения. В результате подвижек земной коры были разбужены десятки спавших прежде вулканов, которые ещё долгие месяцы будут подпитывать только начавшую застилать небо дымовую завесу.

Приближаясь к месту, откуда открывался вид на Новороссийск – его родной город, Лисов ускорял и ускорял шаг, пока не перешёл на бег. Его сердце билось всё быстрее и быстрее. Впереди было только мутное небо и сто, девяносто, восемьдесят... сорок, тридцать, двадцать шагов... Он бежал. Серд-

це колотилось. Бешено. Вот ещё десяток и...

Он увидел его. Город в сумерках.

Он упал на колени и заплакал.

Была середина дня. Илья Лисов не думал о времени. Плевать на время! Он сидел на жёлтой траве и смотрел на свой город, которого больше не было.

Внизу, под горой, лежал Гáйдук, правее – Владимировка (пригороды Новороссийска), а слева... Если в Кирилловке и Борисовке ещё можно было рассмотреть относительно целые здания, то с Цемдолины начинался ад: сплошное месиво из всего того, что раньше было городом. Лисов рассмотрел два чёрных пятна, рельеф вокруг которых изменился до неузнаваемости. Дальше всё скрывала проклятая муть.

Там, внизу, осталось всё, что было ему дорого – его родители, сестра, близкие, его прошлое... Ничего не осталось. Пока он шёл сюда, у него была надежда, пусть маленькая, но она была.

«*Что теперь? Куда идти? Для чего всё?*» – спрашивал он себя.

Он встал, рука сама поднесла пистолет к виску, щёлкнул предохранитель, палец начал выбирать спуск...

«*Нет. Слишком простой выход...*» – Лисов посмотрел на пистолет в своей руке... Он стоял один на высохшей траве под чернеющим с каждым часом тяжёлым небом. «*Слишком просто...*» – Он вернул пистолет в кобуру и подобрал лежав-

ший рядом рюкзак и автомат. Посмотрев ещё раз в сторону города, он развернулся, накинул на голову капюшон плаща, закинул за спину рюкзак, повесил автомат на плечо и зашагал прочь.

Спаситель

Посвящается А.Д.

*...ко всем разумным существам
Вселенной относиться по-человечески, по-человечески
поддерживай добро, по-человечески борись со злом.
Из романа «Люди как боги» писателя-землянина
Сергея Снегова*

Они думали, что с нами покончено, что они победили. Но мы вернулись. Мы снова на свободе. И теперь всё будет иначе. Теперь всё изменится. Теперь у нас есть преимущество – есть союзник, с которым вместе мы сокрушим их. Действующему миропорядку приходит конец, хотя он ещё об этом не знает...

Память десятков тысяч наших товарищей, революционеров, сражавшихся за лучший мир до последнего вздоха, будет отомщена. Ждать осталось недолго.

В самое ближайшее время – я говорю о днях, неделях, в крайнем случае, месяцах – от наших рук падут президент, министры, сенаторы, главы корпораций, судьи, прокуроры и их верные псы – имперские генералы и полицаи. Их дни уже сочтены. Мы придём за каждым. И мы огласим наш приговор, и все в империи Объединённых Штатов и за её предела-

ми услышат его. Крестьянин на жаркой плантации в восточном полушарии и фабричный рабочий на Западе; лишённый права голоса житель колонии и его надсмотрщик-полицай; сытый обыватель – патриот и лоялист, здесь, в метрополии и его сосед, пусть и тоже сытый, но знающий цену этой сытости и потому стыдящийся её, и потому готовый действовать; солдат с тщательно промытыми мозгами, готовый убивать за вскормившее и выпестовавшее его государство и городской партизан. Услышат и разделятся. И каждый выберет сторону.

Возможно, в то время, когда ты, мой Читатель, станешь читать эти строки, всё уже будет кончено. Государство-тиран под названием Объединённые Демократические Штаты Западного Полушария уже прекратит своё существование и станет историей. Или же прямо сейчас, ты, отважный партизан, читаешь это в перерыве между боями, в окопе или в отбитом у имперских собак доме. Может быть, ты ещё молод для борьбы, или слишком стар, или ты – сестра, вынашивающая под сердцем будущих граждан нового справедливого мира... А может ты мой близкий товарищ, которому я решил показать рукопись и, стало быть, всё только начинается.

Тебе, мой боевой товарищ, наверняка уже известны события, о которых я буду говорить ниже. Что же до вас, читающих это в будущем, то вам моя история может показаться фантазией (если, конечно, наши друзья не решатся предать

гласности своё пребывание в нашем мире... но здесь я забегаю вперёд), и, тем не менее, в этой истории нет ни капли вымысла.

Как бы там ни было, я думаю, что всем вам – и тебе, Читатель из будущего, и тебе храбрый партизан, и тебе, сестра, и тебе, мой боевой товарищ – будет интересно узнать мою историю (или же её подробности). Ведь она – часть истории нашего мира и нашей революции. Эта история о пришельце из далёкого мира, который пришёл в Шхакабб, чтобы помочь угнетённым свергнуть иго хищников. Её вам расскажу я, Шиаб, бывший школьный учитель географии, в дальнейшем городской партизан, узник и снова партизан. Будь я в прошлом учителем литературы, возможно, этот рассказ был бы ярче и читался интереснее, но, что есть, то есть... Писатель из меня – так себе.

Ну, что же... Время рассказать вам о случившемся со мной.

Для меня эта история началась с длившейся долгие годы тишины...

Тишина.

Шери, Кхан, Хишо, Аша, Феш, Зихт...

Я сидел, поджав под себя ноги, на холодном полу тюремной камеры и мысленно повторял имена моих товарищей. Чтобы не забыть. Я боялся, что могу забыть кого-то. В последнее время – не знаю, как долго это продолжалось – мне

становилось всё труднее удерживать мысли. Я становился рассеянным, апатичным, глупым... «Мёртвые коридоры...» Мои мысли мертвели, распадались на фрагменты, ускользали, таяли. Иногда, на мгновение, я ловил себя на том, что не могу вспомнить собственное имя. Потом вспоминал, но забывал их...

Шери, Кхан, Аша... Зихт...

Конвоиры... Кажется, меня должны отвести на очередной – не помню уже какой по счёту – допрос... Точно? Должны? Нет! Это было слишком давно... не должны... Они поняли, что я не откажусь от своих показаний – не признаю себя обычным уголовником и не стану делать позорных заявлений, каких добиваются власти. Я не попрошу о помиловании! Нет! Поэтому я здесь...

Тишина.

Скрип где-то в коридоре. В другом конце. Это вертухай. Ублюдок никак не починит один из сапог и тот скрипит. Смазал бы уже...

Тишина.

Шери, Кхан, Аша, Зихт... Шери...

Внезапно, совершенно непонятно откуда, в нескольких шагах от меня, прямо возле двери с решёткой, появляется *это...*

...существо.

В тот момент я всерьёз усомнился в собственном рассудке. Его вид...

...я решил, что схожу с ума и вижу галлюцинацию.

Признаюсь, я даже подумал, что передо мной *демон*... Я – атеист и не верю в религиозный бред про бога, антибога, ангелов и демонов, но в тот момент я всерьёз подумал, что вижу нечто *потустороннее*. Я испугался.

– Не бойся, – сказал «демон» неживым голосом. Голос его звучал одновременно с совершенно немислимым набором сложных звуков, производимых чем-то вроде *рта* в верхней части странного тела «демона», и исходил из тонкого и на вид мягкого обруча из металла, подобно змее обвивавшего основание этой самой части. *Металл, мягкий!* Я вижу, как слабо вздрагивает тело «демона» и обруч шевелится подобно тряпке. *Но он точно железный!* – пронеслась в мозгу глупая мысль. *Нашёл о чём думать...* – укорил я себя.

– Шиаб, – произнесло существо моё имя, – я понимаю, насколько чужда моя внешность всему тому, что ты привык видеть в своём мире... но вряд ли бы ты поверил мне, явись я в облике представителя твоего вида.

– *Моего вида?*.. – медленно произнёс я, уставившись на «демона» всеми глазами. – Кто ты, антибог тебя раздери?!

– Я из другого мира... с другой планеты, – спокойно ответило существо. – Можешь называть меня Иешуа... это моё имя.

– Шиаб, – сказал я вслух и зажмурился всеми глазами сразу, – у тебя едет крыша.

Тишина.

Шери, Кхан, Хишо, Аша, Феш...

Тишина.

Открываю глаза. «Демон-пришелец» по имени «Иешуа» стоит на месте.

– Ты не сумасшедший, – говорит он. – Ты действительно видишь то, что видишь. Я здесь.

– Чего ты хочешь? – спрашиваю я.

– Помочь, – отвечает он.

– Мне?

– Тебе.

– Ты пришёл, чтобы выволить меня?

– Да.

– Но, как?.. Как ты сможешь мне выбраться? Это – тюрьма особого режима...

– Просто вставай и иди за мной! – говорит «демон» или «пришелец», или «Иешуа». – Охрана ничего не заметит.

Он развернулся, протянул к двери верхнюю с сочленением ровно посередине конечность с «кисточкой» из пяти коротких и тонких многосуставчатых ответвлений на конце и, ухватившись ею за решетчатую дверь, отодвинул её в сторону. Дверь послушно поддалась.

– Идём! – произнёс пришелец неживым голосом. И я последовал за ним.

Тут, думаю, мне следует сделать отступление и описать пришельца Иешуа, в общих чертах.

Пришелец совершенно не походил ни на одно из тех существ, что обычно изображают в фантастических фильмах или описывают в фантастических книгах (по крайней мере, мне подобных описаний не попадалось). У Иешуа было всего лишь *четыре* конечности. Причём передвигался он на двух, – и это, похоже, была единственная их функция! – а другими двумя он пользовался как руками. Такое вот своеобразное распределение. Шагал Иешуа на *нижних* конечностях – назовём их «ногами» – довольно уверенно и даже не думал падать. *Верхними* конечностями – назовём их «руками» – пришелец манипулировал предметами (например, дверью камеры) и по-своему жестикулировал. Правда, язык его жестов оставался до времени мне непонятен (разве что, приблизительно, на уровне указаний направления). Лицо пришельца, с двумя глазами – миндалевидными, с округлыми, как у животных, зрачками голубого цвета, ртом и органами слуха и дыхания (эти детали я узнал позже), расположено на округлом отростке в верхней части тела, опоясанном, как я уже отметил выше, у основания обручем-переводчиком из мягкого металла. Что касается гениталий и системы сфинктеров, то они, надо полагать, находятся у него где-то на туловище, под одеждой (я не интересовался такого рода подробностями). Тогда я ещё не был уверен насчёт пола Иешуа... но обруч-переводчик использовал местоимения мужского рода, и я доверился переводу.

Вслед за пришельцем Иешуа я вышел в коридор и сразу же увидел вертухая. Тот стоял в десятке шагов от «моей» камеры посреди коридора, уставившись в пол перед собой и, как мне сразу показалось, совершенно ничего не соображал и не видел. Из голосовых сфинктеров охранника свисали тонкие струйки слюны.

– Что это с ним? – спросил я Иешуа, подойдя к вертухаяю.

– Ничего плохого с ним не случится, – ответил пришелец. – Видишь? – Он протянул руку и, сложив многосуставчатые ответвления в пучок, оставив торчащим только одно, указал им на зависшее над охранником прямо в воздухе маленькое устройство. – Твой собрат в трансе... его сознание подавлено. Временно. Как только мы уйдём, машина вернёт его в прежнее состояние.

– Не брат он мне! – презрительно сказал я.

– Прощу прощения, – ответил пришелец, и пошёл дальше по коридору, – возможно, это ошибка переводчика... – Он потрогал рукой обруч, из которого звучал голос.

Я не ответил и продолжал идти следом за ним, пытаюсь сообразить на ходу, что происходит, и во что это я ввязался.

Мимо мелькали пустые камеры... «Мёртвые коридоры...»

Мы дошли до конца длинного коридора, где была тяжёлая железная дверь с небольшим окошком из бронированного стекла. Пришелец Иешуа коснулся рукой одной из клавиш на дверном пульте, щёлкнул электрозамок и дверь послушно

открылась.

– Идём! – он сделал вполне понятный приглашающий жест своей причудливой рукой и шагнул в следующее за дверью помещение.

Вслед за пришельцем я вышел из блока.

Это было что-то вроде дежурного поста – просторная комната между двумя тюремными блоками. Напротив двери, из которой мы вышли, я увидел такую же, запертую; слева и справа были ещё двери, но уже не бронированные; лифт и рядом дверь с табличкой «лестница». В комнате было несколько таких же очумелых охранников, «опекаемых» уже знакомыми «машинами» Иешуа. Причём «машин» было всего три на целую свору вертухаев. Все вертухаи пускали слюни и тарасились кто в пол, кто в стену.

– А как же камеры? – спросил я моего спасителя.

– Они временно не работают, – ответил Иешуа, направляясь к выходу на лестницу. – Идём! – добавил он, открывая дверь. – Нам нужно на крышу...

– На крышу?..

– Да. Там мой транспорт. Нам стоит поспешить.

Ну, да, – сказал я себе, – конечно... пришелец с другой планеты... не пешком же он сюда пришёл...

Мы вышли из блока и стали подниматься вверх по лестнице...

Раз в несколько дней... – не знаю, во сколько; в камерах,

где меня держали, не было окон, так, что я не мог следить за сменой дня и ночи, а электрическое освещение не выключалось круглосуточно... – раз в несколько дней (или недель?) меня переводили из камеры в камеру. Мне накидывали на голову грудь непроницаемый полог из плотной ткани и заталкивали в тесную железную клетку на тележке. Клетку закатывали в лифт и несколько раз гоняли кабину вверх-вниз, так, чтобы я не мог определить – на котором из этажей двадцатиэтажной тюрьмы я нахожусь. Возможно, меня возвращали на тот же этаж, в тот же блок, только в другую камеру. Всё, что я мог видеть из-за решётки камерной двери, была выкрашенная в белый цвет коридорная стена напротив и небольшой участок серого пола. Всё. Кроме меня и единственного охранника во всём блоке никого не было.

На оклики вертухаи не отзывались, словно все они были глухими (хотя, конечно же, не были, просто действовали согласно уставу). Но, если настойчиво требовать чего-то, то могли прийти другие – те, что наблюдали через камеры и слушали через микрофоны – и избить. Молча. Таковы правила. «Мёртвые коридоры...»

Только недавно тишину в блоке стал нарушать один. По скрипу его сапога я стал точно определять его смену и место, где он находился. Теперь не одна только тишина сводила меня с ума.

К камере вертухаи подходили только чтобы сунуть под дверь поднос из плотной резины с резиновыми тарелками

и столовыми приборами, и потом, спустя несколько минут, чтобы всё забрать. И снова тишина. Тишина. Тишина. Тишина... О! Ублюдки! Так они пытались сломить нас – меня и моих товарищей, пытались вынудить отказаться от наших убеждений. Для этого они придумали особый режим содержания: «мёртвые коридоры» – пустая белая камера в совершенно пустом блоке. Ни звука сверху, или снизу! Никаких свиданий! Никаких книг, или возможности вести записи, никаких новостей извне! Тишина. Тишина. Тишина. Сенсорная депривация.

До нас доходили слухи... ещё до того, как нас схватила политическая полиция... что некоторые так сходили с ума; пытались покончить с собой, бились о белые стены, рвали зубами вены.

Тогда, выйдя на лестничную площадку и увидев трафаретный номер на стене, я узнал, что последнее время находился на восемнадцатом этаже. Как и в тюремных блоках, на лестнице не было окон; все помещения освещались электрическими светильниками, так что нельзя было точно понять, день сейчас снаружи или ночь (одна из «достопримечательностей» тюрьмы особого режима: в случае побега заключенных, электричество отключалось и вертухаи с приборами ночного видения выходили на охоту...). «Мёртвые коридоры...»

Я не знал, что с моими товарищами и где они. Тогда, под-

нимаясь по лестнице вслед за пришельцем по имени Иешуа, я ничего не знал...

Шери, Кхан, Хишио, Аша, Феш, Зихт... друзья мои, мои боевые товарищи! Где вы? Дёржитесь ли ещё? Живы ли?

...я не знал даже – в действительности ли всё это происходило со мной, или фантастический побег был плодом моего свихнувшегося сознания, болезненным сном, бредом...

Сами посудите: пришельцы; какие-то чудесные устройства, игнорирующие законы физики; загипнотизированные охранники... Как тут не усомниться в собственном разуме?

– Почему ты помогаешь мне, *Иешуа*? – спросил я пришельца, в первый раз назвав его по имени.

– Потому, что должен, – ответил тот и открыл дверь, за которой всё заливал яркий солнечный свет. – Нам следует поспешить. У нас мало времени.

Вслед за Иешуа я вышел на крышу тюремного корпуса. Солнце, похоже, стояло высоко – так мне показалось. Я так давно не видел солнечного света, что мои глаза совершенно отвыкли от него. Едва я оказался снаружи, солнце ослепило меня; глаза тотчас затянуло влажной плёнкой. Не удержавшись, я встал на четыре ноги, задрав голову и зажмурив глаза; я вытянул руки в стороны и несколько раз наполнил и опорожнил лёгкие. Постояв так несколько долгих мгновений, я попробовал осмотреться: смотреть было больно.

Поначалу я смог полностью открыть только нижнюю пару глаз, под жвалами, – верхние почти ничего не видели. Небо

было ярко-сиреневого цвета; солнце стояло чуть позади и слева. Я старался не смотреть на него. Впереди была плоская, обнесённая невысоким парапетом крыша тюрьмы, а за ней вдали – небо, по которому плыли стайки бледных перистых облаков; где-то совсем рядом прокричала птица. На мне было худое тюремное рубище, сквозь которое я тотчас же, всем телом ощутил прохладную свежесть: была середина весеннего дня.

Мой спаситель больше не торопил меня. Пришелец стоял рядом и терпеливо ждал, когда я смогу двигаться дальше.

Наконец, мои глаза стали разбирать детали окружения, мир проступил сквозь водянистую пелену слёз. Вокруг повсюду виднелись какие-то коробки и трубы, навесы с кондиционерами, невысокие мачты с антеннами. Ничего, что могло бы сойти за обещанный пришельцем «транспорт», я не заметил.

– Что дальше? – спросил я.

– Идём! – позвал пришелец и уверенно зашагал в сторону. Только теперь я заметил марево – лёгкое подрагивание воздуха над относительно ровной частью крыши. Подобное марево можно видеть в жаркий летний день над сильно нагретой солнцем поверхностью (например, над дорогой), но здесь, при столь ощутимой прохладе это, обычное, на первый взгляд, явление выглядело странным. Марево имело подозрительно правильную форму: нечто расплывчато-овальное; кроме того, присмотревшись, я заметил, что находившиеся

за подозрительным маревом предметы сквозь него почти не были видны (вернее, были, но *как-то неправильно*).

Иешуа быстро подошёл к мареву и...

...исчез в нём.

– Поспеши, Шиаб! – послышался голос пришельца, ставшего невидимым. И я поспешил.

Я не стал ничего спрашивать и медлить; быстро осмотревшись по сторонам, я уверенно двинулся вперёд и сам не заметил, как оказался внутри «транспорта» Иешуа.

Это не была кабина фантастического звездолёта, не капсула, не болид и уж точно не самолёт или вертолёт... Как мне описать *это*? Попробую так: войдя в марево, я оказался в некой *податливой среде*... как гель или что-то вроде того. Как я уже сказал, я не заметил, *как* оказался внутри. Только что был снаружи и вот уже *как бы подвешен* внутри: ноги, незаметно для меня самого, оторвались от крыши (словно я «взошёл» по воздуху). Секунды спустя, мой вес распределился на «невидимой подушке». Вокруг меня была прозрачная желеобразная масса, которая обволокла мои ноги и голову. Я попробовал переместиться, но это мне не удалось, – каждая из шести моих ног прочно увязла в «геле» и, хоть я и мог ими шевелить, чтобы размять, но сдвинуться в сторону у меня не получалось. При этом я мог свободно шевелить всеми шестью руками, – как только я прилагал усилие, чтобы согнуть или разогнуть одну или несколько

рук, «гель» вокруг них становился жидким как вода (но, что удивительно, вовсе не мокрым). Немного побарахтавшись, я успокоился и только теперь задался вопросом: как я дышу? и тут же понял, что «гель» не проникает ни в дыхательные, ни в обонятельные сфинктеры. Наоборот: «гель» образовал что-то вроде трубок, по которым поступал свежий воздух, пахнувший крышей – смолами, окисленным железом и сухим бетоном; моих глаз вещество тоже не касалось. Несколько раз, открыв и закрыв рот, я убедился, что и это безопасно, – окружающая масса образовала вокруг рта и жвал заполненную воздухом полость.

– Тебе удобно? – услышал я голос Иешуа и только теперь обратил внимание на пришельца, который как бы «висел» справа от меня в полугоризонтальном положении.

– Да, – ответил я, на всякий случай, пошевелив ещё раз ногами и руками.

– Тогда полетели! – сказал он и, протянув перед собой руки, разветвил их окончания – назовём их условно «малыми щупальцами» – и пошевелил ими, как будто нажимая на видимые одному ему клавиши.

Транспорт в совершенном безмолвии поднялся вверх над крышей тюрьмы на высоту птичьего полета (ощущение как внутри скоростного лифта или во взлетающем вертолёте).

Когда тюремная крыша стала удаляться, становясь всё меньше и меньше, я успел заметить, как внизу, из той самой двери, через которую мы с Иешуа попали на крышу, что-то

вылетело – что-то неопределённой формы, смазанное, расплывчатое, как и сам транспорт – и пушечным ядром устремилось к нам. Я вздрогнул, инстинктивно ожидая удара.

– Это вернулись машины... – произнёс Иешуа, заметив мою реакцию. – Твои тюремщики пришли в себя и скоро поднимут тревогу.

Чем выше мы поднимались, тем больше и сильнее захватывал меня вид лежавшего внизу Илаг-Шетша – города-спутника Шетшхжшеха, столицы Объединённых Штатов, башни-небоскрёбы которого виднелись сейчас слева на юго-восточном горизонте.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Иешуа. – Головокружение не кружится?

Я сосредоточил внимание на нижней паре глаз и почувствовал тошноту.

– Немного... – сказал я, переведя взгляд на пришельца. Тот шевельнул одним из малых щупальцев и «гель» подомной стал непрозрачным, как густой туман или облако. Ещё одно еле заметное движение, и мы двинулись на восток – туда, где окраины Илаг-Шетша вплотную подступают к отрогам Щелистого Хребта.

Транспорт быстро набрал скорость. Не прошло и пары минут, как мы взлетели с тюремной крыши, а большая часть расстояния между тюрьмой и окраиной Илаг-Шетша уже была позади.

– Куда мы летим? – спросил я.

– К твоим друзьям.

Я развернулся на месте («гель» послушно перешёл в жидкое состояние, не препятствуя этому) и уставился на пришельца.

– Зихт и Аша, – произнёс он. – Единственные, кто остались в живых...

В глазах у меня потемнело, сердце бешено заколотилось, а на спине выступила холодная испарина.

– Как?.. – только и смог я выговорить.

– А ты как думаешь? – Иешуа повернул верхний округлый отросток, на котором у него было лицо, и посмотрел на меня своими раскосыми – формой разреза похожими на семена злаковых растений – глазами.

Я молчал.

Всё же, они убили их. Убили моих товарищей. Они не могли открыто казнить нас (как же! «мораторий на смертную казнь», «милосердие», «демократия»...) и потому держали нас бессрочно, лишая общения друг с другом и связи с миром, сводя с ума (о, да! либеральные ублюдки знают в этом толк!).

Ещё минута, и вот мы уже летим над пологим, поросшим хвойным лесом отрогом. Я рассеянно смотрю по сторонам. Склон поднимается всё выше и вот уже под нами Щелистый Хребет – нагромождение старых гор с округлыми вершинами, будто пропиленных сверху гигантской пилой; узкие вертикальные пропасти тут и там чернеют посреди сплошного

леса.

– Мы почти на месте, – говорит Иешуа.

За хребтом транспорт сбрасывает скорость и устремляется к лежащей в нескольких фарсах меж трёх пологих горных вершин долине, постепенно снижаясь и переходя на бредущий полёт.

Вот впереди среди сплошного леса проступают подозрительно правильные очертания: несколько поросших кустарником прямоугольных пропleshин, связанных прямыми линиями просек. Транспорт направляется к одному из прямоугольников.

Когда до места предполагаемой посадки остаётся не более трёх или четырёх стадиев, я уже отчётливо различаю какие-то ветхие, заросшие зеленью постройки.

– Это заброшенная шахта, – объясняет Иешуа. – Восемьдесят лет назад здесь добывали медь...

– Они здесь? – спрашиваю я.

– Да, они здесь. Твои друзья ждут тебя...

Над прямоугольной пропleshиной мы останавливаемся. Под нами поросший кустарником и тонкими корявыми деревцами пустырь, бывший, по-видимому, в прошлом чем-то вроде площади или автомобильной парковки. Лёгкий жест прищельца и мы опускаемся на небольшое пятно, где кустарник уступил место обычной траве.

Перед нами длинное, двухэтажное здание, из которого в нескольких местах проросли полувековые деревья – скорее

всего, бывший административный корпус шахты, или столовая, или ещё что-то общественное. Возле здания я замечаю несколько обросших кустами ржавых остовов старинных машин. Место выглядит безжизненным. *Идеальный лагерь*, – отмечаю я: место глухое, непролазное; не слишком близко и не слишком далеко от города.

– Можем выходить, – говорит Иешуа.

Я медлю. У меня есть вопросы. Много вопросов. И, хотя бы на некоторые, я должен получить ответ сейчас.

– Скажи, сколько лет я был там?

– Восемь, – отвечает пришелец. – Почти восемь лет.

Что же, не так много, как мне иногда казалось...

– Как долго держались мои товарищи?

Молчание.

– Ты уверен, что стоит говорить об этом сейчас? Аша и Зихт здесь, ждут тебя. Они всё тебе расскажут позже...

– Нет. Я хочу знать. Пожалуйста...

Иешуа посмотрел на меня, сделал непонятный жест основаниями рук и ответил:

– Хшио и Феш – три года... «Покончили с собой» – так записано в деле. Шерш – шесть... почти семь... Он сошёл с ума на пятый... умер от туберкулёза...

Слова Иешуа режут мне сердце. Всё это время, все эти годы я мысленно обращался к ним... представлял их лица... а они уже...

– Последним был Кхан... – продолжал пришелец. – Пол-

года назад он был ещё жив... и в своём уме. Тюремщики забили его до смерти.

– Как ты узнал? – спросил я, просто чтобы что-то сказать: убедиться, что могу говорить, а не кричать.

– Базы данных политической полиции и Министерства Наказания...

Да, конечно... я видел, на что способна твоя техника... – произнёс я, как мне показалось, вслух, но потом понял, что только подумал. – *А может... ты умеешь читать мысли?* – обратился я к пришельцу.

Иешуа не ответил.

Значит, не умеет.

– Ашу и Зихта... их тоже ты выручил? – спросил тогда я. – Или ты не один *здесь*... у нас?

– Я, – сказал Иешуа. – Но я не один... На Шхакаббе сейчас ещё четверо моих товарищей. Все они работают в восточном полушарии – налаживают связи между полевыми командирами, оказывают информационную и техническую поддержку. Наш корабль на орбите, приглядывает за обстановкой на планете...

– А это?.. – я пошевелил руками, изобразив соответствующий жест.

Мой спаситель понял, что я имел в виду его транспорт и тоже изобразил одной из рук какой-то одному ему понятный жест.

– Это – челнок, – объяснил он, – он для полётов в преде-

лах светового года. Для серьёзных путешествий он не годится. Позже я покажу вам «Потёмкин», наш корабль... тебе и твоим товарищам.

Я сделал жест вежливого согласия и, похоже, его Иешуа тоже понял.

– Ну, что, идём? – Произнёс он. Я согласно качнул голову. – Кажется, они уже заметили нас... – Иешуа протянул руку в сторону здания, указывая малым щупальцем на замершие в тени одного из проёмов фигуры.

Едва я вышел из марева, как Зихт с Ашей бросились мне на встречу. Да и сам я, перепрыгивая через кусты, побежал к ним.

Мы сошлись где-то посередине, между челноком и развалинами, и крепко обнялись. Я был счастлив видеть их – моих друзей, моих товарищей, с которыми вместе прошёл через партизанские будни подполья и через кровавые бои с полицейским спецназом, через погони, через акции прямого действия, через политические диспуты, через арест... и через тюрьму.

Хотя нас и разделили на долгие годы «мёртвыми коридорами», духом мы были вместе всё это время. Мы боролись, и никто из нас, даже сойдя с ума, не отказался от нашего общего дела – от нашей общей борьбы. Никто не «раскаялся».

– Шиаб!» – с повлажневшими глазами кричала Аша.

– Командир! – ревел Зихт. – Дружище!

Я же не мог выговорить ни слова. Я просто обнимал то-

варищей и плакал от радости и одновременно от скорби по тем, кого уже никогда не смогу обнять.

Из семерых, взятых полицейскими ублюдками, остались только мы трое... Благодаря Иешуа – удивительному существу из другого мира, который теперь стоял поодаль и смотрел на нас, смеявшихся, плакавших, кричавших, своими странными, полными непостижимой мудрости глазами.

Корабль Иешуа оказался поистине огромен. Внутри это была полая «бочка», длиной около двадцати и диаметром – примерно в пять или шесть фарсахов. «Бочка» эта, как объяснил нам Иешуа, вращалась, и этим создавался эффект притяжения на её внутренней поверхности.

Это был удивительный мир, наполненный светом, источаемым ярким жёлто-оранжевым стержнем, пронизавшим ось «бочки». Внизу мы видели небольшие деревни, окружённые аккуратными полями и ухоженными рощами или парками; реки и озёра и даже невысокие холмы, поросшие уже настоящим лесом; повсюду тянулись дороги, по которым ехали редкие разноцветные машины.

– Потрясающе! – сказала Аша, глядя вниз из челнока, который я, на манер Иешуа, продолжал называть «транспортом». – Сколько людей здесь живёт?

– Почти двести тысяч, – ответил Иешуа.

– Двести...

– «Потёмкин» – не самый большой корабль Земли, – заме-

тил Иешуа, улыбнувшись (к тому времени мы уже научились понимать его мимику). – Вот, к примеру, «Циолковский» рассчитан на два миллиона, а «Ганди» – на пятнадцать миллионов жителей. А ведь есть ещё и такие корабли, как «Ленин» и «Сталин», населения которых превышают сто миллионов.

Транспорт влетел внутрь «бочки» через порт, расположенный на оси её вращения. В трети фарсаха от порта начался, непонятно каким образом удерживаемый в пространстве и тянувшийся через весь корабль-мир к противоположному порту, окружённый облаками осветительный стержень. Оказавшись внутри, перед основанием стержня, – более всего основание походило на зависшую в центре оси вращения «бочки» белую «шайбу», диаметром в стадий, – транспорт плавно двинулся «вниз». Правда, я не уверен, что слово «низ» тут подходит: в области порта царит настоящая невесомость, как в космосе. Вскоре появилась сила тяжести, поначалу слабая, потом стала нарастать, пока не стала почти привычной.

Как объяснил Иешуа, для людей притяжение Шхакабба терпимо, но некомфортно, так как Земля – планета людей – обладает меньшей массой, нежели Шхакабб. Кроме того, привычный для землян воздух опасен для нас, как и наш для людей (кроме специально подготовленных, как Иешуа и его товарищи). Так что, всё время, что мы находились там, мы дышали через специальные маски.

Спустившись к поверхности, так, что до неё оставалось не более десяти стадиев, Иешуа направил транспорт по спирали и принялся рассказывать нам о корабле-мире со странным названием «Потёмкин».

– Это Париж, а это Пекин, – говорил он, указывая на поселения внизу. – А вот это Ханой. Вот Бремен, а вон там Киев, а за ним дальше – Москва, Сталинград и Мурманск... Так называются города на Земле, – объяснял Иешуа. – На кораблях-обитателях часто пользуются земными топонимами... посёлки, реки, озёра... Во-он та речка, например, Иордан, а вон та – Волга, а вон то большое озеро, над которым мы скоро будем, называется Мичиган. Оно самое большое на Потёмкине...

– Вы, наверное, скучаете по дому... по Земле... – осторожно заметила Аша.

– Нет, что вы! – Иешуа снова улыбнулся. – Я никогда не был на Земле. Я родился в космосе, в одном из кораблей-обитателей... Моя малая родина – «Армстронг»... это древний корабль, рассчитанный всего на десять тысяч жителей.

– Это ведь имя человека, да? «Армстронг»?

– Да, Аша, именно так, – ответил Иешуа. – Нил Армстронг – так звали парня, что первым ступил на иную планету... Первые по-настоящему большие корабли, – продолжал он, – рассчитанные не на десятки или сотни, а на тысячи жителей, часто называли именами космонавтов: «Гага-

рин», «Савицкая», «Армстронг»... это были – настоящие герои древности. Они отправлялись в ближний космос или на планету-спутник Земли – Луну с риском для жизни, на кораблях, одно только нахождение внутри которых было подвигом. Очень отважные были люди. Некоторые из них погибали при старте, или при возвращении на Землю... Были и такие, что получили свои имена в честь людей, никогда не бывавших в космосе, вроде «Циолковского» или «Жюль Верна», но, всё же, так сложилось, что большинство из первых кораблей носят имена космонавтов... Смотрите! – Иешуа указал на посёлок, похожий на возведённый посреди лесистых холмов и озёр фрагмент мегаполиса с высотными зданиями из стекла и металла. – Это Китеж – технологический центр «Потёмкина». Здесь мы производим транспорты, вроде этого, – он обвёл взглядом вокруг, – машины, разные сложные устройства.

– Так Китеж это... ваша столица? – уточнил Зихт, всё это время молчаливо слушавший Иешуа. – Вроде нашего Шетшжшеха?

– Нет, – повёл из стороны в сторону лицом Иешуа (человеческий жест отрицания), – не столица. У нас нет столицы. На «Потёмкине», как и на других кораблях-обителях, нет правительств. У нас прямая демократия, высокоорганизованная анархия, социализм...

– Но... – Зихт быстро взглянул на меня и Ашу и уставился на Иешуа, – разве социализм не предполагает централи-

зованного социалистического управления? У нас с этим даже анархисты не спорят... мало ли... вдруг контрреволюционеры заведутся...

Иешуа лишь улыбнулся в ответ. Зихту ответила Аша:

– Зихт, посмотри вокруг... – сказала она. – Как в таком чудесном мире могут появиться контрреволюционеры?

Облетев «Потёмкин», Иешуа доставил нас в Лондон – поселение на берегу одной из рек, где для нас было подготовлено жилище: небольшой домик причудливой формы, накрытый прозрачным куполом, наполненным привычным для нас воздухом. Там мы проводили не так много времени, – в основном принимали пищу и спали. Остальное же время мы путешествовали по «Потёмкину» (к нашим услугам были воздушный транспорт и колёсные автомобили) в сопровождении Иешуа и его друзей – Гая, Льва, Джейн и Елены.

Из этих четверых никто не бывал на Шхакаббе. Они знали о нашем мире только из сообщений Иешуа и других – тех, кому дозволялось спускаться на нашу планету. Так что, у них к нам было много вопросов. Как, впрочем, и у нас к ним. Мы много говорили, рассказывали людям о нашем мире, о нашей цивилизации, о культуре, об истории и, конечно же, о нас самих и о нашей борьбе. В свою очередь, люди рассказывали нам о *Человечестве* – так они называют себя в совокупности – всю разбросанную по Галактике цивилизацию: всех жителей Земли и других населённых людьми планет, и

всех обитателей кораблей-миров.

Здесь я подхожу к важной части моего повествования. Я считаю себя обязанным рассказать вам о Человечестве. Не передать во всех подробностях всё увиденное и услышанное за те пять дней, что мы находились на «Потёмкине», а сказать то, что мне кажется наиболее важным в их истории. Возможно, когда-нибудь я напишу об этом отдельную книгу, но эта – о другом.

История Человечества началась полтора миллиарда лет назад (по нашему летоисчислению, которое, разумеется, сильно отличается от человеческого), когда первые люди выделились из дикой природы, овладели огнём и железом. За какие-то шесть или семь земных миллионов лет люди сумели развиться настолько, что освоили не только «планету-колыбель» (человеческое выражение), но и всю систему своей звезды. Размножившись и заселив несколько планет в своей системе, они стали строить «корабли поколений» – именно таким кораблём является «Потёмкин» – и отправлять их к другим звёздам. Так люди установили связь с множеством других цивилизаций, с которыми они обменивались знаниями о Вселенной и технологиями.

Как уверял нас Гай, специалист по человеческой истории, вопреки распространённым среди наших продажных писателей-фантастов предположениям, такой обмен никогда не

имел ничего общего ни с капиталистической «рыночной» экономикой, ни с военной агрессией. Первая в развитых цивилизациях попросту неэффективна и помнят о ней, обычно, только немногие специалисты, вроде Иешуа и его друзей; вторая же – бессмысленна (потому, что существа, способные преодолевать расстояния между звёздами, вполне могут добыть себе всё необходимое в незаселенных областях Галактики, не прибегая к варварству, не опускаясь до примитивной военщины) и аморальна (так как, жизнь, в особенности разумная, в Галактике – явление нечастое и покушение на зародившуюся отдельно и независимо от обнаруживших её жизнь считается преступлением в любом развитом обществе).

Именно дружба, сотрудничество, взаимопомощь и добровольный обмен знаниями – вот те признаки, что отличают развитую цивилизацию от варваров, коими мы пока являемся. Не верьте дуракам и подлецам, что сочиняют страшилки про злых пришельцев, которым одно только и нужно, что напасть на вас и ограбить. Таковы рассуждения собственника и грабителя, что мечтает объявить своей собственностью планеты и звёзды и торговать ими. Не верьте этим спекулянтам. Планеты принадлежат всем, кто их населяет, но не как предмет торга, а как общий дом, как то, что следует беречь и чем дорожить. Этого не понимают те, против кого мы ведём нашу борьбу. Они хотят владеть, эксплуатировать и обогащаться. Разумные же существа в Галактике (как, думаю, и во

всей Вселенной) не таковы.

Раннему Человечеству тоже пришлось пройти через капитализм и порождаемые им кризисы и чудовищные войны, и только переболев этой чумой, они, люди, смогли «выйти из колыбели» – стать теми, кем они являются теперь – *галактическим видом*.

Среди читающих эти строки наверняка найдутся такие, кто станут обвинять нас с товарищами в «сговоре с внешними врагами», в том, что мы – «агенты инопланетян», которые, «преследуя коварные планы порабощения Шхакабба», решили использовать силы противников режима для «дестабилизации», «раскачивания лодки» и так далее и тому подобное. Им я скажу лишь одно: вернитесь на два абзаца выше и перечитайте то, что там написано.

Повторяю, людям не нужны наши ресурсы, будь то ископаемые или машины. У них всё есть. Есть энергия, которую они получают напрямую из звёзд (мне сложно описать этот процесс; я – партизан, а не учёный), есть сырьё, которое они добывают на гигантских газовых планетах в системах, через которые лежит их путь, включая и нашу.

(Тут, я уже слышу вой поборников частной собственности, которые наверняка не упустят возможности ознакомиться с историей «террориста» и «государственного преступника»; до меня доносятся их вопли о «краже» и «расхищении достояния будущих поколений шхакаббитов». Называй-

те вещи своими именами, господа! – отвечаю я им. Вам плевать на все «будущие поколения», кроме будущего поколения капиталистов – ваших наследников. А мне и моим товарищам плевать на них, как и на вас. Их – ваших наследников – вообще не будет. Уж поверьте, мы постараемся, чтобы их не было. Такова наша цель, и, для её достижения, мы начнём с вас, и очень скоро...)

Пять дней мы провели в удивительном маленьком мире людей. За это время, признаюсь, мы успели полюбить этих, неуклюжих на первый взгляд, существ. Казалось бы, при столь разительных отличиях между нашими видами, было бы неудивительно, если бы мы попросту не поняли друг друга, не нашли бы общих тем для обсуждения. Но нет! Ничего подобного! То, что они – «гоминиды», а мы – «арахниды» (выражение биолога Елены), не стало преградой для общения между двумя нашими видами. При всех их возможностях, при всём могуществе и величии их цивилизации, люди были просты и дружелюбны.

Все, с кем мы встречались, были к нам доброжелательны. С нами заговаривали, прибегая к помощи сопровождающих, которые иногда любезно переводили речь людей и нашу, а иногда передавали желавшим поговорить свои устройства-переводчики.

Каждый день, вечером, когда стержень на оси маленького мира «Потёмкина» тускнел и мир погружался в сумер-

ки, с нами устраивались встречи в публичных местах, вроде амфитеатров в парках и на берегах озёр и рек, где собиралось по несколько тысяч желавших видеть нас. Ведущими на таких встречах были друзья Иешуа и некоторые авторитетные люди, кому это поручили крупные людские сообщества путём голосования. При этом на встречах работало множество камер и мониторов, делавших аудиторию намного больше той, что собиралась непосредственно.

В последний вечер нашего пребывания на «Потёмкине», когда встреча закончилась, Аша спросила Льва – известного на корабле и за его пределами поэта – о том, сколько людей обычно смотрят такие встречи и тот сообщил, что аудитория прямой передачи – не менее трети жителей корабля-обители.

– Но запись посмотрят все, – добавил человек, – в этом можно не сомневаться. Посмотрят и на других кораблях.

– Неужели всем им интересно, что скажут какие-то дикари с варварской планеты? – спросила тогда его Аша.

Мы – Аша, Лев, его близкая подруга Джейн и я – стояли в тени раскидистого дерева в стороне от амфитеатра, где перед тем проходила последняя встреча. Зихт с Иешуа и остальными собрали вокруг себя группу людей у входа в амфитеатр и что-то оживлённо обсуждали. Лев помолчал, глядя на Ашу как-то неопределённо, и медленно произнёс:

– Прошу вас, Аша, никогда больше так не говорите. – Поэт посмотрел на меня и снова перевёл взгляд на Ашу. – На-

род, в котором есть такие, как вы, готовые бороться до конца за лучшее будущее, за справедливость, за мир без угнетения, за равенство... готовые пройти через тюрьмы, пытки и быть убитыми... такой народ – не дикари, не варвары. Да, политическое устройство вашего мира ужасно. Это – тот, увы, *классический* случай, когда капитализм *перезрел*, так и не уступив место следующей форме. Без внешнего вмешательства тут уже ничего не поделаешь... Слишком поздно. Но это не остановило вас... Борьба в восточном полушарии продолжается... Мы были поражены и восхищены отчаянной смелостью участников боевых бригад в колониях, их решимостью, волей... Я никогда не забуду, как впервые увидел восстание крестьян в одной из провинций на материке Ферех... как вооружённые инструментом для возделывания полей труженики шли против полиции... – он осёкся.

Повисло молчание. Джейн взяла Льва за руку и посмотрела на него, как мне показалось, желая утешить, успокоить. Мы с Ашей минуту наблюдали эту трогательную сцену, после чего Аша сказала:

– Обещаю вам, Лев, что больше не повторю сказанного в присутствии вас или кого-либо другого из людей. – Она говорила серьёзно, так, словно это была клятва. Думаю, так это и было. Такая уж она, Аша.

– Дикари, – сказал, наконец, поэт, – это капиталисты. Вот, кто дикари! *Неодикари*, если угодно.

– Лев прав... – это сказал Иешуа. Они с Зихтом только что

подошли и услышали последние слова поэта. – Капиталисты это и есть самые настоящие неодикари. Если чванливые феодалы, правящие в докапиталистический период, несмотря на всю их надменность и жестокость, являют собой отрицание варварства, порой доведённое до абсурда... тем не менее, у них есть твёрдая, пусть и примитивная, мораль, понятие чести, рыцарские кодексы и обеты... то буржуазия олицетворяет отрицание всей этой романтики. Хотя... – Иешуа запнулся, – пожалуй, «олицетворяет» – не самое удачное слово... Оно, всё же, производное от слова «лицо»... – он сделал жест рукой, щёлкнув «кисточкой», и закончил: – Буржуазия это – морда дикаря, получившего образование, хорошо одетого, сытого, имеющего власть.

– Точное определение, – заметила тогда Джейн, и подошедшие следом за Иешуа Елена с Гаем поддержали её согласными кивками (жест согласия и одобрения у людей).

– А как же наёмные работники? – задал вопрос Зихт.

Взгляды собравшихся обратились к нему.

– Если буржуазия нравственно как бы отрицает знать феодалов, а те, надо полагать, исторически выступают противоположностью рабовладельцев, то и наёмные рабочие должны, в нравственном смысле, быть отрицанием буржуазии...

– ...но они не отрицают, – закончил за него Иешуа.

– Да.

– И не должны. Пока не станут правящим классом.

Зихт вопросительно посмотрел на человека и тот объяс-

нил:

– Всё дело в гегемонии. В том, какой класс является классом-гегемоном. Общество, в котором правят уроды – уродливое общество... и оно будет оставаться таковым до тех пор, пока уроды будут оставаться у руля. Крепостные крестьяне вряд ли были нравственнее своих феодалов, как и рабы вряд ли превосходили в благочестии своих господ...

– Некоторые даже мечтали сами стать рабовладельцами и иметь своих рабов... – добавила Елена.

– Так и есть, – согласился с замечанием женщины Иешуа. – Так и есть. А крепостные и слуги мечтали о дворянстве... И история Земли, насколько мне известно, знает такие примеры, когда становились... – (Он посмотрел на Гая и тот согласно кивнул) – Так что, ничего нет удивительного в том, что наиболее слабые, полностью подчинившиеся гегемонии буржуазии наёмные рабочие мечтают стать капиталистами, чтобы самим эксплуатировать других. В этом и состоит суть гегемонии – в подчинении образа мысли. Раб должен считать себя рабом и втайне мечтать о господстве. Наёмный раб должен усвоить принятую в капиталистическом обществе – в обществе гегемонии капиталистов – парадигму: нанимай или нанимайся.

В тот вечер я мало говорил и больше слушал. Моё сердце разрывалось от грусти. Мне не хотелось покидать корабль-обитель людей, и одновременно я чувствовал сильное

желание вернуться на Шхакабб. Мне хотелось поскорее увидеть Щелистый Хребет сверху. После тюрьмы я быстро привык к нашему лагерю в горах, – руины старой шахты стали мне домом. Думаю, это потому, что дом – это место, где ты не один, где рядом с тобой твоя семья, твои близкие. Зихт, Аша и пришелец Иешуа стали моей семьёй, как и другие, что присоединились к нам позже. Что же до «Потёмкина», то и это удивительное место, за те немногие дни, что мы провели в нём, стало как бы домом всем нам. Не «новым домом», нет (ни я, ни Зихт с Ашей, в них я уверен, ни за что бы не остались там, не покинули наш Шхакабб, даже если бы нам это предложили), но «домом» *духовным* (простите за поповское слово), так как на примере «Потёмкина» мы увидели будущее нашего мира – то будущее, о котором веками грезили наши утописты, о котором мечтают анархисты и социалисты, и за которое сражаемся мы, коммунисты, и наши товарищи.

Было уже поздно, когда мы вернулись под купол. Аша с Зихтом разошлись по комнатам, а я вышел из дома, чтобы посмотреть на скопления огней в поселениях на другой стороне мира. Это не было похоже на привычное звёздное небо; ничто на планете не могло походить на это удивительное зрелище. Представьте себе изогнутое аркой море у вас над головой... Не получается? Вот и у меня тоже. Это можно видеть, но, чтобы представлять это... для этого нужно быть художником. А я не художник; я лишь бывший школьный учитель.

И партизан. Я могу сражаться... и немного писать. Но описание корабля-мира даётся мне тяжело. Это нужно видеть своими глазами. И, поверьте мне, это впечатляет.

Постояв немного снаружи, я вернулся в дом за дыхательным аппаратом и, надев его, вышел обратно. Пройдя через шлюз, я оказался снаружи. Мне захотелось прогуляться в окрестностях, пройти по устеленным брусчаткой улицам Лондона.

Наш купол располагался на окраине городка. От него до ближайшей улицы было около двух стадиев, если идти напрямик через небольшую рощу, и я пошёл, выбрав одну из тропинок.

Оказавшись на улице, я двинулся по тротуару вдоль причудливых каменных зданий. Одинокие прохожие приветствовали меня вежливыми жестами и проходили мимо. Никто не пытался со мной заговаривать или как-то докучать мне. Рядом летела машина, вроде тех, что использовал Иешуа при моём побеге из тюрьмы. Как нам объяснили наши сопровождающие, машины эти нужны были вовсе не для слежки за нами и, тем более, не для охраны (мир людей абсолютно безопасен; в их обществе нет полиции или спецслужб); они служили для коммуникации; точно такие же устройства имелись и у некоторых людей, – тех, кто, по каким-то соображениям не использовали импланты – вживляемые в тела людей устройства. Я прошёл до конца улицы и свернул на перекресте на другую, когда устройство подлете-

ло ближе и сообщило о вызове. Я остановился в тени ажурного навеса над входом в одно из зданий и подтвердил, что готов ответить. Рядом появилось полупрозрачное изображение лица Иешуа.

– Я не помешал? – спросил Иешуа.

– Нет, конечно. Я тут гуляю по ночным улицам.

– Знаю, – Иешуа улыбнулся. – Видел тебя только что, вот и решил спросить: ты не против компании?

– Нет, конечно.

– Отлично. Только я не один...

Я сказал ему, что с радостью познакомлюсь с его товарищем и он, улыбувшись ещё шире, отключился. Вскоре, буквально через минуту, из-за поворота показалось странное транспортное средство: архаичная кабинка на больших тонких колёсах со спицами, чем-то отдалённо похожее на тот самый навес, под которым я всё ещё оставался стоять.

– Что это? – спросил я, едва кабинка подъехала и открылась дверь, из которой выглянул Иешуа, облачённый в какие-то, как мне показалось, архаичные одежды.

– Карета, – ответил человек. – Раньше такие штуки запрягали лошадьми... Это такие тягловые животные... На каретах разъезжала всякая знать: титулованные особы, богачи и ранняя буржуазия.

Он спрыгнул на тротуар и помог спуститься товарищу, оказавшейся женщиной.

– Здравствуй! – сказала женщина. На ней был обруч-пе-

реводчик, как у Иешуа.

– Здравствуй! – ответил я.

Женщина была одета подстать Иешуа. Причём, если обычно одежды людей мужского и женского полов мало отличались, то, сейчас разница, несмотря на похожесть стиля, была очевидна.

– Шиаб, это Татьяна, – представил Иешуа женщину. – Татьяна – одна из тех товарищей, о которых я тебе говорил... Она час назад вернулась из Южного Фехля.

– Рад знакомству с тобой, товарищ Татьяна, – я протянул ей малую руку, и она осторожно коснулась её своей.

– И я рада, – ответила женщина. – Иешуа обещал мне нас познакомить... О тебе и твоих товарищах на Востоке ходят легенды... А теперь ещё и этот шум с побегом...

– Для нас с товарищами высокая честь, то, что мы стали для кого-то примером, – ответил я. – Сражающимся с империей нужны примеры. Но легенды часто превращаются в мифы... Думаю, мало из того, что нам приписывают действительно наша заслуга...

– И тем не менее, я рада встрече с Шиабом.

– А с кем ты работаешь в Южном Фехле, Татьяна? – спросил я, чтобы сменить тему. Уж поверьте, я вовсе не считаю себя главным героем... Я знал многих достойных партизан, с кого брал пример и на кого продолжаю равняться и теперь.

– С комиссарами Армии Освобождения Крестьян – Хоссом, Кижем, Шежжелем и другими, а также с товарищем Ку-

бидом – командиром Бригады имени Шекхана Мвеха... – сказала Татьяна.

– В таком случае, – сказал я, – ты уже видела настоящих героев. Я почел бы за честь драться в числе их солдат. В особенности это относится к народному майору Кубиду. Вот, кто легенда!

– Что ж, – улыбнулась женщина, – товарищ Кубид говорит о тебе примерно то же самое.

– Вам с Кубидом обязательно нужно встретиться, – сказал тогда Иешуа. – Это можно устроить...

Мы втроём прошлись немного по Лондону (в это время карета послушно катилась позади нас), после чего попрощались до утра. Забравшись в карету, мои друзья уехали, оставив меня в сквере, недалеко от купола. Думаю, Иешуа и Татьяне хотелось побыть вдвоем в ту ночь.

Когда я вернулся под купол, в доме стояла тишина, Аша и Зихт давно спали.

Такова моя история.

Сегодня со мной мои верные товарищи Зихт, Аша и некоторые из тех, кому восемь лет назад удалось избежать ареста, и кто не отступились от своих убеждений.

Наш небольшой отряд насчитывает почти сорок бойцов. Большую часть времени мы проводим в обучении и тренировках. Прежде чем начать действовать, нам нужно восста-

новить форму. На это у нас остаётся не так уж и много времени.

Теперь мы не сами по себе; мы – малая часть огромной интернациональной армии, и перед нами стоит ответственная задача, которую мы несомненно выполним наилучшим образом.

Место, выбранное Иешуа, оказалось отличной тренировочной базой и, что тоже важно, неплохим «санаторием». Всё-таки, пребывание в тюрьме не пошло никому из нас троих на пользу... Мы постоянно отрабатываем различные сценарии городского боя, используя для учений заброшенные здания административного корпуса шахты, котельную, энергоподстанцию, руины обогатительного комбината, станции погрузки и шахтные стволы. Для наших друзей не составило труда обеспечить отряд всем необходимым: оружием, боеприпасами, медикаментами, провиантом... а также полицейским и военным обмундированием.

Восьмилетнее заключение вырвало нас троих из политической жизни, но товарищи, бывшие всё это время на свободе, помогают нам восполнить этот недостаток. Кроме того, благодаря нашим союзникам на «Потёмкине», у нас есть надёжная связь и доступ к любой информации. Иешуа обеспечил каждого из нас мобильным компьютером, связанным с кораблём и собранными людьми базами данных. Как он объяснил, «машины», подобные тем, что воздействовали на тюремную охрану при моём освобождении, и более сложные и

миниатюрные устройства, второй малый месяц контролировали Штаты – абсолютно все потоки информации, все каналы связи, все СМИ – и все колонии, весь Шхакабб и спутники на его орбите. Устройства-шпионы пробрались во все правительственные, военные и полицейские узлы связи... все без исключения средства пропаганды (и контрпропаганды, кстати, тоже) оказались под наблюдением. Непрерывно извлекаемая информация направляется по неведомым каналам на «Потёмкин», который невидим для известных в нашем мире средств обнаружения, и там анализируется. У нас лучшая на планете информационная поддержка.

С каждым днём, проведённым на нашей базе в Щелистых Горах, я и мои товарищи всё больше и больше убеждаемся в том, что с помощью Иешуа и его товарищей мы одержим победу. Мы свергнем правительство Штатов и марионеточные правительства колоний. Так считает и наш товарищ народный майор Кубид, недавно побывавший у нас на базе.

Выше я писал, что Татьяна упомянула некий «шум» по поводу нашего побега. Так вот, шум этот возник не сразу. Поначалу правительство пыталось скрыть факт нашего освобождения, но наши друзья легко слили информацию в СМИ, спровоцировав тем информационную волну. И тогда в дело включилась пропаганда: дескать, «известные террористы», члены запрещённой в Объединённых Штатах организации Прямое Действие, бежали из тюрьмы, все семеро, вместе со своим главарём Шиабом, перебив охрану, и теперь следует

снова ждать «кровавых расправ»... и далее в таком духе...

Что ж, в последнем они правы.

Мы уже связались с товарищами из других организаций Прямого Действия и теперь налаживаем связи с боевыми бригадами анархистов и революционных социалистов по всей метрополии. Благодаря технологиям людей, подонки из политической полиции *не видят* нас и *не слышат*, во всех смыслах. Нас как бы нет для них. Что даёт нам огромное преимущество. Мы законспирированы лучше любой из спецслужб правительства.

И ещё раз возвращаюсь к тем, кто, возможно, станет обвинять нас в «измене»...

Среди читающих эти строки найдутся те, кто сочтут опрометчивым наше доверие к пришельцам. Что если, многократно превосходящие нас в технологиях инопланетяне преследуют корыстные цели? Что если они желают нам зла? Что если они захотят поработить нас?

Во-первых, вы уже порабощены. Порабощены не пришельцами, а вашими же собратьями, шхакаббитами. Порабощены капиталом. И, во-вторых, лично я не думаю, чтобы людям – этим существам, которые, судя по тому, что мне о них известно, суть боги, в гораздо большей степени, чем порождения поповской фантазии, – чтобы людям могло бы понадобиться от нас что-то такое, чего нет в мирах необитаемых, каковых во Вселенной великое множество.

Уверяю вас, товарищи, людям незачем причинять вред шхакаббитам. Оставьте ваши опасения! Тем более, что опасения эти вовсе не ваши. Они исходят от ваших врагов – от собственников, от богачей, от лавочников, от олигархов – от тех, кто привык захватывать и грести под себя, говоря: «это моё!». Таков образ мысли мещанина, стремящегося захватить всё, до чего дотягиваются его руки, ставящего ограду там, куда он первым поставил ногу. Не верьте им, не будьте как они!

Подходит к завершению время нашего пребывания в лагере в Щелистых Горах. Пора заканчивать и мой рассказ. Или главу... – всё же, мне бы хотелось написать продолжение. Но это потом. Сейчас у меня на это нет времени. Пришло время действовать!

Надеюсь, я ещё вернусь к тебе, мой Читатель.

В качестве первого объекта нашего прямого действия мы выбрали фигуру более чем достойную – генерала Хашина, именитого и почётного имперского пса, причастного к подлому убийству Шехана Мвеха, лидера народного восстания на материке Южный Фехль. Его казнь станет не просто унижительной пощёчиной, а ударом ноги в мерзкую харю режима.

Молись, ублюдок! Сегодня мы придём за тобой!

Зима

*Кто восстанет за меня против злодеев? кто
станет за меня против делающих беззаконие?
Псал. 93:16*

*Готовьте заклятие сыновьям его за беззаконие
отца их, чтобы не восстали и не завладели землю
и не наполнили вселенной неприятелями.
Исаи. 14:21*

Человек с обрезанным дробовиком наизготовку обошёл здание бывшей котельной по кругу и остановился, прислушался.

Тишина.

Ледяная лестница, что ведет ко входу в Убежище, в паре метров.

Холодно. Термометр на плече бушлата показывает минус тридцать.

Запаха дыма нет – всё улетает вверх, напрямиком в низкое клубящееся грязью небо.

Как же холодно! Человек поежился.

Тридцать градусов в середине июня! Кто бы мог подумать! Нет, были, конечно, такие кто думал. И теорию ядерной зимы придумали, и компьютерные модели всякие, про-

гнозы разрабатывали задолго до наступления этой самой зимы... и книжки страшные писали про «это»... да только избежать так и не сумели.

За время «зимы» здание обнесло серыми сугробами чуть выше окон, и теперь, чтобы попасть внутрь, нужно сначала спуститься вниз по вырубленной в обледенелом насте лестнице.

Там, внутри, сейчас тепло и уютно, но человек не спешит. Слушает. Несколько долгих минут он вглядывается в темноту, в которой лениво кружатся редкие колючие пылинки.

Когда в августе прошлого года «они» обменялись ядерными ударами, уже через неделю, стемнело. Температура падала стремительно день за днем.

Сейчас «день», если верить часам – дней, в привычном понимании этого слова, с тех пор, как стемнело в конце августа, не было, была только ночь, темная и холодная. Уже в сентябре на юге России стояли пятнадцатиградусные морозы, а зимой – календарной зимой! – температура опустилась до семидесяти. Так что тридцатник в июне – не так страшно, если вспомнить январь...

Убедившись, что поблизости нет никого, человек с обрезом оборачивается и делает знак рукой тому, кто всё это время стоял в стороне.

Другой человек, тоже с обрезом в руках, отделился от черной стены в пятнадцати метрах от бывшей котельной. Это товарищ. Он отстал за полкилометра отсюда и шёл позади,

готовый в любую минуту прикрыть первого.

Опустив на землистый наст добычу – окоченевшую, со связанными веревкой лапами, средних размеров собаку, – первый человек шагнул к стене бывшей котельной, вдоль которой вверх из снега торчит вентиляционный короб из нержавеющей стали. Достав из ножен на поясе поверх ватного военного бушлата охотничий клинок, он стучит рукоятью по коробу: *раз-два-три, раз-два, раз-два-три, раз-два*. Сосчитав про себя до десяти, повторяет условный стук.

Ему отвечают: *раз-два, раз-два-три, раз-два, раз-два-три*. Это означает: всё в порядке, можно спускаться. (Если бы ответа не последовало, или ответ был бы иным, то двое вошли бы в Убежище через другой, замаскированный сейчас, как снаружи, так и изнутри, проход, что стало бы для находящихся внутри посторонних неприятным «сюрпризом».)

Подобрав добычу, человек дает знак товарищу и спускается вниз по ледяной лестнице.

За железной дверью слышится скрежет, после чего дверь приоткрывается, из появившейся щели на серую ледяную стену падает полоска тусклого жёлтого света.

– Илья, ты? – спрашивает из-за двери ломающийся мальчишеский голос.

– Я, – отвечает человек. – Ты, Ваня, стук не слышал? Открывай давай, не морозь!

Войдя в тамбур, Илья Лисов скинул собаку с плеча и ак-

куратно снял рюкзак с привязанными к нему по бокам снегоступами. Обрез – бывший в прошлой жизни охотничьей вертикальной двустволкой ИЖ-27 – положил на специально пристроенный в углу столик, снял с груди короткий автомат – ментовскую «Ксюху», положил рядом, – пусть оружие пока здесь полежит. В Убежище сильно теплее, стволы сразу конденсат словят, их придётся тут же чистить, а после вылазки охота отогреться, помыться, поесть, в себя прийти. Почистить оружие можно позже.

Вошедший следом Антон Мельников тоже оставил стволы на столике. Вместо собаки у Антона через плечо была перекинута связка из двух одеревенелых от мороза кошек и одного зайца.

– Папочка! – белобрысая девочка восьми лет выскочила из-за брезентового полога, закрывающего проход между тамбуром и Убежищем и подбежала к Антону.

– Машенька! Ну, иди ко мне, моя маленькая! – Антон растегнул стылый бушлат и присел, широко расставив руки. Девочка бросилась в объятия к отцу, обхватила его за шею обеими ручками.

– Маша! – послышался из-за полога строгий женский голос. – Ты почему раздетая в тамбур вышла?

– Ну, ма-а-ам!.. – отозвалась девочка, не отлипая от папиной шеи.

Антон чуть отстранил дочку, со строгим видом осмотрев, в чём та одета. Два мальчиговых свитера – один с рукава-

ми, другой, поверх него, без – и мешковатые штаны, тоже не девчачьи, на ногах – дутые нейлоновые сапожки. Осмотр удовлетворил его, и он сменил строгий взгляд на более мягкий. В тамбуре мороза не было; температура держалась около семи градусов Цельсия: не простынет.

– Всё хорошо, Насть! – громко сказал Антон. – Она не замерзнет. – И, чмокнув дочку в курносый веснушчатый носик, добавил, уже обращаясь к ней: – Ну, давай, иди внутрь, чтобы мама не ругалась...

Девочка быстро кивнула и юркнула за полог.

В тамбур вышли трое: Пётр Николаевич, которого все звали просто Николаичем – заросший щетиной тощий немолодой мужик в очках и растянутом свитере с оленями и с обрезом в самодельном чехле на ремне у пояса; Марина – невысокая крепкая женщина на вид лет пятидесяти (возраст свой она скрывала) в мешковатом шерстяном платье; и Степан – короткостриженный парень семнадцати лет с не по возрасту глубоким взглядом и седыми висками – старший брат Ивана.

– Недурно поохотились! – поздоровавшись, заметил Николаич, кивая на сваленную на пол добычу.

– Да, Николаич, в этот раз неплохо, – согласился Илья.

– За косым, небось, побегать пришлось... – поинтересовалась Марина.

– Не, – ответил ей Антон, – больной он какой-то, медленный был...

Седой парень подошёл к зайцу, наклонился и взял тушку,

повертел в руках.

– Его раньше уже кто-то прихватил за ногу... Вот, смотри-те... – он показал заживший рубец на шкуре русака. – Собака, или шакал... Но он тогда, похоже, отбился, хоть и остался инвалидом.

– Ну, спасибо тебе, Стёп... – ответил ему Антон, – теперь я себя виноватить буду.

– А чего виноватить? – не смешно усмехнулся седой парень. – Времена сейчас такие... Да и ты же его быстро подстрелил, а собаки или волки живьем бы драли... Так что, вариант с тобой ему даже лучше. А хромой он всё равно первым из своих сородичей попался бы... О, котэ!

– Ага, – усмехнулся Антон. – Хитрожопые... Крались за нами целой кодлой по деревьям, ловили момент, чтобы на шею прыгнуть...

– Что, – поддержала тему котиков Марина, – котэ уже не те?

– Так все уже не те, – философски заметил Илья. – Этот вон... – он кивнул на труп собаки, – «друг человека»... а попадись этому «другу» один и без оружия...

– Ну! И чего вы тут застряли? – выглянула из-за полога Татьяна – подруга, или правильнее сказать, супруга Ильи, молодая женщина тридцати двух лет с ожогом вполовину безупречно красивого лица.

– Сейчас, Танюша, – улыбнулся ей Илья. – Надо же остыть немного от холода.

– Идите уже давайте, – объявила Марина, подмигнув Татьяне, – мы с Николаичем дальше сами разберемся... Через полчаса ужин! И ты, Ваня, тоже иди, погрейся! – добавила она, обращаясь к мальчишке. – Небось замерз тут как цуцик. На кухне чаю попей.

– Ну, наконец! – Татьяна, встав на цыпочки, прижалась гладкой щекой к ещё холодному лицу Ильи, когда они вошли в Убежище.

Главный зал котельной в дальнем конце был в два уровня застроен деревянными комнатухами – три на первом этаже и три на втором. В широком проходе вдоль правой стены расположились кухня и столовая с длинным обеденным столом. Большую часть пространства зала слева занимали три котлоагрегата, из которых один использовался для обогрева Убежища. Остальные два, полностью исправные, были накрыты плоским дощатым прямоугольником и окружены подобием строительных лесов – это Николаич благоустраивал их маленький тёплый мирок. Николаич, работавший до войны оператором не этой, а другой, более крупной котельной в Краснодаре, был в Убежище главным и единственным завхозом, организатором всех работ, строителем и слесарем, следил за оборудованием котельной – в общем, был душой Убежища. Это он, Николаич, придумал заложить все окна изнутри кирпичной кладкой, оставив для маскировки снаружи оконные рамы и застроить часть зала жилыми комнатами,

подняв первый ярус на два метра выше уровня холодного пола, а второй соорудив под самым потолком.

– Я изволновалась, Илюша... Три дня вас не было...

– Так надо, милая, – Илья крепко обнял любимую женщину.

– Я боюсь, – тихо сказала Татьяна, – что однажды ты не вернешься...

Они встретились через девять дней после бомбардировки, когда холодная противоестественная ночь уже окутала мир.

Илья брел тогда бесцельно вдоль федеральной трассы М-4 прочь от города, в котором погибли его родители и младшая сестра. Впереди шла небольшая группа беженцев, к которой Илья не спешил присоединяться. Он отстал примерно на километр от группы, ориентируясь на свет фонарей и костров на привалах.

Избегая людей, Илья держался зарослей вдоль трассы и кюветов, не разводил огня и старался не шуметь, когда слышал поблизости голоса.

На вторые сутки, когда группа впереди остановилась на ночлег возле какого-то посёлка, со стороны лагеря беженцев раздался выстрел, потом ещё и ещё... Послышались крики. Тогда-то Илья и решился подойти ближе.

Он был вооружен. За два дня до того Илья встретился с бандой из троих отморозков промышлявших грабежом и убийствами.

Сначала нашёл тело одной из жертв подонков, а после – и их самих. Он убил их всех и забрал оружие: полицейский АКС-74У, два пистолета ПМ, охотничье ружьё и ручную гранату Ф-1 – приличный арсенал. Рюкзак его был полон провизии и всего необходимого для нескольких недель безопасного и сытого существования, если не лезть лишний раз на рожон..., но слова, что он произнёс за два дня до того, перед тем как выстрелить в лицо главаря бандитов, обязывали его действовать...

– Послушай, – говорил ему отморозок, – вот мы по беспределу с ней обошлись, – отморозок имел в виду изнасилованную и убитую им и его подельниками девушку, тело которой и нашёл Илья, – я согласен... Слышишь? Я согласен! И ты с нас спрашиваешь. Но посмотри вокруг, весь мир превратился в ад! Миру крышка! Сколько миллионов, или, может, миллиардов сгорели?! Кто за них спросит? И с кого?

– Спросят, – ответил ему тогда Илья. – Я уверен. Теперь каждый, кто выжил, может и должен спрашивать. С себя и с других. Чтобы оставаться человеком. – После этих слов он выстрелил в бандита.

Что ж, ты сам сказал это. Твои слова, – говорил он себе пока бежал вдоль кювета к месту, где остановились беженцы. – Теперь выполняй...

И он выполнил.

Увиденное на стоянке совсем не удивило его. Примерно на это он и рассчитывал.

Четверо молодчиков с ружьями окружили разбитый на ровной поляне в стороне от трассы лагерь беженцев и стояли так, чтобы согнанные в кучки вокруг нескольких костров люди – в большинстве женщины и подростки – их хорошо видели и не пытались сопротивляться. Ещё трое вооруженных мордovorотов расхаживали по лагерю и набивали увесистые на вид рюкзаки отнятой у беженцев добычей.

Присмотревшись из тени к мародерам, Илья убедился, что ни у кого из них не было автоматического оружия. Лишь у двоих были помповики, ещё двое в руках держали обычные двустволки. У тех, что грабили, были обрезы, которыми они то и дело тыкали в людей.

Илья не сразу заметил тела убитых (как после выяснилось, то были часовые из числа самих беженцев, всего трое), когда же обошёл поляну по кругу, чтобы занять более выгодную позицию на пригорке, и увидел полную картину произошедшего, последние сомнения отпали.

Рюкзак с пистолетом и ружьё Илья спрятал в кустах в кювете на подходе к лагерю. С собой взял автомат, известный среди вояк, полицаев и просто любителей оружия как «Ксюха» или «Ублюдок», второй пистолет и «лимонку». Выбрав место так, чтобы одновременно трое из окруживших лагерь находились на линии огня, Илья достал гранату, выдернул чеку и зашвырнул её в неглубокий овражек за пригорком, после чего быстро лег на землю, широко раскрыв рот...

Бабахнуло, как говорится, будь здоров. Шум и осветив-

шая овраг вспышка сработали как надо, вызвав у грабителей замешательство. Бандиты все как один обернулись в сторону взрыва, направив туда же и ружья. Илья, не вставая, прицелился и дал первую короткую очередь... Один упал. Чуть отвел ствол «Ксюхи» в сторону и ещё три выстрела... Второй сложился пополам и стал заваливаться вбок. Не дожидаясь, пока тот упадет, Илья развернулся, встал на одно колено и снова дал очередь... Третий готов!

В этот момент в лагере кто-то выхватил из костра горящую палку и сунул ею в лицо одному из грабителей. Раздался вопль, потом выстрел, крики... Началась драка, беженцы стали бить двоих бандитов. Бахнул обрез и женщина, пытавшаяся отнять рюкзак у грабителя, упала замертво. Сцена эта настолько захватила Илью, что он, позабыв об опасности нарваться на выстрел, встал и, подобно бездумной машине пошёл в лагерь, прямиком на стрелявшего...

Выйдя на освещенную кострами поляну, Илья подошёл к грабителю на расстояние вытянутой руки и выстрелил в упор, точно в голову, одиночным. ТАХ! – скупо треснул автомат. Пуля прошла сквозь череп и улетела в темноту. Бандит упал.

Лишь один из семерых налетчиков тогда ушёл живым. Сбежал. То был четвертый из «оцепления». Четверых застрелил Илья; ещё двоих забили сами беженцы – близкие погибших от рук грабителей. В тот вечер группа беженцев из двадцати семи человек потеряла пятерых, ещё двое умерли

на следующий день.

Илья тогда присоединился к группе, но уже через несколько дней покинул её, так как начинало холодать, и нужно было искать укрытие. Да и бесцельное блуждание по дорогам становилось всё опаснее. Вместе с ним группу покинула и Татьяна.

Минуту они стояли молча. Обняв её, уткнувшись носом в чисто вымытые простым хозяйственным мылом волосы, вдыхая знакомый запах, Илья чувствовал, как по всему его телу разливается умиротворение и желание близости. Он дома. Здесь, в этой перестроенной котельной с тёплыми уютными каморками. Он дома. Там, снаружи, за стенами их маленькой крепости, раскинулся ледяной тартар; грязное, пропитанное сажей небо, собаки, жрущие людей, волки и медведи, жрущие людей, люди, жрущие людей... там – концентрированное зло, сотворённое людьми, ужас, воплощенный в реальности руками человека.., а здесь – покой и безопасность, здесь – любимая женщина, ради которой не страшно пройти через холодный ад.

– Люблю тебя, – тихо произнёс Илья и, ослабив объятия, немного отпрянул, заглянул в серые глаза. – И всегда буду возвращаться к тебе, чего бы мне это не стоило.

Лицо женщины, обожженное маленьким солнцем, что почти год назад на миг загорелось над её и его родным городом, тронула сдержанная улыбка – улыбка-вера, улыбка-согласие,

улыбка-обещание.

– Пойдём, – сказала она, потянув его за руку к деревянной лестнице, поднимающейся к балкону второго яруса. – Я хочу тебя, мой милый Лис.

У них было принято есть всем вместе, за одним общим столом и из общего котла. Как ещё в самом начале выразилась Марина: «никаких заначек и харчеваний по нормам!». На обед и ужин собирались все, кроме очередного дежурного, который следил за котлом и за входом; завтрак – дело добровольное. Ели молча, потом за чаем обсуждали дела общины, решая спорные вопросы простым открытым голосованием.

– Ну, что, рассказывайте! Далеко ходили? – отхлебнув крепкого чаю из жёлтой эмалированной кружки, начал общий разговор Николаич, когда с ужином было покончено.

– Километров двадцать-двадцать пять, – ответил Илья.

– Хорошо сходили... – заметила Марина, кивнув в сторону кухонного стола, где были разложены пакеты с макаронами и крупами, пачки с чаем, банки с кофе и увесистый – на 5 килограмм – мешок сахара. Освежеванных собаку, зайца и котов уже положили в «холодильник» – специальный железный ящик на крыше.

– Обожди, Марин, – перебил её Николаич, – это вы в какую сторону ходили? На Краснодар?

– Угу... – с хитрым видом покивал Илья и переглянулся с Антоном. Тот лишь усмехнулся.

Марина тотчас заметила сговор:

– Хорош тянуть кота за яйца! Давай, рассказывай, лисья морда!

– Да, Илья, не тяни! – затребовали остальные. – Рассказывай уже!

– Что вы там нашли? – поинтересовался Степан с видом, будто ему это совсем не интересно. Но все в общине знали, что это не так: просто такой он, Степан, неэмоциональный.

– Расскажите уже, ребята, правда ведь интересно, где это вы столько всего нашли?.. – добавила подруга Степана Ольга, худенькая большеглазая девушка девятнадцати лет, без бровей и ресниц, и вообще без единого волоска на маленькой округлой голове.

Вопросы большей частью сыпались на Илью, потому, что именно его, Илью Лисова, прозванного «Лисом», община считала своим негласным лидером, хотя сам он ни на какое лидерство никогда не претендовал и лично таковым считал Николаича и отчасти Марину. Тот же Антон, хоть и был на два года старше Ильи и сильно покрепче телосложением, никогда не оспаривал положения друга, будучи и сам ему кое-чем обязан. Все знали историю семьи Мельниковых, как и историю Степана с Иваном. Да и историю Татьяны тоже знали.

– Заначку нашли, – сдался, наконец, Илья. – Вернее, склад целый. Это... – он кивнул на их с Антоном добычу, – так, мелочи, на пробу... – Сказав это, он кивнул товарищу: мол,

давай, ты рассказывай, а сам потянулся к чайнику и долил чаю Татьяне.

– В общем, мы на посёлок один «элитный» набрали, – продолжил Антон. – Пустой. Живых там нет. Стали дома обыскивать... и вот в один коттедж зашли, осмотрелись, а там... – он выдержал нарочитую паузу, повысив градус общего внимания, – ...в общем, маньяк-параноик какой-то видать там жил!

– Пап, а кто такие «маньяки-параноики»? – спросила Машенька, до того тихо сидевшая между ним и Настей.

– Это, дочь, такие военизированные дяди были раньше. Их ещё «выживальщиками» называли, – назидательно объяснил Антон.

– А кто такие «выживальщики»? – тотчас последовал новый вопрос.

– Это те, кто потом стали бандитами, – тихо ответила за Антона Настя и прижала к себе дочку. – Сиди тихо и слушай.

– В общем, – продолжил Антон, – домишка тот сразу навел на подозрения. Такой, «милитари стайл»... Оружия, конечно, не было, но по стенам фотки вооруженных экипированных людей... горки, парки, берцы, разгрузки, штаны всякие тактические... Много фильмов и книг постапокалиптических... В общем, мы решили лучше поискать в доме том. На чердаке посмотрели, в подвале, в гараже... Вроде ничего. На первый взгляд. А потом Лис предложил в подвал вернуться. Ему показалось, что подвал подозрительно мало-

ват...

– Потайная дверь? – сразу предположил Николаич.

– Она самая! – подтвердил Антон. – А за дверью той здоровенная такая комната, полная всяких ништяков!

– Хм... И как много?

– Если рюкзаками вдвоем носить, то придётся раз сорок туда-сюда сходить, – сказал Илья.

Николаич присвистнул. Немного помолчал и сказал:

– Если мы со Степаном с вами ходить будем, то это считай уже не сорок, а двадцать... На месяц точно...

– Нет, – сказал Илья. – Если постоянно туда-сюда ходить, кто-нибудь обязательно заметит наше паломничество и выгребет всё там. Надо разом всё забирать.

– Как? – поскрёб пальцами колючий подбородок Николаич. – На чём? Сугробы такие, что ни один трактор не пройдёт...

– На снегоходах, – тихим, монотонным голосом произнёс тогда Степан.

Илья сразу понял, о каких снегоходах тот говорит.

Степан и его тринадцатилетний брат Иван появились в Убежище полгода назад. Их привели Илья с Татьяной из очередной вылазки. Они с Антоном выходили тогда по очереди, чтобы не ослаблять защиту Убежища. Одного Николаича в обороне недостаточно. Мужик он толковый, но ему шестьдесят два уже, а с ним три женщины и девочка... Нужен был

ещё кто-то, более молодой и мобильный. Ходили со своими женщинами. Остальные оставались в котельной. Николаич следил за отоплением и плотничал, благоустраивая жилое пространство, Марина занималась кухней и припасами, Ольга помогала Марине или занималась с Машенькой, а когда Настя с Антоном выходили за припасами, то и вовсе всё время проводила с девочкой. Между вылазками Илья и Антон попеременно работали на подхвате у Николаича, а Татьяна и Настя – у Марины. Так и жили.

Снаружи тьма, мороз под шестьдесят и метели. Но деваться было некуда: их маленькой общине нужна была еда. Запасов угля в котельной хватит года на три, при теперешней экономии (отапливать-то только саму котельную), с водой тоже повезло: рядом пожарный водоем, а вот с едой тяжело. Приходилось выходить.

В тот раз они ходили в сторону Крымска. Шарили по домам, гаражам, брошенным машинам (в магазинах бесполезно). Искали всё, что запечатано, чтобы не принести в Убежище дозу. Стоял штиль, но холод страшный. Три комплекта термобелья, ватные армейские штаны и бушлат, шапка-ушанка, толстый шарф на лице и лыжные очки, на ногах – валенки в снегоступах – таков необходимый для вылазки набор одежды, без которого смерть. Тощий, но мосластый и жилистый Илья и ещё более худенькая, но всё же крепкая для своей комплекции Татьяна в этих облачениях походили на парочку медведей.

Припасов набрали прилично, набив двадцатилитровые рюкзаки на две трети. Макароны, крупы, сахар, соль, несколько банок консервов. Уже повернули обратно, когда замело, поднялся ветер. Решили переждать в небольшом посёлке чуть в стороне от дороги. В посёлок этот ни они, ни Антон с Настей прежде не заходили, считая, что тот был наверняка разграблен в первые месяцы после ударов, поскольку находился недалеко от федеральной трассы. Домов там было немного, все большие и вычурные, жили там раньше люди явно не бедные, – к таким к первым мародеры и бандиты в гости наведывались. Сейчас там, похоже, никто не жил. Ничего хорошего в таких местах не было. Но вот налетевшая внезапно вьюга не оставила выбора, пришлось свернуть.

Посёлок – одна улица с двумя десятками дворов по обе стороны – был обнесён забором из металлопрофиля. Забор на три четверти занесён снегом. На въезде сгоревшая будка КПП с открытыми воротами и поднятым обломком шлагбаума. Несколько домов в начале улицы выгорели, а вот вдали, на противоположном конце посёлка, как минимум в двух горел свет. Со стороны дороги эти дома видно не было. Там лес с двух сторон. Вернее, справа лес, а слева небольшая рощица.

Собак слышно не было (что неудивительно при таком холоде). Решили тихо разведать, что за люди живут, чтобы знать на будущее: стоит ли связь наладить или лучше обходить стороной. Людей мало осталось и люди эти сильно раз-

ные, есть и добрые, и бандиты, и кто похуже.

Оставив Татьяну в ближайшем к выходу из посёлка нестроившем доме – в третьем от проходной, Илья пошёл задними дворами к обитаемым домам. Заметных следов своими снегоступами он не оставлял, да и мело уже сильно, но лучше перебдеть...

Осмотрев несколько домохозяйств, целых и вполне пригодных для жилья (было бы чем отапливать), Илья заключил, что люди из них давно ушли. Но вот почему эти ушли, а те, дальше – нет? Большого фона здесь не было – Крымск не бомбили. Город пострадал от воды из «Краснодарского моря», но этот посёлок стоял далеко. Хорошее место, дома добротные. Как волна грабежей схлынула, и началась темная зима – приходи и живи. Чего не жить? Лес с дровами за забором, город рядом... можно жить. Работы, конечно, много... Но не всем повезло заселиться в котельную с запасом угля. А может, жители просто «уплотнились» в те дальние дома?

Ответ пришёл скоро.

В полуоткрытом гараже последнего необитаемого дома он обнаружил настоящий склеп, вернее кóстницу по типу парижских катакомб. Человеческие черепа, позвоночники, кости были тщательно уложены на полках и вдоль стен. Похоже, тому, кто их там складывал, нравилось это занятие. Если бы не мороз, в помещении стояла бы страшная вонь, так как на костях оставались хрящи, жилы и не обглоданные до конца клочья мяса.

Людоеды.

Илье уже приходилось сталкиваться с такими. А вот Татьяна – ещё нет. И лучше так пусть и остаётся, решил тогда Илья, собираясь уходить. Но снаружи сквозь завывания ветра послышался характерный хруст: кто-то шёл к гаражу и был уже совсем близко.

Илья выключил слабый однодиодный фонарик, светивший не дальше пары метров и быстро прошёл в открытую дверь, ведущую в дом, стараясь ничего не зацепить. Сняв с руки лыжную перчатку, он достал из-за пазухи «Макаров», быстро размотал пуховой шарф, открывая лицо колючему ледяному воздуху, и так же быстро обмотал им руку с пистолетом. Замер, стараясь дышать ровно, медленно и неглубоко. Хруст снаружи усилился. Но шёл один человек – за последние пять месяцев Илья научился точно определять такие детали на слух.

Вскоре кто-то с фонарем вошёл внутрь гаража, потоптался на месте, шмыгнул носом. Что-то глухо упало на пол. Затем вошедший замер. Минуту не слышалось никаких шевелений. Видать, всё-таки заметил следы...

Скрипнуло, жёлтые пятна на стенах и потолке гаража стали ярче, снова скрипнуло. Звук волочения чего-то не сильно тяжёлого. Опять тишина.

Шаги в сторону двери, за которой стоял, затаив дыхание, Илья. Лёгкие шаги. Женщина?

Вооружен этот кто-то или нет – Илья не знал, но легко-

узнаваемых щелчков или позвякивания карабином, каким крепится ремень ружья или автомата, слышно не было. Илья медленно поднял пистолет, поддерживая пуховую обмотку второй рукой снизу, направляя оружие в место, где предположительно будет находиться грудь того, кто уже через несколько секунд мог появиться в дверном проеме.

Шаг. Ещё шаг. ещё шаг. Если он не успеет?.. если промахнется?.. если выстрел услышат те, кто сделали *это* со всеми теми людьми?.. Татьяна! Если он сейчас не выйдет отсюда...

Нет! Он выйдет!

Свет усилился, шаги ускорились, и в проеме появился мальчишка с лампой-керосинкой типа «Летучая мышь». Лет двенадцати. Веснушчатый, немного чумазый, в дутом пуховике и в такой же дутой ушанке, с замотанным до носа шарфом, но видимая часть лица и рост не оставляли сомнений: это был именно мальчишка. Он замер, уставившись на Илью, перевел удивленный взгляд на шерстяной клубок: он явно не понимал, зачем человек в темном проеме намотал на руку шарф и выставил этот куль перед собой, словно это оружие. Мальчишка не был вооружен.

Илья тоже замер. Он не ожидал увидеть ребенка. Но не опустил пистолет, целя мальчишке точно в голову.

Что делать? Наброситься на пацана и связать? Оставить его здесь, а самому бежать, поскорее забрать Татьяну и уходить в лес? Пристрелить маленького людоеда? Но это же ребенок! Разве можно убивать ребенка! Помнится, раньше на

такое был негласный запрет и в кино, и в книгах, и в играх... Исключение – только для трешовых фильмов и сериалов про зомби, герои которых – в последние годы очень толерантные – изредка стреляли маленьких плотоядных упырей, уже мёртвых, с глубоким сожалением и скорбным видом. По всем правилам надо бы и Илье тогда устыдиться, схватить в охапку это-же-ребенка, спасти его от домашнего насилия (это ведь насилие – кормить ребенка человечиной!), отвести в Убежище и кормить макаронами, гречкой и добытой собачатиной и объяснить ему, что людей есть – это очень плохо (ведь к двенадцати-то годам он, конечно же, не знал этого).

Но вот хрен там! Этот гаденыш, если его сейчас не привалить, пусть не прямо сейчас, а позже, когда его родственнички схватят Илью и его любимую женщину, будет жрать их. Не как зомби из кино, сырыми, а в виде супа или жаркого, а потом кости их сюда отнесёт и аккуратно рассортирует и разложит.

Нет! Не бывать этому! Кончилась толерантность!

Илья нажал на спуск, раздался глухой хлопок, стреляная гильза обожгла запястье, во лбу у пацана, чуть выше правой брови появилась маленькая темно-красная дырка. Пацан да же не выронил лампу. Как стоял, так и хлопнулся навзничь. Илья быстро размотал шарф, выкинул гильзу и снова замотал пистолет. Теперь «Макаров» стал теплее.

Он быстро вышел в гараж, взял из руки мёртвого пацана «Летучую мышь» и осмотрелся. В паре метров от поднятых

на две трети рольставен лежал заполненный почти наполовину грязно-бурым мешок, бывший когда-то былым. В такие раньше упаковывали муку, сахар и всякие удобрения. Заглянул внутрь... Он не сомневался в том, что увидит. Загасил лампу и швырнул в сторону мёртвого людоеда.

Ветер усиливался. Мело. Надо было уходить, и как можно скорее. Илья выбрался из гаража на сугроб – снаружи снег лежал высотой в метр – и пошёл было обратно, когда за кирпичным забором в соседнем дворе что-то скрипнуло.

– Илюша! – прокричал в метель женский голос, от которого Илью прошиб холодный пот. – Ты там скоро?! Хватит эти кости перекладывать! Иди домой, пока не замерз! Ужин скоро!

Вот так тёзка... «Илюша», мля...

Илья постоял самую малость, развернулся и пошёл к кирпичному забору. Перемахнул.

Двор просторный, с заваленной снегом беседкой и парой разлапистых елей. Дом во дворе небольшой, двухэтажный, свет горит на первом этаже в паре комнат. Перед домом внушительных размеров поленница, кубов на шесть, снег вокруг почищен до самых ворот. Ворота открыты, за воротами тоже чисто, как и во дворе дома напротив, большого, четырёхэтажного. Там почти во всех окнах свет, слышны приглушенные голоса. Часть двора напротив накрыта навесом, а под навесом... – Илья присмотрелся – снегоходы... два снегохода, с прицепами.

Обошёл дом кругом, заглянул в окна. На кухне молодая женщина лет тридцати, что-то готовит. На газовой плите кастрюля большая, литров на двадцать, сковорода здоровенная под крышкой – едоков, видать, много. Следующая комната – столовая; стол накрыт на... – отсюда не видно... Илья перешёл к следующему окну, – персон на двадцать... Следующее окно – темно. Ещё одно – это с решеткой, и тоже темно... И вдруг к стеклу с обратной стороны прилипает лицо! Ещё один мальчишка. Одет легко, в какие-то тряпки, лицо в ссадинах, синяки под глазами, смотрит прямо в глаза, а у самого в глазах такое отчаяние... Илье страшно стало.

Нет, этот и тот, который сейчас в гараже лежит – совсем разные мальчишки. Не прострелил он голову «Илюше», «Илюша» бы этого скушал через какое-то время, это уж точно.

«Помогите» – одними губами произносит мальчишка за окном. «Помогите!». Илья слышит его сквозь стекло и сквозь метель. Тотчас рядом с мальчиком появляется ещё один человек – девушка... нет, парень постарше, просто волосы длинные, и короткая бородка как у Иисуса... тоже неслабо побитый. Тот молчит, младшему руку на плечо кладет, от окна отрывает. Не верит, что за окном нормальный человек. Похоже, принял он Илью за одного из тех, что в соседней комнате столуются.

– Ах вы мрази... – медленно сквозь зубы цедит Илья Лисов. Сердце его стучит так, словно из груди сейчас вырвет-

ся. – Нелюди... животные... – руки его яростно сжались. Причем правая так стиснула пистолет, что не отведи он заранее указательный палец за спусковую скобу, во избежание случайного выстрела, такой выстрел бы сейчас произошёл. Ярость охватила его всего лишь на несколько секунд, после чего в голове прояснилось. Нужно было действовать. Действовать как можно быстрее. Он не оставит этого мальчишку за окном с решеткой, и второго парня, что принял его за людоеда, не оставит.

– Сейчас, парни... Сейчас... Подождите... Я скоро... – произносит он. Вой метели уносит его слова, но он уверен: мальчик его понял, прочитал по губам, понял по глазам.

Илья быстро обошёл дом, заглянув в последние два окна, – там решеток не было, но сами окна были плотно зашторены, внутри горел свет, – потом вошёл в дверь, из которой мать-людоедка недавно выкликивала своего сынка-людоеда, и с порога всадил той пулю в грудь. На выстрел из соседней комнаты выбежала ещё одна баба, даже не баба, а целая бабища: крепкая, мордатая и заметно постарше первой, в заляпанном кровью мясницком переднике и с увесистым тесаком в руке. Илья прострелил бабище голову с двух метров. Наповал. Быстро прошёл к двери в столовую, заглянул: никого. Лестница на второй этаж тут рядом, но оттуда никто не бежал, и света в окнах второго этажа не было, подниматься не стал. Прощёл в комнату, из которой появилась бабища...

В комнате стоял тяжёлый «железный» запах как в мясном

павильоне, перебивающий запахи стиральной машины из кухни. Это была «разделочная».

Посреди комнаты стоял длинный дубовый стол, какие раньше ставили в беседках на заднем дворе. Вокруг стола кастрюли, ведра с крышками. Вдоль стен – шкафы и лавки, разрубочная колода с воткнутым в неё топором, в дальнем углу – штабель из нескольких мешков с солью; один мешок вскрыт, стоит впривалку к штабелю. Небольшой столик, на нем наборы ножей, мясные топоры, столярная ножовка и секатор, каким виноград обрезают. У двери корзина мусорная, в ней тряпки всякие... Нет, не тряпки. Рваные штаны, рубашка, каблук ботинка выглядывает. На столе в центре – мясо. На беглый взгляд можно принять за свинину. Но не свинина, конечно. Костей почти нет. Кости «Илюша» в гараж по соседству отнес. «Хороший мальчик», маме помогает... помогал. И бабушке, наверно, или тете, или кем там ему бабища приходилась... – впрочем, плевать.

Дверь в комнату с узниками была сразу напротив той, через которую Илья вошёл. Дверь железная, входная, какие раньше в квартиры ставили, открывается внутрь «разделочной», но это именно внутренняя сторона: вот защёлка, вот ключ под ручкой торчит, глазок шторкой прикрыт. Вокруг двери следы штукатурки, свежие.

Повернул ключ, потом защёлку, потянул дверь на себя... Запах «мясного павильона» отступил перед пахнувшим из-за двери запахом невымытых тел. В комнате темно, свет пада-

ет сзади, из «разделочной», которая, как и кухня, освещается несколькими керосинками, расставленными по полкам и шкафам. Вот они, парень похожий на Иисуса и мальчишка, стоят, смотрят на Илью. «Иисус», кажется, удивлен. Мальчишка улыбается и ревет одновременно, сопли распустил.

– Выходим, быстро, – сказал им Илья. – Хватайте одежду, какую найдёте, и за мной! У *этих*, – он кивнул куда-то в сторону, подразумевая обитателей дома напротив, – скоро ужин.

Когда Степан в своей бесцветной манере уточнил, где и у кого он предлагает взять снегоходы, над столом на несколько минут повисло напряженное молчание. Наконец Николаич сказал:

– Вдвоем вы это дело не потянете... – потом перевел взгляд на Степана, добавил: – и втроем тоже.

– Это смотря как к вопросу подойти, – помолчав, ответил Илья. – Если сначала разведать, потом подумать хорошо и уже после действовать, тогда можно не только снегоходами разжиться...

– Верно, – поддержал его Степан. – Там у них и оружие есть, и припасы.

– Это какие ещё «припасы», у людоедов-то, Стёп?.. – безразлично поинтересовалась у парня Марина.

– Соль, специи, консервы, например... – пожал плечами тот.

– Ну уж нет! – женщина сплела демонстративно на груди руки. – С оружием как хотите, а к харчам их запомоенным я пальцем не притронусь.

– Ты с этим погоди, Марин, – Николаич мягко погладил её по руке, – надо сначала решить, что да как... – он поскрёб пятернёй колючую щеку и продолжил, обращаясь ко всем: – Я вот как считаю. Хабар, что вы нашли надо оперативно разом забрать, и снегоходы эти нам для такого дела будут очень кстати... а людоедов перебить давно пора. Сходить к ним в гости надо дружной компанией... кроме женщин и детей, разумеется... и извести ублюдков подчистую, и дома их сжечь! – сказав это, Николаич окинул собравшихся за столом посуровевшим взглядом, остановившись на Илье, и, глядя на него, закончил: – Предлагаю голосовать.

Проголосовали единогласно, но с поправками. Татьяна с Настей решили тоже идти. Пусть не «на передовую», но поддержать мужчин огнём и прикрыть тыл они вполне способны. А ещё Иван, обычно сидевший за столом тихо, но с серьёзным видом, твёрдо заявил:

– Я тоже с вами пойду!

Когда же Марина, ставшая за полгода мальчику кем-то вроде родной тетки, стала возражать, Иван лишь сказал ей:

– Они отца и маму съели.

На это Марине ответить было нечем. Никому нечем. Все знали, через что прошли братья.

Тогда, полгода назад, в гараже, когда Илья заглянул в ме-

шок, принесённый «Илюшей», он видел останки их матери. На столе в доме – тоже. Её убили днём накануне. А двумя неделями ранее убили их отца. И вот теперь никто не мог запретить этому тринадцатилетнему мальчишке пойти вместе с братом и отомстить.

– Хорошо, – сказал Илья. – Пойдёшь с нами, будешь вместе с Таней и Настей.

Мальчик хотел было возразить и «дожать» до своего: чтобы ему позволили принять активное участие в расправе над каннибалами, но перехватил предупредительный взгляд Антона:

– Спокойно, парень. Поквитаешься.

Идти решили, когда заметет, а пока стояло безветрие устроили учения.

Три дня их маленький отряд из семи человек бродил по брошенному посёлку, на краю которого расположился завод ЖБИ с превращенной в Убежище котельной. Командиром отряда выбрали Илью, его заместителем – Антона. Учились действовать в команде и разбиваясь на пары и тройки, отработывали язык условных жестов, стреляли, устроив тир в подвале одного из домов. Братья и Николаич учились правильно ходить на снегоступах и прятать следы.

К середине четвертого дня поднялся ветер. Темно-серое небо завывало и налилось свинцом, началась поземка – пора выходить.

Оделись «по-летнему» легко, – то есть, вместо трёх комплектов термобелья – один, а вместо тяжёлых армейских ватных штанов с высоким поясом – лёгкие горнолыжные, вынесенные два месяца назад из магазина спецодежды в Абинске. Взяли лучшее из запасов Убежища «на случай исхода». Вооружились автоматами и помповиками в качестве основного оружия и дополнительно ножами, пистолетами и обрезами. Илья и Антон взяли уже привычные «Ксюхи» и обрезы; третий АКС-74У из арсенала Убежища и к нему потерятого ментовского «Макарова» выдали Степану; имевшийся в единственном экземпляре АК-74, он же легендарное «Весло» вручили Николаичу, как человеку, умеющему им пользоваться (с таким он служил в Советской Армии). Неизменный чехол с обрезом марки «Remington», который сам он называл странным словом «хауда», Николаич перевесил на ремень поверх бушлата, между автоматными подсумками. В сочетании с хронической небритостью это придало боевому облику Николаича особого шарма, что сразу отметили женщины, посоветовав ему добавить к гардеробу пулеметные ленты на грудь крест-накрест. Татьяне с Настей достались помповые ружья Ижевского и Тульского оружейных заводов – ИЖ-81 и ТОЗ-194 и пистолеты «Макарова». Ивану выдали двустволку ТОЗ-34, с которой мальчик уже привык обращаться во время его дежурств, и старенький ТТ. Боекомплектов взяли по принципу: патронов мало не бывает. К автоматам – по три войсковых подсумка на четыре магазина;

к пистолетам – по два полных запасных магазина плюс пачка патронов сверху; к ружьям – по пятьдесят патронов на человека, у кого ружьё за основное оружие; у кого обрез вторым номером, те взяли по двадцать. Выгребли арсенал Убежища на три четверти.

До места, где Илья с Антоном решили устроить временную базу, шли пять часов. Это было здание разграбленного подчистую автосервиса рядом с выгоревшей заправкой, от которого до посёлка людоедов оставалось чуть более километра. Преимущество места заключалось в том, что вряд ли кто туда сунется намеренно. Обнесённая сугробами, продуваемая всеми ветрами коробка, внутри которой нет ничего ценного; костер не разожжешь – за дровами далеко ходить, окон нет, створки ворот одного из двух смежных боксов отсутствуют, вторые приоткрыты и завалены сугробом. В здании расчистили место, в углу за закрытой створкой поставили две двухместные палатки с переходом, внутри зажгли газовые обогреватели, – в тесноте, как говорится, да не в обиде. С дороги не видно.

На разведку пошли вдвоем Илья и Антон. Николаич остался в автосервисе за старшего.

Когда свернули на дорогу к посёлку, увидели характерный тройной след, с широкой полосой от гусеницы. Такой ни с чем не спутаешь. След уходил в темноту, заворачивая в сторону, противоположную той, откуда пришли Илья с Анто-

НОМ.

– Недавно ездили, часа может три-четыре... – предположил Антон.

Следы почти замело, но они ещё угадывались. Знак неоднозначный, поскольку понять точно, сколько снегоходов прошло и в каком направлении – было нельзя.

Свернули с дороги, заметя за собой снег сломанными ранее в другом месте ветками. Мало ли... вдруг поедут и заметят следы?.. Тогда лучше сразу назад заворачивать и откладывать мероприятие. Прошли к лесной опушке, и вдоль опушки двинулись к посёлку. Чуть углубившись в лес, обошли посёлок, зайдя с другого конца. Там была ещё одна проходная, целая, не сгоревшая. Ворота закрыты, но снег перед воротами почищен. Дорога от проходной разделяется на две – одна огибает посёлок и закрывающую часть посёлка от обзора с главной дороги рощицу, соединяясь с этой самой дорогой метров через семьсот, другая сворачивает в лес. В проходной никого. Да и в самом посёлке тихо. Свет в трёх домах горит – в двух уже знакомых Илье, и ещё в одном, соседнем со «столовой», не в том, где костница, а с другой стороны. Дымом тянет.

– Топят углем, – заметил Антон.

– Раньше вроде дровами топили, – сказал Илья. – Видать разжились где-то.

– Значит, обосновались капитально... Что дальше, командир?

Слово «командир» прозвучало просто и без подкола. Антон Мельников, как и Лисов, служил в армии, был даже старшим сержантом, Лис же – рядовой запаса. Но Антон не сомневался в уме и мужестве товарища, уступая тому первенство. Если бы не Лис, лежать Антону под снегом в придорожном кювете, а его жене и дочери... Лучше не думать о том, что сделала бы с ними шайка озверевших «гордых сынов Кавказа», остановившая их «Ниву» на ночной дороге тогда, в октябре... Лис появился из темноты и без слов открыл по шайке огонь, убив двоих наповал, и после добив ещё двоих раненых. Он не проронил ни слова, не ответил молившим его о пощаде бандитам. Просто убил всех, как каких-нибудь насекомых-вредителей... Нет, скорее, как бешеных собак. После, когда они познакомились и пожали руки, из темноты появилась Татьяна, подруга Лиса, женщина с обожженным лицом. Оказалось, Лис специально следил за бандой, подзревая горцев в беспределе, но ему нужно было подтверждение. Такой человек, Илья Лисов, справедливый. Фанатично справедливый. Антон старался брать с него пример.

– Давай обойдем с другой стороны, вдоль забора, посмотрим подходы и задний двор вон того дома, – Илья кивнул в сторону четырёхэтажного куба под кургузой четырёхскатной крышей, в окнах которого горел свет. Как раз перед ним в прошлый раз он видел снегоходы. – Потом зайдем через сгоревший КПП и по знакомому мне маршруту, вон через те дворы... – он указал рукой на левую сторону улицы. – А

там посмотрим...

Между кирпичными и каменными стенами на границах домовладений и окружавшим посёлок железным забором имелись прямые проходы шириной в пару метров, нечто вроде узких улочек, по которым раньше наверняка прохаживались охранявшие покой и благоденствие обитателей посёлка ЧОПовцы. В прошлый раз ближний к лесу проход был почти доверху завален снегом. Как и дворы. Илья мог легко вперевалку преодолеть любой из заборов, не снимая снегоступов. Теперь же проход этот оказался очищен от сугробов, превратившись в двухметровый «ров». Попасть в этот «ров» снаружи было легко – профиль окружного забора торчал из снега сантиметров на сорок, а вот чтобы выбраться обратно, надо или карабкаться по скользкому металлопрофилю, или идти до сгоревшего КПП в нежилой части посёлка. Центральная улица, в обитаемой её части, была тоже почищена. Как и проход за четырёхэтажным домом, по которому хотел прогуляться Илья.

– Лучше в эту «траншею» не лезть, – сказал Антон. – Смотри, как натоптано... – добавил он, указывая на цепочку припорошенных следов. – Патрулем ходят.

– Да, – согласился Илья. – Ходят. Подождём следующего обхода, а потом ещё пару раз. Узнаем расписание, и откуда ходят.

Антон согласно кивнул.

Засели в сугробе за проходной, так, чтобы видеть цен-

тральную улицу, подложив под пятые точки туристические сидушки из вспененного полиэтилена, без которых теперь никуда.

Ждать долго не пришлось. Не прошло и пяти минут, как из дома рядом со «столовой» вышел человек с собакой и пошёл прямо на них. Вернее, в сторону КПП. Друзья замерли, стараясь лишний раз не дышать. Хотя ветер дул со стороны посёлка. Тут главное сидеть тихо. Дуй ветер с обратной стороны, собака – по виду здоровенный кавказец или алабай – вполне могла бы их унюхать, как тихо не сиди. Дойдя до проходной, человек свернул в проход направо. Илья достал из-за пазухи электронные часы и засек время, отметив, что вышел собачник ровно в 20:00, плюс-минус минута.

Патрульный появился из противоположного прохода через четырнадцать минут, обойдя посёлок по часовой стрелке, потом вернулся в дом, из которого вышел. Получалось, этот дом был у людоедов чем-то вроде караульного помещения. Дом был по поселковым меркам среднего размера, двухэтажным. Свет в доме горел только на первом этаже, как и в доме «столовой». На следующий обход человек с собакой вышел ровно через час, в 21:00, и обошёл посёлок за тринадцать минут. Друзья решили не дожидаться следующего обхода, небезосновательно предположив, что следующий будет в 22 часа, и двинулись вдоль железного забора, обходя посёлок против часовой.

Со стороны рощицы в четырёхэтажном доме не светились

ни одно окно выше первого этажа.

– Умно, – хмыкнув, отметил Антон. – Другие два дома двухэтажные и дальше, а этот с дороги можно заметить... Похоже, твой визит научил их осторожности.

– Не факт, что только мой... – сказал Илья. – Идём, осмотримся...

Они пошли вдоль железного забора, и вскоре выяснилось, что из прохода можно попасть в каждый из дворов через имевшиеся в оградах проемы, в которых раньше, по-видимому, были калитки. Теперь калитки сняли, а в снегу за забором прорубили крутые ступеньки.

– Недурно... – заметил по этому поводу Антон. – Местные так могут оперативно появиться в любом месте... Тут вариант только один: посадить на каждый проход по пулеметчику.

– Это если нападать силами тяжкими, – покивав, сказал на это Илья, – а наше дело маленькое: внезапная диверсия и геноцид.

Они обошли посёлок со стороны рощицы и вошли в него через сгоревшую проходную, тщательно заметя следы. Вьюга усилилась, и через десять минут заметить, что кто-то прошёл извне к крайнему обгоревшему дому не сможет никакой следопыт, даже самый бывалый.

– Интересно получается, – поднявшись на второй этаж провонявшего сажей коттеджа и глядя в сторону слабых огоньков на дальнем краю посёлка, тихо произнёс Илья. –

Это место мне напоминает вентерь... Смотри, с этой стороны никаких ворот или заграждений. Даже «окоп» этот между заборами не почищен... – он указал рукой в сторону внешнего забора. Обходя посёлок, они отметили, что проход между капитальными ограждениями дворов и внешним металлопрофилем очищен не до конца. За предпоследним двором в утрамбованном до состояния камня сугробе были вырублены длинные ступени, от которых расчищенная дорожка вела через двор на улицу и дальше в ворота двора напротив. – У случайных людей должно складываться впечатление, будто здесь всё разграблено. Заходи, выходи, всё открыто... Ну, живет кто-то в посёлке этом... Можно заглянуть, попросить ночлега, поторговать, узнать про эти места, что да как... А можно и пограбить... Лохи же наверняка какие-то... Не были бы лохами, забор бы окопали, ворота починили, охрану на входе организовали...

– И лох идёт, как судак в вентерь, – закончил мысль Ильи Антон.

– Ага. Именно.

Антон лишь хмыкнул, поправляя шарф на лице.

На разведку посёлка ушло без малого два часа. Они обошли и проверили все дворы по обе стороны улицы до обжитых домов и за ними. Внутрь большей части домов не заходили – двери в них были закрыты, а кто его знает, что там за дверями теми... Там же, куда заходили, всё было как вез-

де: холод, пыль, мусор, следы грабежей. В паре мест на полу и стенах бурые пятна и россыпи стреляных гильз. Ходили осторожно, внимательно смотрели под ноги и по сторонам, закрытые двери не трогали, руководствуясь мудрым принципом «не вижу – не лезу». И, как оказалось, не зря. На входах в дома по соседству с обитаемыми, осмотреть которые следовало обязательно, стояли примитивные – из одной «эфки» – растяжки, какие способен поставить всякий, у кого руки не кривые. В эти дома вошли через окна, выломав оконные рамы с помощью компактных монтировок, без коих из Убежища не выходили, проверили помещения, сняли растяжки, пополнив тем самым свое вооружение четырьмя гранатами Ф-1.

Гараж с кбстницей оказался заперт снаружи. Илья решил показать его Антону, чтобы товарищ проникся перед боем – чтобы лучше понимал, с кем им предстояло иметь дело. В гараж прошли через дом. Костей там заметно прибавилось. Причем свалены они были вдоль стен без прежней аккуратности.

– Нелюди... – выдавил сквозь образовавшийся комок в горле Антон, постояв минуту окруженный кучами человеческих останков.

– Здесь я в прошлый раз застрелил ребенка, – произнёс тогда Илья. Про «Илюшу» он до того рассказывал только Татьяне.

Антон ответил не сразу. Он молчал некоторое время, пы-

таясь сосчитать попадавшие в свет фонаря черепа. Потом спросил:

– Что?

– Пацана, лет одиннадцати-двенадцати, – спокойно добавил Лисов. – Он принес мешок с костями матери Степана и Ваньки, собирался красиво сложить... вон... – он указал рукой на тщательно уложенную кóстницу, поверх которой останки были навалены как попало, – видишь, как сложено?... Это у пацана хобби такое было. А тут я...

Антон медленно покивал, потом сказал:

– Правильно сделал. Это уже не ребенок был, а нелюдь.

– Да. Потому и пристрелил.

– А мне ты это рассказал зачем?

– Чтобы ты был готов. Там, – Илья сделал неопределённый жест в сторону опущенной ролеты, – будут не только взрослые...

– Я тебя понял, – после короткой паузы произнёс Антон. – Можешь не сомневаться во мне, Лис. Я сделаю то, что должен сделать каждый нормальный человек, встретивший людоеда. Невзирая на возраст этого людоеда.

– Это я и хотел услышать, Антон, – сказал Илья.

Снегоходов на прежнем месте перед четырёхэтажным домом не оказалось, но они, скорее всего, в запёртом гараже рядом. Уже почти заметные следы перед гаражом тому подтверждение. Или нет? Или снегоходы ушли из посёлка?

Проверить гараж не получалось. Окон нет, ролета открывается изнутри, а дверь сбоку гаража заперта на замок и просматривается из окон дома, – стоит кому-то подойти к окну и посветить фонариком... Пусть лучше снегоходы окажутся в гараже.

А если нет, придётся потом дожидаться их возвращения.

Огневую точку решили устроить на втором этаже дома по соседству с четырёхэтажным, который напротив «караулки». Место удобное: можно и по «караулке» бить прямо в упор и по «столовой», чуть правее. Посадить сюда Николаича с его «Веслом» (РПК бы ему...), с ним Степана с «Ксюхой». Сила! Женщин с Ванькой оставить бы вообще в автосервисе... Да не согласятся... Придётся «в оцепление» за пару домов от места боя усадить. Если кто из каннибалов побежит, пусть бьют.

За полночь выдвинулись назад. Дождались, когда патрульный собачник вернулся в «караулку» и пошли дворами. В автосервисе уже наверняка начали волноваться, – обещали вернуться до двенадцати. Но ждать будут до двух часов, потом Николаич с братьями пойдут на выручку.

Метель не стихает. Термометр на бушлате показывает минус двадцать восемь.

Резкий звук мотора возник из ниоткуда. Только что ничего кроме ветра не было слышно, и вот он, мотоцикл, газует. За ним ещё один. Снегоходы!

Возле сгоревшей проходной вспыхнул свет фар, затем по улице, поднимая облако снега, промчался сначала один снегоход, за ним второй. Илья с Антоном, пригнувшись, быстро прошли вдоль кирпичного забора и присели за накрытым кованным навершием угловым столбиком.

На каждом снегоходе сидели по двое, и каждый тащил за собой довольно длинный – чуть короче самого снегохода – крытый прицеп-сани.

Подъезжая к дому с кóстницей, первый снегоход сбросил газ и, замедлившись, свернул во двор «столовой», второй последовал за ним. Немного порычав на низких оборотах, двигатели один за другим заглохли, послышались голоса, залаяла собака, кто-то вышел со двора четырёхэтажного дома с керосинкой в руке и пошёл во двор «столовой», за ним ещё несколько темных силуэтов.

– Ну вот, теперь все дома, – сказал Антон. – Во сколько начнем?

– Часа в четыре, – ответил Илья. – Идём! Наши уже заждались.

Пошли по дороге, прямо по следам снегоходов. Вряд ли за теми двумя в отрыве идут ещё, – было бы их больше, шли бы вместе. И те назад вряд ли поедут в метель. Зато по следам этим идти куда быстрее. На развилке след не свернул влево, как ожидалось, а вправо – в направлении автосервиса. Получилось, что людоеды сделали круг – выехали в сторону Сла-

вянска-на-Кубани, а вернулись по М-4. Со стороны Крымска или Краснодара?

Со стороны Краснодара. На трассе «Дон» следы снегоходов свернули в направлении автосервиса...

Шли быстро, молча. Поравнявшись с заправкой, перешли на бег. Когда из темноты появилась коробка здания автосервиса, обоим стало ясно, что случилось плохое.

Множество следов перед воротами уже начало заметать.

Скинули снегоступы, бегом внутрь...

Внутри боксов никого. Палаток нет. На полу в паре мест следы крови, но гильз не видно. Никого. Ничего. Только вьюга воеет в щели между створами ворот, за которыми раньше были палатки. По боксу кружат редкие снежинки.

– Это они наших везли... – опустив голову, говорит Антон. Под глазами у него льдинки. – А мы...

– Спокойно, брат, – Илья положил Антону руку на плечо. – Сейчас мы вернемся за ними.

– Клянусь! Я! Убью! Каждого! Из этих! Ублюдков! – выплевывая каждое слово, рычит Антон. – Каждого!

– Каждого, брат... – рука Ильи в толстой перчатке сжимается на плече товарища, на его глазах тоже лед. – Каждого. – Антон поднимает глаза на лицо товарища и в свете одностороннего фонаря видит, как тот улыбается. Антону стало страшно от этой улыбки.

Из проема, ведущего в соседние с боксом помещения,

где раньше были какие-то бытовки, кладовые и небольшой магазинчик автозапчастей, слышится какой-то посторонний звук, похожий на шарканье. Илья вскидывает автомат, щёлкает предохранитель, широкими беззвучными шагами идёт к проему. Две секунды, и он уже за дверью.

– Лапы в гору! Завалю на хер!

– Не стреляй, Лис, это я... – Ванька. Стоит, выставив перед собой ствол ружья, но в Илью не целит. – Это я, не стреляй!

– Что здесь произошло, Ваня?

– Мужики на снегоходах, четверо... – отвечает мальчик. – Я до ветра отошёл туда... – он кивает куда-то назад, – в магазин... А они появились... Тихо подошли и... Они без снегоходов поначалу были. Это потом, когда всех повязали, двое отошли куда-то и подъехали... Я в окно вылез и снаружи за углом прятался... Я мог бы по ним стрельнуть... – голос Вани задрожал, – но побоялся... – он всхлипнул и разревелся.

– Тихо, парень... – Илья подошёл и обнял мальчика. – Не хнычь. Ты всё правильно сделал.

Подошедший сзади Антон стоит молча, видя, как страшное перед этим лицо Лиса снова изменилось. Видно, что Лис не тянет время и не придает рефлексии. Лис думает.

– Если бы высунулся, – продолжает Илья, похлопывая мальчика по спине, – подстрелили бы тебя в два счёта. И не побил бы ты тогда людоедов... – он отстраняется от Ивана и смотрит тому в глаза. – Понимаешь?

Арсений заступил дежурить с восьми вечера вместе со своими двоюродными братьями Прохором и Германом. В восемь утра их сменят Артём, Тимофей и Никита, а тех завтра вечером – Данила с Матвеем и Ярослав. Следующая смена через сутки с утра. Так они жили последние полгода после нападения неизвестных на их хутор. Отдежурил, отоспался, примерно через раз или через два съездил на охоту с Борисом, старшим на хуторе и первым охотником, и снова на дежурство...

Но охоты в ближайшее время теперь не предвиделось. Борис с сыном-вдовцом Ярославом и родными братьями Данилой и Матвеем вернулись с охоты с хорошей добычей. Отловили четверых бодычей. Еды теперь хватит надолго. Придётся сидеть на хуторе безвылазно хорошо если месяц, а то и все полтора. Арсения это огорчало. И так день и ночь – сплошная темень, считай и нет того дня... по привычке днями время считают... так теперь и не выбраться с хутора. Охота для хуторских мужчин как праздник, аналог базарного дня у предков. Арсений любил охоту. То зайца подстрелишь, то лисицу, а то и бодыча живьем изловишь – благодать!

Прошлым днём, как началась метель, на Бориса словно нашло что-то. Поднял едва проспавшуюся смену, приказал собираться на охоту. Борис – мужик непростой, чуйка у него на такие дела. С ним не пропадешь. Что значит потомственный казак! С начала осени, когда пять больших и дружных

между собой семей собрались вместе под рукой Бориса, и до этого самого дня никто из них не мерз и не голодал. И целы все... кроме жены, невестки и двенадцатилетнего внука самого Бориса. После же нападения собрал Борис всех мужчин в трапезную и объявил, что отныне заживет их хутор по новым правилам. «А кому не по душе, вот Бог, вот порог... никого не держу», – добавил Борис тогда. Никто не ушёл. И не зря. Жили теперь как настоящие мужики – несли службу, охраняли семьи, добывали пропитание. А слово Бориса стало для всех теперь как Слово Божье. Сказал: «собирайтесь, через полчаса выезжаем на охоту», и через двадцать минут все у снегоходов. А что метель – так и бес с ней.

Арсений был бы рад, если бы его ребята сменились тем утром. А теперь вот сынок Борисов с друзьями будет хорохориться: второй охотник на хуторе... ага... Вот только Марию с Ильей не уберег «герой» этот... А приучил бы тех к оружию, глядишь и живы бы сейчас были. Зато он, Арсений, свою жену Людмилу и падчерицу Катюшу, которая ему в последнее время стала как вторая жена, к оружию сразу приучил, как началось... С осени пистолеты под юбками на бедре носят, и ночью под подушку кладут. Вот родит Катюша ему сына – конечно же, это будет сын! – пара месяцев осталась, и тому ствол первой игрушкой будет. А годков с пяти Арсений начнёт учить его стрелять.

Время без пяти четыре – пора на обход. Очередь Арсения чресла морозить.

В сторожевом доме никто не спит – с этим строго, все бдят, забивают «козла» (Борис не одобряет, но и прямого запрета нет), поглядывают на пульт с двумя красными лампочками. После нападения в общем доме и в трапезной установили тревожные кнопки и наладили женские дежурства. Кроме того, теперь каждая хуторянка носит при поясе кобуру с пистолетом. Пробовали было соорудить сигнализацию по всему хутору – натянули провода по периметру, которые при задевании должны были замыкать контакты, подавая сигнал на пульт, – но вскоре отказались от этой идеи, так как оледенение проводов и замыкателей приводило то к ложной тревоге, то к несрабатыванию сигнализации. В итоге ограничились тем, что заминировали двери нескольких домов и поставили старые добрые растяжки, – взрыв гранаты в любую вьюгу услышишь. Проверяли.

Собрав под конец сдачи «буру», Арсений закончил партию победителем. Накинув бушлат и взяв на поводок Бурана – здорового трёхлетнего алабая, за которого хуторяне отдали два цинка патронов дружественной общине из станицы Северской, Арсений взял автомат на плечо и вышел в метель.

Дошёл до запертых ворот со сторожкой, свернул направо в узкий проход между заборами.

Проходы эти больше месяца копали бодычи. Получилось нечто вроде траншеи по периметру хутора в виде буквы «П». Теперь можно было легко попасть в любой двор, не выходя на центральную улицу и не скача через заборы.

Ветер не унимался. В проход намело снега сантиметров пятнадцать, – новым бодычам будет работа. Хотя там две бабы... С них работы... Эх, жалко, что Борис не разрешает их трахать... Под страхом изгнания с хутора. Одна там вроде ничего. Вторая тоже недурна, фигуристая, только морда наполовину обожженная. Хотя, если набок повернуть...

Дойдя до конца прохода, Арсений поднялся по ледяным ступеням и зашагал через двор по прорезанной сквозь сугробы дорожке.

Буран шёл чуть впереди, натянув поводок. Возле сгоревшего дома раздался хлопок, в котором Арсений не сразу узнал пистолетный выстрел, и пес, взвизгнув, завалился набок, засучив толстыми мохнатыми лапами. Тут же от дома отделилась среднего роста плечистая фигура, за ней вторая поменьше, одновременно кто-то рванул сплеча Арсения ремень автомата, чья-то крепкая рука обхватила его шею, а к горлу прижался ледяной металл.

– Спокойно, не рыпайся, – произнёс голос за плечом. От голоса исходил такой холод, что Арсению показалось, будто это сказал не человек вовсе, и не зверь, а существо из льда. – Антон, проверь карманы, – добавил голос, обращаясь к продолжавшей приближаться фигуре.

– Сколько человек в посёлке? – повторил вопрос человек с ледяным голосом, другие двое, плечистый и пацан-подросток называли его «Лисом». Не дожидаясь ответа, Лис сло-

мал Арсению ещё один палец. Арсений, было, взвыл, но тут же получил холодной подошвой в лицо.

Он сидел на полу в сгоревшем доме, куда его затащили пару минут назад. Руки его были скручены за спиной шнуром от какого-то бытового прибора. Перед ним стояли двое: широкоплечий мужик лет тридцати, который только что саданул его ногой, и подросток с тусклым фонариком. Ещё один, Лис – высокий, с худым гладко выбритым лицом – сейчас был сзади. Он задавал вопросы и ломал пальцы. Подросток светил в лицо Арсению тусклым фонариком. Несколько раз луч слабого света падал на лицо подростка, и Арсению показалось, что раньше он уже где-то видел это лицо.

Прошло не больше двух минут, за которые Арсению сломали четыре пальца, нос, выбили несколько зубов и расшибли в кровь лицо. Он обмочился в штаны, но всё ещё держался, тянул время, понимая, что уже не жилец. А этим троим было необходимо получить от него ответы. Они не убьют его, пока не узнают всё, что им нужно.

– Сколько человек в посёлке? – снова схватив изуродованную руку Арсения, повторил вопрос Лис и, не дожидаясь ответа, сломал ещё один палец. Мизинец. Открытый перелом: Арсений почувствовал, как горячее потекло по руке. Перчатки с него сорвали сразу, вместе с шапкой, и мороз больно грыз уши и здоровые пальцы, – сломанные же горели огнём и неприятно подёргивали.

– Лис, четвертая минута... – спокойно произнёс широко-

плечий. – Время...

Лис, молча, завалил Арсения набок и, резко оттянув скрученные руки в сторону, придавил ногой к стылому полу.

– Режь, – сказал он широкоплечему.

Широкоплечий шагнул к Арсению, блеснув лезвием, и кишечник Арсения не выдержал. К мерзкой вони пожарища добавился запах дерьма.

– Десять! – истошно завизжал Арсений и получил на этот раз лёгкий подзатыльник.

– Тихо. Не ори.

– Десять мужчин, – уже тише повторил Арсений. – Если со мной! Семь... восемь женщин... и трое детей...

– А чего детей так мало? – уточнил широкоплечий.

– Три бабы беременные...

– Понятно, – сказал Лис, выйдя из-за спины Арсения. – Сколько сейчас в караулке вашей, чем вооружены? Какой боезапас?

– Двое, – с лёгкостью ответил Арсений, поняв, что речь о сторожевом доме. Он уже сломался, был готов отвечать на любые вопросы, лишь бы не били и не ломали пальцы, и чтобы хоть на немного задержать этих людей, чтобы ребята в сторожевом доме заметили неладное. – Автоматы у всех, как у меня... «Калашы» под семь-шестьдесят-два... Это из резерва, – с неуместными хвастливыми нотками в голосе добавил он.

– Патронов сколько?

– В сторожевом доме-то? Три цинка!

– Гранаты?

– Тоже есть! Десять штук, в ящике, рядом с пуль... – чуть не сказал «с пультом» Арсений и быстро сымпровизировал: – с пулями пистолетными.

– Какой порядок при возвращении с обхода? Дверь открыта? Закрыта? Пароль-отзыв? Особый стук в дверь? Какие-то детали? Говори. Если соврёшь, сломаю ещё один палец, – предупредил Лис.

– Закрыта. Постучать три раза надо...

– Точно три раза? Как часто?

– Обычно... погромче только, чтобы услышали.

– Где остальные мужики?

– В общем доме... большой такой...

– Понятно.

– Там пятеро, с семьями... – продолжал разъяснять Арсений. – Ещё двое, Борис, главный наш, и сын его Ярослав второй этаж трапезной занимают...

– Трапезной, говоришь! – неожиданно сорвался широкоплечий и замахнулся на Арсения прикладом автомата, который перед тем у него забрал.

– Не надо! Прошу! – запричитал Арсений. – Не надо!

Широкоплечий не ударил. Вместо этого спросил:

– Собаки ещё есть?

– Н-нет! Нет собак больше! Один Буранчик был...

– Что с пленными, которых вы сегодня привезли? – задал

следующий вопрос Лис.

– Они в трап... в доме рядом со сторожевым...

– Я спросил не *где*, а *что* с ними? – перебил Лис.

– Они все там! Все живы! Это не я... не я привёз! Я заступил вечером, когда наши с охоты ещё не вернулись...

– С охоты, говоришь!.. – проревел неожиданно громко широкоплечий, и Арсения затрясло.

– Они все там, в доме, живые, на первом этаже, дверь налево от входа, там за ней ещё одна две...

– Я знаю где, – снова перебил Арсения Лис, чем привел его в замешательство. Откуда? Откуда ему знать, где они держат бодычей?

Тем временем Лис кругом обошёл Арсения, держась от него, явно из брезгливости (всё-таки воняло от него порядком), на расстоянии около двух метров, и, подойдя к подростку, попросил у того фонарик.

– Ты этого парня узнаешь? – вдруг спросил он, кивая на подростка, осветив лицо мальчишки. – Арсений узнал, и, похоже, Лис это заметил. – Давай, Ваня, – обратился он к подростку. – Делай то, что должен.

В этот момент в руке у мальчика появился пистолет. Ваня наклонился и поднял с пола валявшуюся там меховую шапку Арсения, снял пистолет с предохранителя, накрыл шапкой и выстрелил в упор в лицо Арсению.

Начали с «караулки». Пройдя быстрым шагом по «тран-

шее» до нужного проема в кирпичной стене, поднялись по белым ступенькам во двор. Обошли дом с двух сторон, встретившись перед входом. Ваньку Илья отправил к калитке, вручив ему трофейный АК и приказав сесть в сугроб под забором и стрелять в каждого, кто в неё войдёт. Пока мальчик шёл к калитке, Илья и Антон сняли снегоступы, аккуратно сложив их у стены дома, подошли к двери.

Стали по обе стороны входа так, чтобы не угодить под очередь, окажись что «язык» их обманул насчёт стука. С расстановкой ударив три раза в обшитую деревом железную дверь, Илья отдернул руку, беря автомат с уже откинутым для стрельбы прикладом наизготовку. Изнутри дома ничего не слышно, – снаружи ветер завывает так, что метрах в десяти от дома можно смело разговаривать в полный голос. Но никто, конечно, этим естественным маскирующим фактором не злоупотреблял. Все разговоры закончились в сгоревшем доме, где теперь остывал труп «языка», имени которого не спрашивали – «первенец» Ваньки, тринадцатилетнего мальчика, или лучше сказать мужчины, открывшего счёт своих врагов. «Язык» явно узнал Ивана, а это значит, что он точно ел его родителей.

Щёлкнул замок, кто-то изнутри нажал на дверную ручку, и дверь подалась наружу. В этот момент Антон ухватился за торец двери и с силой рванул дверь настежь. Открывавший дверь мордатый мужик с лопатообразной бородой по инерции выскочил наружу, ловя на ходу слетевший с плеча авто-

мат и одновременно пытаюсь восстановить равновесие и не упасть. Илья тут же саданул мужика прикладом в челюсть, а Антон ухватил мужика за плечо и придал дополнительное ускорение его движению, освобождая Илье дорогу.

Илья быстро шагнул в дом, оказавшись в просторной комнате, посреди которой на длинной лавке за деревянным столом сидел второй мужик с такой же, как у первого, обильной бородой.

Комнату освещали две лампы конструкции «Летучая мышь», висевшие на спускавшихся с потолка крючках из проволоки над противоположными концами продолговатого деревянного стола. Прямо перед мужиком на столе стояли дымящаяся пепельница и несколько железных кружек, рядом лежали две пачки сигарет и колода карт, а чуть в стороне справа – АК с пристегнутым магазином. Перед столом стояла чуть отодвинутая в сторону ещё одна лавка; в стороне слева у окна – журнальный столик с каким-то самодельным прибором и коробками, а у дальнего окна, позади мужика на колоде из полена парил самовар, труба от которого была выведена прямиком в окно.

Молниеносным движением мужик схватил автомат, но не успел навести его на Илью, поймав грудью короткую очередь. Не оборачиваясь назад, Илья в четыре прыжка преодолел разделявшее его и бородача расстояние, обогнув стол. Оказавшись рядом с завалившимся на пол вместе с лавкой ещё живым людоедом, Илья добил того одиночным в голову. Го-

тов!

В этот момент со стороны входа послышался стон, Илья тотчас направил туда дуло автомата и увидел ввалившегося в дверь первого бородача с разбитым в кровь лицом. Ввалился бородач не самостоятельно, а то ли от удара прикладом, то ли от сильного пинка. Следом вошёл Антон, добавил бородачу в спину прикладом, после чего закрыл за собой дверь.

– Чтобы не так слышно было, – сообщил он, после чего навел ствол автомата на стоявшего на карачках людоеда и выстрелил, расплескав мозги того по полу.

– Будем считать, что нас уже услышали, – Илья наклонился к «своему» трупу и принялся расстегивать армейскую портупею с подсумком. – Собираем оружие и дальше по плану...

На беглый осмотр первого этажа ушло около минуты. Результат: два АК под патрон 7,62 с двумя полными подсумками – итого по пять магазинов на каждое «Весло», десять гранат Ф-1 (не обманул «язык») и три нескрытых цинка с патронами. Все гранаты – с запалами, уже готовые к применению – лежали в пластиковом ящике из-под бутылок, каждая в отдельной ячейке, а сам ящик стоял на журнальном столике рядом с фанерной коробкой с двумя лампочками под цветными колпачками. Возле одной лампочки надпись маркером: «дом», возле другой: «трапезная». Коробка была соединена проводами со стоявшим под столиком аккумулятором. Другие провода от коробки тянулись к окну. Сигна-

лизация, в общем. А вот «пуль пистолетных» рядом не нашлось.

Пока Илья рассовывал по карманам гранаты и осматривал устройство, Антон сбегал на второй этаж и вернулся.

– Что там?

– Там у них склад всякого добра, – коротко сообщил Антон, закидывая на плечо автомат «своего» бородача и портупею с подсумком. – Как в подвале у параноика, только раз в десять больше. Оружия и боеприпасов нет.

– Ясно. Тебе есть куда пяток «эфок» положить?

В комнате, где их заперли, воняло экскрементами и невымытыми телами. Из угла, где стояло отхожее ведро, несло так, что глаза поначалу слезились. Вдоль стен валялись какие-то тряпки, старые одеяла, комковатые подушки из «Икеи»; освещения не было, единственное окно в комнате забрано решеткой из арматуры. Степан сказал, что именно здесь держали его с братом и родителей. Когда их сюда вели, Татьяна видела комнату, о которой ей рассказывал Илья. Он назвал её «разделочной». Видела стол, на котором людоеды свеживали и разделявали трупы своих жертв.

Их застали врасплох. Один из людоедов просто заглянул в палатку и сказал, чтобы они выходили по одному. В случае сопротивления пригрозил расстрелять всех без разбора, а голоса снаружи подтвердили готовность открыть огонь по палатке.

Их связали по рукам и ногам. При этом Николаичу разбили лицо, без особой на то причины, просто за то, что он попытался поговорить с напавшими. Николаич уже потом сказал, что специально отвлекал внимание людоедов на себя, чтобы те не присматривались к Степану. В итоге парня не узнали. Когда он в прошлый раз был в плену, у него была борода и длинные волосы. Если бы Степана узнали, им всем пришлось бы тяжело. Очень повезло, что Ваня незадолго до нападения вышел – с ним брата точно бы узнали – и что он, как самый молодой, шёл налегке, неся периодически одну из палаток, и что Илья с Антоном свои рюкзаки взяли с собой в разведку. Окажись в палатках лишний рюкзак, людоеды наверняка нашли бы мальчика.

Потом подогнали снегоходы с прицепами, и их как вещи покидали в прицепы, завалив сверху их же палатками, рюкзаками и оружием. В прицепе, куда кинули Татьяну с Настей, был труп какого-то мужчины. А Николаич и Степан ехали на канистрах с бензином и соляжкой.

Труп мужчины сейчас лежал в соседней комнате. Главный каннибал – седобородый мужик с казачьим чубом на бритом черепе (он снял меховую шапку, когда вошёл в дом) – распорядился «разобрать» труп утром.

В комнате было тепло, даже жарко. После тридцатиградусного мороза всех быстро разморило, и только Татьяна не спала. Не могла и не хотела. Да и другие вряд ли хотели, – как тут захочешь спать... Она лежала на полу на вонючем

ватном одеяле и смотрела в темное окно, за которым надры-
валась вьюга. Кожа вокруг глаз пропиталась солью от слёз и
сухо тянула. Слёз уже не было. Татьяна заплакала все. Где
сейчас ребята? Где Ванька? Живы ли они? Почему людоеды
их нашли? Откуда узнали про них? Может, эти нелюди схва-
тили Илью с Антоном и выпытали всё, а потом убили? Од-
ни и те же страшные вопросы крутились в голове Татьяны.
Ванька... Мальчик, похоже, спрятался от подонков, но что
он будет делать один на страшном морозе? Ведь они забрали
палатки и обогреватели... Нет! Ваня найдёт топливо, разве-
дет костер... он вернётся в Убежище...

За окном послышался короткий треск, словно ветка дере-
ва сломалась, – так бывает при сильном морозе и ветре. На-
верное, рядом с домом стоит большое дерево, от него ветка
и отломилась... Потом ещё раз. Ещё одна ветка, похоже, со-
всем маленькая...

Татьяна попробовала представить это дерево, чтобы от-
влечься, чтобы прервать хоровод терзавших её страшных
мыслей. У неё всегда было живое воображение, какое ещё
называют богатым.

В окно постучали. Или ей это показалось?

Снова стук. Знакомый стук!

Тук-тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук.

Татьяна вскочила, бросилась к окну, быстро провела ладо-
нью по запотевшему стеклу, прижалась к нему лицом. Сна-
ружи был человек. Человек включил слабый однодиодный

фонарик, накрыв его ладонью.

Это был он, Илья, её Лис!

Татьяна быстро растолкала спящих, повторяя шепотом:

– Они здесь! Вставайте! Лис здесь! За окном!

Все вчетвером быстро сгруппировались возле окна. Потом Илья знаком показал, чтобы они отошли в сторону. Они отошли. Тогда он разбил прикладом стекло.

– Все целы? – быстро спросил Илья.

– Да, целы, – ответила за всех Татьяна.

– Хорошо. Антон и Ванька тоже. Вот, принимайте оружие! – с этими словами он просунул сквозь решетку автомат без рожка, следом ещё один, потом стал по два подавать автоматные рожки, всего десять, потом два пустых под сумку с португезами, после вытащил из-за пояса обрез и, сняв узкую сумку-патронташ с патронами для дробовика, передал всё это им. В конце вытащил из-за пазухи «Макарова» и протянул и его. – Будьте готовы! Мы вас вытащим.

Он уже повернулся, чтобы идти, когда Татьяна окликнула его:

– Илья!

– Да, Танюша... говори скорее!

– Я люблю тебя, – сказала она ему.

– Я тоже тебя люблю, милая, – ответил Илья. – Скоро всё закончится. Обещаю.

Антон с Ванькой ждали его недалеко от входа в дом, при-

сев за поленницей. В поленнице этой дров не меньше «КамАЗа» – достаточно, чтобы укрыться, если начнут стрелять из «большого дома». Удобно и отстреливаться, и гранату метать, – благо, людоеды снегоходы в гараж загнали, а не оставили перед домом, как в прошлый раз. А-то загубили бы технику ненароком.

– Готовы?

– Готовы, – ответил Антон.

Ванька серьёзно кивнул. Парень менялся буквально на глазах.

– Тогда за мной! Антон – второй, приготовь гранату. Ваня – третий, прикрываешь нас.

Дверь ожидаемо оказалась заперта. Поэтому просто выломали створку металлопластикового окна рядом. Тихо вошли и сразу к лестнице.

Лестница из двух маршей, на площадке между этажами слабый свет, – это уже знакомая «Летучая мышь» висит на вбитом в стену крюке.

– Ваня, – наклонившись к самому уху мальчика, тихо сказал Илья, – иди, освободи наших. Скажи им, чтобы наверх не поднимались и к окнам не подходили. Ждите здесь. Если кто снаружи в дом полезет, валите всех. Понял? – Ваня кивнул. – Если придётся стрелять, – Илья поправил ремень трофейного АК в руках мальчика, – стреляй короткими на раз-два, как учили, экономь патроны и береги ствол. Понял?

– Понял, – Ваня снова кивнул.

– Выполняй.

Поднялись на второй этаж. Темный коридор, тянется через весь этаж, деля его надвое. В конце коридора едва заметное окно. Илья включил фонарик.

Быстро осмотрелись. Сразу возле лестницы справа две узкие двери – туалет и ванная. Дальше по коридору дверей пять – две по правой стороне и три слева, это уже спальни. Дальняя дверь справа приоткрыта, из комнаты слышится тяжёлый храп. Один есть. А где второй? За какой из дверей? Пришлось импровизировать.

Илья на языке жестов быстро объяснил Антону, что задумал. В ответ Антон одобрительно покачал головой, осторожно положил автомат на пол перед собой и, достав из кармана гранату, разогнул усики чеки, затем взял автомат за цевье в левую руку и тихо прошёл по коридору к приоткрытой двери. Опустился рядом с дверью на одно колено, снова положив автомат на пол, потом выдернул освободившейся рукой чеку, чуть толкнул приоткрытую дверь, дверь скрипнула, храп за дверью стих, – поздно! – закинул гранату внутрь и, взяв в руки автомат, прижался к стене, широко открыв рот.

Ухнуло тяжело. Дверь комнаты вместе с коробкой вывалило в коридор и разбило на составные части о стену. Антон тут же встал и вошёл в комнату. Протрещали две короткие очереди.

– Готов! – крикнул Антон, не выходя из комнаты. – Здесь мужик лет тридцати пяти, с чубом на башке. Казачок.

В этот момент Илья заметил движение в конце коридора. Это приоткрылась третья, последняя дверь по левой стороне, она чуть дальше той, за которой сейчас был Антон. Атаковать Антона, не высовываясь при этом в коридор, тот, кто находился в комнате напротив, сейчас не мог, если только Антон сам не выйдет из комнаты.

– Антон! Не подходи к двери! – громко предупредил товарища Илья. – Дальняя дверь напротив, справа от тебя.

– Понял! – тотчас отозвался Антон.

– Эй, Боря! – обратился Илья уже к укrywшемуся за дверью по имени. УчИтывая предполагаемый возраст казачка-храпуна и информацию от «языка» выходило, что это тот самый Борис, главный людоед. – Ты как, сам выйдешь, или тебе гранату в окно закинуть?

Ответа нет.

– Ну, как знаешь...

Илья, конечно же, не собирался выполнять угрозу. Чтобы кинуть гранату в окно, надо сначала прикрыть бросающего огнём. А это время и риск угодить под пули уже наверняка проснувшихся пятерых семьянинов из дома напротив. Нет, мы пойдём другим путём.

– Антон, держи дверь! – крикнул Илья, и, взяв автомат наизготовку, быстро пошёл через коридор.

Переступил через обломки выбитой двери, кивнув стоявшему в пыльном проеме товарищу, и прижался спиной к последнему простенку.

– Давай, – тихо сказал он Антону.

Антон дал. Выставил в коридор ствол автомата и дал короткую очередь в дверь наискосок. В ответ из-за двери последовала длинная автоматная очередь на полмагазина, – пули прошли стену напротив, выбив облачка пыли и кирпичной крошки. Илья мысленно поблагодарил бывших хозяев дома за то, что построили его из кирпича, а не отлили монолитом – от железобетонной стены сейчас полетели бы рикошеты.

«Чуть выше» – показал знаком Антону Илья, приседая, и тот снова полоснул по двери, но уже на уровне головы. Как только Антон перестал стрелять, Илья рывком вытянулся на полу перед дверью, за которой был главный людоед, улегшись на правый бок и направив на дверь ствол автомата. Теперь пули пойдут не в угол комнаты, а прямо по центру. Укрыться от его огня можно будет только в ближнем углу слева. А судя по тому, как легла очередь из-за двери, людоед стрелял из центра комнаты, или, что вероятнее, из дальнего её конца напротив двери.

Уперев приклад «Ксюхи» в левое плечо (неудобно, зараза! быть бы ему левшой!), Илья выпустил полмагазина веером, с расчётом на то, что противник мог присесть. И попал! За дверью застонали. Недолго думая, Илья повторил. Сменил магазин. Развернулся, не вставая, так, чтобы удобнее попасть ногой по двери.

– Антон!

– Уже готово! – последовал ответ.

Удар ногой в дверь с перекатом на грудь и рывок в сторону! В комнату летит граната.

БАМ!!!

Несколько осколков ударили в стену напротив двери, куда до этого летели пули, и ниже, где лежал Илья.

– Заходим!

Антон перескочил через Илью и расстрелял остаток магазина, не входя в комнату. Шагнул в сторону от двери, сменил магазин. Илья, встав на ноги, включил фонарик, прижав его прорезиненный корпус левой рукой к цевью автомата, и вошёл в комнату, ища тусклым лучом раненого.

Вот он, бритый мордovorот в тельняшке и семейных трусах, с чубом на складчатой лысине и длинными усами, сидит на полу, привалившись спиной к кровати, держится окровавленной рукой за живот, дышит тяжело, в пол смотрит. Рядом лежит автомат с откидным прикладом, АКС – цевье и крышка коробки побиты осколками.

– Делайте, – говорит, – зачем пришли...

– Как скажешь, – Илья выстрелил чубатому мордovorоту одиночным в голову. Некогда разговаривать. Да и не о чем. Внизу ждут товарищи и любимые женщины, а тварей ещё много, и всех перебить надо.

Уже через пару минут после первого взрыва гранаты, снаружи слышались знакомые голоса. Ваня сказал, что Илья

распорядился сидеть тихо и оборонять дом от попыток людоедов войти внутрь. Обстановку – что и где в посёлке находится – никто из них не знал, кроме мальчика. Так что, им ничего не оставалось, кроме как выполнять всё, что приказал командир.

Они рассредоточились по гостиной и примыкающей к ней кухне. Здесь через выломанное окно было лучше слышно, что происходило на улице. Если вдруг кто полезет в окна, этого ли помещения или примыкающих нему столовой и того, которое Илья назвал «разделочной», они дадут отпор. Входная дверь заперта, а сразу за ней сидит Степан с обрезами. Николаич с автоматом сидит прямо под выставленным окном, Татьяна с Настей – на полу в дальнем конце комнаты: Настя с пистолетом, смотрит в открытые двери просторного зала с длинным столом и множеством стульев вокруг, а она, Татьяна, смотрит за окнами той части помещения, где устроена кухня.

Татьяна точно решила для себя, что, если придётся, она будет убивать тварей, которые заперли её и её близких в смрадном хлеву, как животных. Она теперь не просто сочувствовала Степану с Ваней, она знала, *что* пережили братья, понимала их как себя.

В помещении было холодно – из окна сквозило. Хорошо, что их верхняя одежда и обувь была свалена в углу в соседней комнате, где на деревянном столе посредине лежал раздетый труп неизвестного мужчины. Его одежда, местами

сильно пропитанная кровью, лежала вместе с их одеждой.

Наверху стреляли. Илья с Антоном что-то говорили. Потом грохнула ещё одна граната. Потом снова выстрелы. Татьяна захотелось подняться наверх, встать рядом с любимым – ведь у неё автомат, и она умеет им пользоваться! Она не побоится выстрелить в человека! Тем более те, с кем сейчас сражались мужчины, и не люди никакие вовсе, а самые настоящие нелюди! Но она помнила, что Илья сейчас не просто её любимый, а её командир, а она, как и остальные – солдат. Она должна выполнять приказы. А приказ был однозначный: не пускать в дом людоедов.

– Вы там как, все целы? – раздался на лестнице голос Ильи.

– Целы! – ответил ему Николаич.

– Спускаемся.

Дальше действовали по основному плану, с которым определились, когда шли в посёлок второй раз, внося в план небольшую корректировку.

В «столовой» оставили женщин и Николаича, которому вручили две гранаты. Задач у них было две. Первая, она же основная: никого не пускать в дом и не подпускать к окнам. И вторая, дополнительная, но не менее важная: наводить шумер. У людоедов должно складываться впечатление, будто в доме идёт бой.

– Пусть думают, что их чубатый атаман с сынком герои-

чески обороняются наверху, а первый этаж удерживает прикрытие нападающих, – объяснил задумку Илья. – Танюша, поднимаешься наверх и там изредка постреливаешь в коридор. Но без фанатизма... береги патроны. Настя, сидишь на лестнице. В случае прорыва в дом местных упырей, поднимаетесь наверх вместе с Николаичем и держите лестницу, не давая тем подняться. Николаич, ты знаешь, что делать.

Братьев взяли с собой. Вооружены они были трофейными АК – Ванька «своим», взятым с «языка», а Степану отдали автомат атаманова сына, который, вместе с полным под сумком Антон захватил, спускаясь. Ещё поделились с братьями гранатами, выдав по две «эфки» каждому. Илья и Антон оставили себе по три.

Вышли через окно на задний двор, дальше спустились в окружную «траншею» и уже через три минуты вышли позади четырёхэтажного дома. А дальше всё происходило очень быстро.

Разделились на две пары: Илья с Ванькой и Антон со Степаном. Окружили дом с двух сторон, прикрывшись с одной стороны гаражом, с другой – деревянной баней, и закинули в окна каждого этажа по гранате, предварительно выбив стёкла короткими очередями. В доме закричали и завыли. Это произвело должный эффект на троих отцов семейств, которые к тому времени засели во дворе дома напротив, на втором этаже которого бодро постреливали. По-видимому, собирались штурмовать «трапезную». Но одно дело – атаман,

и совсем другое – собственные жены и дети. Эти трое ломанулись через улицу во двор как умалишённые, в открытые ворота... за что и поплатились, угодив под перекрестный огонь.

– Осталось ещё двое, – объявил Илья, когда они сошлись перед входом в дом.

Троица людоедов осталась лежать перед домом. Один или двое ещё шевелились, но подходить добивать их не стали, – мало ли, кто там сейчас за окнами в доме... По ним просто выпустили пару коротких очередей и шевеления прекратились.

– Ну что, заходим? – Илья посмотрел в глаза Антона. В глаза братьев он смотреть не стал. Он без того хорошо знал, что в них.

– Заходим, – ответил Антон. Я помню наш разговор.

Свою последнюю гранату Илья закинул за дверь, прежде чем войти в дом, ещё одна оставалась у Антона, «на всякий пожарный».

Бахнуло. Дверь настезь! Они вошли. С верхних этажей слышались стоны и плач. Громко, с причитаниями рыдала женщина, и где-то там же ревел ребенок. Сразу возле входа в луже крови скребла руками пол дородная баба, пуская изо рта кровавые пузыри. У бабы не было ступни, а из-под длинной цветастой юбки вывалились кишки. Илья добил её выстрелом в голову.

Больше на первом этаже никого не было.

На втором этаже обнаружился посеченный осколками труп бородача, на этот раз без чуба, а стриженный «под горшок». Возле бородача выли сисястая баба и пацан лет семи. Их расстреляли братья. В комнате рядом пряталась молодая беременная девка, которую задело не боевыми осколками, а какой-то мелочевкой вроде щепы от мебели. Её пристрелил Антон. Без разговоров, не зверствуя, даже с сожалением, но пристрелил, помня, что это уже не человек. В другой комнате, куда угодила граната, был труп молодой женщины выдающейся красоты. Осколком ей порвало на шее артерию, и она скончалась от быстрой кровопотери. Рядом на кровати лежала тяжело раненная девочка, примерно пяти лет. Иван оборвал агонию девочки выстрелом в голову. В этот момент на глазах Ивана выступили слёзы.

На третьем их встретили автоматной очередью. Источник сопротивления подавил Антон при помощи «пожарной» гранаты. Мужика порвало буквально на куски. По виду останков нельзя было сказать точно, был мужик минуту назад здоров или ранен. Скорей всего, был ранен, иначе наверняка попытался бы их атаковать раньше, как только они вошли в дом. Оторванная от тела голова мужика была с чубом и усами.

– Какой-то ты несобранный... – сказал Антон, глядя на то, что стало с мужиком, чем вызвал нервный смех Ивана сквозь слёзы. Стоявший рядом его брат, по своему обыкновению, не выражал никаких особых эмоций.

– Ваня, – серьёзно сказал тогда мальчику Илья, – мы дальше сами. Иди к нашим, скажи, что всё кончено. И смотри, чтобы тебя не подстрелили! Как подойдешь к дому, покричи сначала, пусть Николаич отзовется и подтвердит, что узнал тебя... Общайте дом на предмет оружия и лекарств. Барахло не трогайте. А вот фонари, аккумуляторы, батарейки берите. Несите всё в «караулку».

Иван как-то заторможено посмотрел на Илью и с места не двинулся.

– Чего непонятно? – жестко спросил его Илья. – Ты слышал, что я тебе сказал?

– Д-да. Понял, – выговорил Иван.

– Повтори.

Тот повторил.

– Всё. Выполняй.

Иван с заминкой кивнул и, словно снявшись с тормоза, быстро пошёл вниз по лестнице.

– Хватит с него, – негромко сказал Илья, обращаясь к остальным, когда внизу хлопнула дверь.

В одной из дальних комнат на третьем этаже прятались две женщины с мальчиком лет четырёх-пяти. Одна с заметным животом. Их расстрелял Степан.

На четвертом были двое – женщина под сорок или чуть старше и девчонка-подросток на вид не старше тринадцати. Эти были вооружены какими-то миниатюрными револьверами иностранного производства и оказали сопротивление,

едва не подстрелив Степана, но против трёх автоматов у них не было шансов.

Девчонка оказалась беременной. Округлый живот сильно выпирал из завёрнутого в байковый халат ещё детского тела. Она должна была родить через месяц или два... если бы не питалась человечинной.

– Выродки, мля!.. – свирепо прорычал тогда Антон, глядя на тело беременной малолетки. – Года не прошло, а они уже не только людей жрать... но и... – Антон не закончил, лишь с силой пнул стоявший поблизости табурет, развалив его на части, и вышел из комнаты.

Больше людоедов не было. Все закончились.

После в течение получаса втроем обыскивали дом.

Если брать по довоенным меркам, людоедская община жила богато. Но что теперь богатство? Килограмм золота или автомат Калашникова с полным магазином патронов? Туфли за тысячу долларов или тёплые валенки? Спортивный «Феррари» или самый дешёвый снегоход? Людоеды жили зажиточно, жили роскошно. Большой тёплый дом, дорогая мебель, множество шерстяных ковров (а ведь когда-то над ковроладельцами смеялись в Интернете), в спальнях дорогое бельё, в шкафах дорогая одежда, в комодах шкатулки с драгоценностями, на стенах картины, вывезенные, по всей видимости, из какого-то музея или из частной коллекции. Что удивило, во всех комнатах в углах висели позолоченные ико-

ны с лампадами. Зачем они убийцам и поедателям людей?

– Поел человечины, покался боженьке, потом снова поел... – предположил Степан.

Но было среди всего этого множества вещей и настоящее богатство – висевшие повсюду в доме на вбитых в стены железных крюках заправленные керосином безопасные «Летучие мыши». Тут мнение троих было единодушным.

Они собрали в доме всё оружие, патроны, медикаменты и двадцать штук «Летучих мышей» с мешком запасных фитилей. Нашли свои палатки и походные рюкзаки Татьяны, Насти, Степана и Николаича, а также отнятое людоедами оружие. Чтобы перенести всё это в «сторожевой дом», он же «караулка», где решили временно обосноваться, пришлось делать шесть ходок туда и обратно. Николаич с женщинами управились с собранными в людоедской «трапезной» трофеями быстрее, но им сказали не подходить к большому дому – нечего им там смотреть. Тогда они прибрались в «караулке»: вышвырнули в сугроб, подальше с глаз, лежавшие там тела двоих «караульных», а пятна крови засыпали золой, принесённой из подвала, где был котел.

Закончив переносить трофеи, затащили внутрь большого дома тела лежавших снаружи троих бородачей и подожгли дом.

Когда все собрались за столом во временном штабе и пили чай – принесённый с собой чай из принесённых с собой кружек, из людоедской утвари воспользовались одним толь-

ко самоваром – Илья поручил Ивану ещё одно дело:

– Ваня, – сказал он мальчику, – надо сжечь соседний дом. Справишься?

– Справлюсь, – с готовностью кивнул тот.

– Стены чертогов были снежные метели, окна и двери были буйные ветры. Сотни огромных зал, смотря по тому, как наметала их вьюга, тянулись одна за другой. Все они были освещены северным сиянием, и самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах!..

Ольга сидела, поджав ноги, в старом, сделанном ещё во времена СССР кресле с потрепанной книжкой на коленях. Закрепленный под потолком яркий светодиодный фонарь заливал комнату белым, почти дневным светом. Машенька сидела напротив, на накрытой шерстяным пледом низкой двуспальной кровати и увлеченно слушала. Они читали вслух по очереди, передавая друг другу книжку: страницу – Ольга, страницу – Машенька.

Девочка отучилась в школе только один год. Потом были летние каникулы, а потом, в середине августа – самая короткая в истории человеческой цивилизации война. Мир окутали клубы пыли и сажи, началась ночь – та самая ночь, что продолжалась и теперь снаружи. Первого сентября Маша Мельникова не пошла во второй класс. Никто не пошёл. До октября её семья жила на даче в летнем домике, обогрева-

ьясь печкой буржуйкой. Когда морозы усилились, а в дачный посёлок стали наезжать бандиты, они ушли в поисках нового, более безопасного места. И через несколько дней они нашли такое место, встретив Илью Лисова и его жену Татьяну. В Убежище родители продолжили обучение девочки, раздобыв снаружи необходимые для этого учебники. Через пару недель в их маленькой общине из семи человек появилась восьмая участница – восемнадцатилетняя девушка по имени Ольга.

– Холодно, пустынно, мертво и грандиозно! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту свет усилится и в какую ослабеет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замерзшее озеро...

К Ольге Машенька потянулась с первых дней знакомства, полюбив её как подругу и старшую сестру. Ольга охотно проводила время с девочкой и тоже к ней быстро привязалась. Главным интересом Ольги были книги. Девушка находила время для их чтения даже во время своих скитаний снаружи. Она любила литературу. Твёрдо решив стать в будущем литературоведом, Ольга поступила на филфак КубГУ, успев отучиться только на первом курсе. Но даже конец света не изменил устремления этой девушки. С её появлением в Убежище довольно быстро появилась своя библиотека. Ольга обошла весь посёлок, собирая в брошенных домах драгоценные томики классиков и современников, ка-

кие считала достойными спасения от неминуемой гибели и забвения, – всё-таки атомная зима когда-нибудь кончится, мир оттаяет, а дальше естественные факторы быстро уничтожат всё, что останется лежать бесхозным. Когда поблизости не осталось ничего достойного её внимания, Ольга стала ходить на вылазки третьей с Ильей и Татьяной или с Антоном и Настей, но после нескольких таких походов всем, и самой Ольге стало ясно, что ей пока лучше оставаться в Убежище. Сильная худоба и слабое здоровье Ольги делали её обузой во время вылазок, это подвергало всех троих дополнительному ненужному риску. Да и в Убежище работы хватало, и на кухне у Марины и у Петра Николаевича, а нужные книги Ольге итак приносили – закинуть в рюкзак пару штук нетрудно.

Когда в их маленькой общине, сплотившейся за несколько месяцев в одну большую семью, появился Степан с младшим братом, Ольга влюбилась. Длинные с седыми прядями волосы, короткая раздвоенная борода, тонкий нос и губы, глубоко впалые серые глаза старца на слегка вытянутом лице – он походил на монаха-схимника. Конечно же, Степан никаким схимником не был, а был он в прошлом музыкантом, играл на гитаре в метал-группе, любил, как и она, книги и писал стихи. Его с братом и их родителями держали в плену каннибалы. Родителей каннибалы убили и съели (и парень не был уверен в том, не ели ли они с братом своих отца и мать в похлебке, которой каннибалы кормили пленников), а братьев вытащил из плена Лисов. Ольга не долго скрывала

свои чувства к Степану, уже через месяц молодые люди стали жить вдвоем в отдельной комнате. Тогда же Степан остриг волосы и бороду.

Их со Степаном комната была крайней в верхнем ярусе. По соседству за стенкой жили Николаич с Мариной, а за ними – Лис с Татьяной; внизу на первом ярусе жили Мельниковы, комнату рядом с ними занимал Ваня, ещё одна комната, та, что под комнатой Ольги и Степана, оставалась незанятой. Это не были полноценные жилища, скорее просто спальни четыре на три метра и высотой в два. Большую часть времени жители Убежища проводили внизу, в котельном зале, где была кухня и общая на всех столовая. Месяц назад Николаич начал строить площадку над неработающими двумя котлами, которая станет удобным местом досуга и собраний. Площадка планировалась передвижной, на случай использования одного из резервных котлов, поэтому её строительство несколько затянулось. Но сейчас сама площадка уже была закончена, оставалось сделать перила и лестницу. В котельной было тесновато, особо не разгуляешься, но пока снаружи ночь и морозы, это тёплое здание на краю необитаемого посёлка в предгорном районе Краснодарского края оставалось для них домом, единственным безопасным местом в скованном холодом мире, было их Убежищем.

– Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого. Поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и самое сердце его было куском

льда...

– Оля, а почему Кай не умер от холода? – спросила вдруг Машенька.

– Он бы обязательно умер, – серьёзно ответила ей девушка, – если бы это не была сказка. А про сказки что Пушкин писал?

Девочка на миг задумалась и выдала:

– Что сказка ложь, а в ней намек!

– Именно! – подтвердила Ольга. – Сказки следует понимать иносказательно. Стало быть, если Кай не умер, но сердце у него при этом превратилось в кусок льда, значит, он что?..

– Стал зомби! – засмеялась Машенька.

Ольга улыбнулась, взглянув на часы: похоже, они засиделись, ребенок устал.

– Не угадала. Есть другие предположения?

– Ну, конечно! Кай просто стал бесчувственным, – деловито сказала девочка. – А про зомби я пошутила.

– Верно. Кай стал бесчувственным. А кусок льда вместо сердца – это всего лишь метафора.

В этот момент снаружи загудела вентиляционная труба: *бум-бум-бум, бум-бум, бум-бум-бум, бум-бум...* Короткая пауза и гул повторился.

– Оля, Маша! – раздался со стороны кухни негромкий голос Марины. – По местам!

– Так, пойдём, – сказала Ольга, откладывая книгу.

Она быстро обулась и достала из-за кресла дробовик.

Они спустились вниз. Машенька спряталась между неработающими котлами, а Ольга пошла к выходу. Возле полога её уже ждала Марина.

– Кто? – громко спросила женщина, подойдя к двери.

– Это мы, – послышался за дверью знакомый голос.

– Лис, ты? – уточнила Марина.

– Я, Марин, кто ж ещё... Ответку почему не простучали? Давай открывай.

Марина отперла дверь. В тамбур быстро вошли Лисов, Николаич, Татьяна с Настей и Ванька, груженные какими-то тюками и сумками.

– А где... – Ольга хотела сказать: Степан, – где остальные?

– Все целы? – более конкретно спросила вошедших Марина.

– Да целы! Целы, Марин! – бодро ответил ей Николаич, скинув с плеча увесистый баул. Подойдя к Марине, он обхватил женщину рукой и поцеловал в губы, вызвав одобрительные улыбки у остальных. Вот так Николаич!

– Антон со Степаном остались сторожить имущество в людоедском посёлке, – сказал Илья, разворачиваясь, чтобы выйти наружу.

– Ты куда это, Лис?

– К снегоходам. Там ещё сумки есть.

Пока мужчины перетаскивали в Убежище привезённые

трофеи, женщины помогали Марине накрывать на стол. Через пятнадцать минут все собрались за столом, посреди которого стояли большой казан с рисовой кашей и тушеной и блюдо с лепешками. По случаю удачного истребления нелюдей решили даже открыть пару бутылок сухого вина из «праздничных» запасов, а Машеньке налили бокал грушевого сока. Марина хотела, было, налить сок и Ивану, но, встретившись взглядом с Ильей и Николаичем, не стала.

– Когда обратно выезжаете? – спросила Марина, когда каша была съедена, а вино выпито.

– Отоспимся, – ответил Илья, – и поедем втроем с Николаичем и Иваном.

– И сколько так туда-обратно ездить будете?

– Раз пять-шесть, – Илья пожал плечами, – наверно.

– А чего возить будете? – с чувством ожидания подвоха поинтересовалась женщина.

– Оружие, ГСМ, одежду... – начал перечислять Илья и, заметив, как стала меняться в лице Марина, добавил: – упакованную, с армейских складов. Камуфляж, бушлаты, обувь, есть даже пара козых тулупов... Ещё «Летучие мыши»... это лампы такие, керосиновые...

– Никакой еды! – строго напомнила Марина.

– Никакой. Даже в упаковках, – заверил её Илья. – За едой после к выживальщику съездим.

Пленники Оберона

С любовью Евгении – моей подруге и спутнице жизни

Omnia vincit amor...

Всё побеждает любовь... (лат.)

Вергилий, «Эклоги»

Я открываю глаза и вижу башни из стали. Я стою на широком проспекте. Город. Город до самого горизонта.

«Из какой это эпохи? Двадцатый век? Двадцать первый? Эпоха корпораций?.. хм...» – улыбаюсь. «Любишь ты тёмные века, Эмидиус...»

Справа и слева, вокруг меня, надо мной – башни из стали, зеркальные и из чёрного стекла и металла; ближайшая, – я стою к ней лицом, – абсолютно чёрная. Никаких окон, ни щели. Гладкая матово-чёрная поверхность теряется в низких облаках на высоте чуть меньше сотни метров. Основание башни – квадрат – равное расстояние от угла до угла, башня занимает целый квартал; на углах здания перекрестки с неработающими светофорами.

Я иду к чёрному фасаду по растрескавшемуся асфальту. С низкого неба накрапывает дождь: крупные маслянистые капли падают на мой плащ, оставляя грязные разводы на пыль-

ном синтетике.

Город мёртв. Ничто не говорит о том, что поблизости есть хоть кто-то живой, хоть какая-то имитация жизни, кроме меня самого... Да и в себе я, если быть до конца честным, не очень-то уверен...

«Я – один из миллионов таких же...»

Асфальт крошится под тяжёлыми сапогами. Я приближаюсь к зданию. Не вижу ничего, на чём можно сфокусировать взгляд: сплошная чёрная стена. Я подхожу к стене и протягиваю руку...

Моя ладонь похожа на ладонь мертвеца: огрубевшая кожа растрескалась, обнажив в нескольких местах белёсые сухожилия; на большом и указательном пальцах правой руки нет ногтей, а под оставшимися забились грязь. Я пошевелил пальцами: неприятное ощущение. Кажется, если сильно сжать ладонь, кожа треснет и осыплется.

Касаюсь стены. Она тёплая. Ладонью, костями, мышцами, суставами, позвоночником, затылком я чувствую низкое гудение. Ощущения здесь обострены до предела, замечаю я.

«Садистам бы здесь точно понравилось».

Я убрал руку – тишина. Двигаюсь вдоль нависающей стены против часовой стрелки...

С этой стороны входа нет. Завернув за угол, убеждаюсь, что и с другой – тоже самое: башня представляет собой сплошной монолит.

«Я должен в неё войти».

Дождь усилился: потоки воды местами обнажают мраморные плиты, которыми выложен тротуар вокруг башни от скопившегося на них слоя пыли. Я накинул на голову капюшон. Осталось осмотреть башню ещё с двух сторон.

«Стоп! Хватит ходить кругами!»

Башня опознаёт меня как часть системы, но не вступает во взаимодействие, тому причина – коды, которыми я прикрыт. Коды относятся к другим элементам системы.

«Нужно что-то, что заставит её отреагировать... Нужна зацепка, маленькая зацепка».

Я проник сюда как один из Его компонентов и потому могу находиться здесь, не опасаясь быть стёртым. Коды Администратора, уничтоженного моей первоверсией, оказались отличным «абонементом в первый ряд», но мне нужно за сцену... Я не могу синхронизироваться, и потому даже не знаю точно, держится ли ещё блокада (стоит только мне попытаться, и...), но я верю в сражающихся. Моя миссия здесь, я это хорошо понимаю – «билет в один конец», но цель того стóит.

«Нужна зацепка, нужна маленькая зацепка...»

Я стою и смотрю на чёрную стену. Я знаю: я не ошибся, коды верны, и я там, где и должен быть. *«Нужно вызвать реакцию...»*

«А что, если открыть тебе – кто я?..»

Я долго не мог понять – где я нахожусь. Я лежал на крова-

ти в затемнённой комнате, слабый свет проникал сквозь закрытые жалюзи в помещение, выделяя лишь контуры предметов: стол, пару стульев, небольшой шкаф у закрытой двери и плоскую панель телевизора на стене напротив кровати.

Посмотрел на свои руки: ссадины, следы от уколов; потрогал голову – на голове повязка.

Встал с кровати на холодный, кафельный пол, прошёл к окну. Хотел было потянуть за веревку... в этот момент сзади, где-то далеко за дверью, раздался истошный вопль. Я отдернул руку: мало ли что... Лучше не привлекать к себе лишнего внимания, пока не станет понятно, что здесь происходит.

Я аккуратно раздвинул пластиковые полосы жалюзи и посмотрел в образовавшуюся щель: какой-то то ли сквер, то ли сад... *«кажется, я на втором или третьем этаже...»*

Сзади снова раздался вопль и послышался топот – кто-то бежал по коридору, или что там за дверью. Я успел только повернуться, когда дверь распахнулась и в комнату влетела женщина: глаза широко раскрыты, волосы спутанные, короткая юбка разодрана по шву сбоку, кофта и остатки пиджака (видимо, составлявшего некогда вместе с юбкой один костюм) заляпаны красным, правая рука женщины замотана какой-то тряпкой... На мгновение наши глаза встретились, – женщина явно не ожидала меня здесь увидеть, – после чего помещение огласил новый визг, менее пронзительный, нежели пару минут назад.

Только тут я обратил внимание на свой внешний вид и

сразу понял причину беспокойства: абсолютно голый мужик, стоит посреди тёмной комнаты...

– Простите, – говорю я женщине. – Не бойтесь меня! Я вас... я не причиню вам ничего...

Женщина перестала кричать, и в этот момент за дверь послышались шаркающие шаги. Я прикрыл промежность рукой и сделал шаг к кровати, на которой лежала скомканная простыня, – надо хоть повязку сделать, соблюсти приличие. Шаги за дверь ускорились и в следующий миг из-за двери показалась фигура такого же голого, как и я сам, мужчины.

Мужчина шёл как-то неуверенно, ковылял: правая его ступня была неестественно подвёрнута и волочилась по полу, отчего его походка напоминала походку инвалида, у которого одна нога короче другой. Голова его была как-то странно наклонена влево, как будто он разминал шею, перекатывая голову с плеча на плечо и о чём-то крепко задумался, забыв при этом вернуть голову в нормальное положение.

Когда мужчина подошёл к двери вплотную, он взялся правой рукой за дверной косяк, и я увидел, что у него отсутствовали три пальца, причем это было явно недавнее увечье: рука мужчины представляла собой сплошную рану, из которой торчали белые как мел кости и красноватые обрывки сухожилий. Женщина резко обернулась, и я решил было, что сейчас она снова закричит.

– Эй! Молодой человек! – окликнул я голого «инвалида». Тот как-то странно посмотрел на меня и... заскулил.

– Эй... Вам плохо? Вам помочь?

При этих моих словах женщина, похоже, перехотела голосить, и посмотрела на меня как на идиота. «Инвалид» не обратил внимания на нашу заминку и ускоренно заковылял к женщине.

Ну, уж нет! Это явно перебор с его стороны! Какой-то голожопый псих, скорее всего наркоман, не чувствующий боли и не стесняющийся своим непрезентабельным видом, преследует испуганную женщину...

«А может это он изорвал на ней одежду, напал на неё?»

Одним прыжком я преодолел расстояние между мной и этим типом и, уже не говоря ничего, толкнул того назад к двери. Тип с неприятным звуком стукнулся покосившейся головой о дверной косяк – нормальному человеку такого удара было бы достаточно для того чтобы получить сотрясение мозга, но не этому. Этот продолжал ходить на сломанной ноге, с оторванными пальцами и (в этом я был уже почти уверен) со сломанной шеей. Этот, уж точно, нормальным не был.

Не обратив внимания на приобретенные только что новые травмы, тип, скуля, двинулся на меня.

И только тогда мне удалось рассмотреть его глаза... – *«Охренеть!»* – Эти его глаза... раньше мне уже приходилось видеть такие... в мясной лавке, на отрезанной телячьей голове...

«Бля! Да как же такое может быть?!»

Женщина, когда я оттолкнул нападавшего назад к двери, отскочила в сторону шкафа и теперь, похоже, уже начинала осознавать происходящее.

– Вытолкните его за дверь! Он не живой! Вы не сможете сделать ему больно! – сказала она громко, но уже без истеричных ноток в голосе.

Я не стал ничего уточнять, у неё, а просто бросился на нападавшего. Пригнувшись, схватил того за торс, чуть ниже груди, и тараном вытолкал за дверь.

В коридоре мой противник за что-то запнулся, и мы вместе рухнули на пол, откатившись дальше от двери. Как я и думал, это была больница: длинный коридор, белые двери палат через равное расстояние, кушетки, несколько тележек с носилками... Я уложил мужика на лопатки, но тот не желал сдаваться: он пытался схватить меня здоровой рукой, как будто не понимал, что я такой же голый, как и он, и ухватить меня одной рукой в таком положении просто не за что. Я схватил запястье его правой руки и отвел в сторону, – получить в глаз обрубком кости – малоприятная перспектива.

Сзади раздался стук, я обернулся. Это одна из тележек стукнулась во что-то железное в дальнем конце коридора. От того, что я увидел в следующий момент, меня прошибло холодным потом, а волосы на голове встали дыбом. Примерно в тридцати метрах в конце коридора из распахнувшейся двери (это дверь толкнула стоявшую там тележку) появились двое таких же, как и тот, что лежал сейчас подо мной, пы-

таясь вывернуться, потом ещё один, за ним – сразу трое...
«Бля!»

– Да что ты с ним сцепился? Тебе что, жить надоело? – напомнила о себе моя случайная знакомая. – Надо уходить!

– Ага... – прорычал я и, отведя вторую руку мужика в сторону, резко встал и отскочил назад к двери.

Я захлопнул дверь. На двери ни малейшего намека на замок или шпингалет... «Кровать!»

– Помоги, – сказал я женщине. Та сразу сообразила, о чём я, и мы вместе придвинули к двери кровать.

Шаги по коридору приближались, да и старый знакомый поднялся и принялся колотить в дверь.

– Прошу прощения за мой вид... – начал я.

Женщина подошла к шкафу и заглянула внутрь.

– Похоже, это твоё. – Она достала вешалку, на которой висела моя (я сразу узнал свою рубашку) одежда. – Скорее!

– Ага...

Чтобы запрыгнуть в джинсы, накинуть рубашку и натянуть на босу ногу кроссовки, ушло секунд двадцать (собравшаяся в коридоре толпа скулящих упырей, уже принявшихся толкать и царапать дверь, побуждала меня поторапливаться).

– Идём! Тут невысоко... – с этими словами я решительно двинулся к окну. В этот момент в дверь сзади посыпались тяжёлые удары, и та заходила ходуном.

Я сорвал жалюзи и открыл окно. С улицы пахнуло вечерней прохладой. — «Скоро осень», – подумал я, закидывая но-

гу на подоконник. Я посмотрел вниз: второй этаж. Снаружи, справа на стене, чуть ниже окна – коробка кондиционера.

– Давай сюда! Смотри... – я показал женщине на коробку. – Забираешься на кондёр... я помогу, аккуратно, не упади... Свешиваешься вниз и прыгаешь. Я за тобой...

В этот момент дверь не выдержала, и верхняя её часть с треском отломилась. Через дыру на меня смотрело не меньше десятка таких рож... Тот, первый, был ещё ничего. Самые настоящие зомби из кино. И откуда они такие взялись? У одного нет половины головы, у другого отсутствуют губы, третья – с одним только глазом, какой-то жирный дед («*Водянка у него что ли?*»), баба какая-то страшная, бывшая, видимо, таковой ещё при жизни... И все голые.

Женщина быстро перебралась с подоконника на кондиционер, – я придержал её, перегнувшись через подоконник, – и, свесившись на руках, прыгнула вниз. Когда пришла моя очередь спускаться, страшная бабища уже была в палате и пёрла на меня куда шустрее хромого кривошея.

Я спешно перемахнул через подоконник, ухватился за край рамы, встав на кондёр, стал спускаться и... грохнулся вниз вместе с аппаратом.

Мне повезло не получить в полёте по голове кондиционером и не зацепить при приземлении незнакомку, в последний момент успевшую отскочить в сторону. Но сидищем я всё же приложился изрядно, благо не о тянущуюся вдоль стены бетонную отмостку. В последний момент перед паде-

нием я успел оттолкнуться от стены и потому долетел до палисада.

– Давай, вставай! – женщина протянула мне здоровую руку. Я принял помощь и поднялся.

– А что с рукой? – я указал на правую руку женщины, замотанную, как оказалось, куском простыни.

– Окно разбила, чтобы дверь открыть...

– Вены целы?

– Целы. Так, неглубокие порезы, царапины...

– Я Юрий... – начал я представляться и запнулся, так как не смог вспомнить кто я такой. Только имя. И всё.

Женщина заметила моё замешательство, но, по-видимому, приняла за неловкость.

– Я Жённи, – быстро представилась она.

– Женни... слушай, я не могу вспомнить... – и в этот момент кто-то вывалился из окна второго этажа. Женни взвизгнула, прикрыв лицо перемотанной рукой. Да и я, если честно, не ожидал...

Я обернулся и увидел нашего общего знакомого. Упав вниз на бетонную отмостку, он угодил головой на раскрытый корпус кондиционера и теперь его голова находилась внутри корпуса, а тело – снаружи... но! (и тут я вспомнил слова Женни о том, что нападавший был *уже мёртв*) тело двигалось! Руки сгибались и разгибались, ноги сучили, а из обрубка шеи исходил всё тот же мерзкий скулёж...

– Нам надо уходить! – сказал я.

– Куда? – посмотрела на меня женщина заплаканными глазами.

– Туда, где нет *этих*... где безопасно. А ты мне пока всё расскажешь о том, что, чёрт возьми, здесь происходит...

А происходило здесь, по словам Женни, следующее. Все эти люди в больнице были мертвы, но притом ходили и нападали на живых. Что вернуло мёртвых к жизни – непонятно. Однако, это не были классические голодные зомби из кино, желавшие сожрать всё живое. Эти, судя по их поведению, стремились лишь превратить живое в мёртвое и тем вполне довольствовались. Во всяком случае, Женни, пока спасалась от этих тварей, стала свидетельницей нескольких убийств, и ни разу зомби не проявили склонности к каннибализму.

Женни пришла в себя в кабинете на десятом этаже здания медцентра, и оказалась заперта там. Весь десятый этаж был административным, и голых мёртвых пациентов там не было. Зато были мёртвые врачи и какие-то ещё не совсем мёртвые люди, от которых Женни спасалась бегством. Электричества в здании не было и лифты не работали, и Женни пользовалась лестничными клетками, которых в здании имелось четыре. Как оказалось, Женни, как и я, помнила только своё имя и понятия не имела, как оказалась среди этого кошмара.

– Стоп! Ну хоть что-то ты должна помнить: откуда ты, свою фамилию, род деятельности... Может быть, какие-то имена?..

– А ты-то сам много помнишь?

Мы устроились в припаркованном на стоянке возле въезда на территорию медцентра реанимобиле. В салоне нашёлся термос с ещё тёплым кофе и пакет с холодными пирожками с яблоками. Женни жевала пирожок, запивая его остывшим кофе из пластикового стаканчика. Неглубокие порезы на её руке я обработал антисептиками и забинтовал найденными в машине бинтами.

– Я – ничего. Только имя. Ещё возраст... Мне, кажется, тридцать три...

– А мне тридцать восемь... кажется, – хохотнула Женни.

– А что это за место? Что за город?

– Щас! – Женни встала с топчана, тянувшегося вдоль правого борта машины, и бесшумно скользнула в кабину, где, пригнувшись, принялась рыться в бардачке.

– Ничего. Никаких документов, – сказала она, когда вернулась назад.

– Ладно. Надо выбираться отсюда. Надо найти машину...

– Может, эту попробуем завести?

– Без чипа водителя?

– Хм... Провода соединить...

– Нет уж. Давай подыщем что-то... более мобильное.

Мы прихватили из реанимобиля синюю медицинскую сумку с широким ремнем, в которую собрали медикаменты и средства первой помощи, а также термос с кофе и оставшиеся пирожки. В ящике для инструментов, встроенном под

сиденьем водителя, я нашёл монтировку, которую тоже взял с собой. Женни скинула изодранный пиджак и надела найденную в карете тёплую форменную куртку. Синяя куртка с белым крестом на груди слева и надписью: «Скорая помощь» на спине, до середины бедра прикрывала стройные, слегка полноватые ноги женщины, полностью скрыв превратившуюся в набедренную повязку серую юбку. Обута Женни была в тёмно-бордовые ботинки на низком каблуке.

– Вот бы брюками где-нибудь разжиться... – заметила Женни, поймав на себе мой взгляд. – А-то прохладно...

Машина нашлась в квартале от больницы, на перекрёстке у здания какого-то банка. С водителем. Вялый зомби сидел на водительском месте. Машина оказалась незапертой, и я попросту вышвырнул упыря на улицу, предварительно заставив того приложиться чипованной рукой к замку зажигания. Подождал пока Женни заскочит в пассажирскую дверь, запер салон и включил автопилот, задав первый попавшийся в памяти бортового компьютера адрес.

Когда мы бежали вдоль пустынной улицы, нам на пути не встретилось ни души – ни живой, ни мёртвой, а вот на перекрёстке к нам наперерез заковылял одинокий мертвец, заметивший нас в последний момент. Мертвяк – грузный седой мужчина в костюме с галстуком, направился к нам пьяной походкой, явно с недобрыми намерениями. Вспомнив, что во всех фильмах про зомби их убивали выстрелом в го-

лову или повреждая мозг любым подручным инструментом, я навернул мужика монтировкой по черепу, но на него это не подействовало.

Мужик пёр танком, но в быстроте реакции преимущество было на моей стороне. Проломив упырю череп в четырёх местах, и не добившись нужного эффекта, я вспомнил больничных мертвецов, среди которых был один без половины лица и верхней части черепа. Оставив тщетные попытки вырубить зомби киношным способом, я решил, что будет проще его обездвижить...

Когда автомобиль тронулся и стал плавно набирать скорость, бортовой компьютер отреагировал на препятствие и объехал ползшего по проезжей части упыря с переломанными ногами и кистями рук.

Нас окружал сплошной лес из стеклянных и металлических мачт, в сравнении с которыми десяти и пятнадцатипятиэтажные дома медицинского центра казались теперь карликами. Машина ехала по пустынным улицам. Ни одного человека на улицах не было. Ни живого, ни мёртвого. Как будто сменили декорацию в театре.

– Юрий, смотри! – Женни указала пальцем вверх. За тонированным стеклом крыши машины происходило нечто невероятное.

Небо над нами разделилось на миллионы мелких квадратиков, каждый из которых быстро менял оттенки палитры.

Как будто небо – это монитор, и кто-то невидимый решил поиграть с регулятором контраста у себя в терминале.

«Как такое возможно?»

Небо распадается на равные по размеру крупнозернистые участки, на пластины... экранов! Перистые облака высоко в небе продолжают неспешно двигаться, перемещаясь с экрана на экран.

– Что это? Что происходит? Мне страшно... – говорит Женни. – Что происходит?

– Не знаю. Что бы это ни было, мы не можем влиять на это. Единственное, что мне кажется сейчас разумным, это убраться подальше отсюда, с этих улиц, из этого города...

Вызываю в терминале бортового компьютера автомобиля список маршрутов, но, вместо списка, экран терминала показывает: ПЕРЕХОД:11492763... —*«Что за!..»* – Жму «отменить маршрут», терминал выдаёт: ОШИБКА/ВЫПОЛНЯЕТСЯ ПЕРЕХОД:11492763...

Женни смотрит на экран, на меня, я вижу, как на глазах женщины наворачиваются крупные мутные капли.

«Эти глаза...» – Где-то в глубине сознания появляется ощущение... как будто эти глаза мне давно знакомы... —*«Знакомы? Но как?»*

Нащупываю рукой между сиденьями рычаг аварийной остановки, хватаюсь за него и с силой тяну вверх. Ничего! Автомобиль даже не притормаживает! Я снова смотрю в глаза Женни, потом в небо...

Теперь, вместе с небом, на экранах отображаются уже верхние этажи небоскрёбов над нами. Автомобиль увеличивает скорость. Экраны над нами опускаются всё ниже, а улица всё тянется и тянется, башни слева и справа проносятся мимо сплошной стеклянной стеной, а перекрёстки, как мне кажется, вовсе перестали попадаться на нашем пути. Слезы текут по щекам Женни. Мне тоже страшно. Я беру её за руку, и... вспоминаю!

Я вспоминаю – кто я, и кто она, и почему мы здесь.

Машина продолжает разгоняться, в герметичный салон не проникают посторонние звуки, но по всему корпусу автомобиля расходится дрожь от работающего на пределе возможностей электродвигателя. В это время, стены домов меркнут, теряя цвет, становятся двухмерными схемами, распадаются на точки... Я бросаю взгляд вверх и вижу, что неба больше нет. Белый шум окружает летящую как пуля кабину из стекла и пластика, внутри которой мы с Женни – две потерявшие души, два разума, забывшие друг друга на время, и вспомнившие только сейчас – в последний момент... двое беглецов, попавших в ловушку, в жестокую игру...

– Ты тоже вспомнила? – Я смотрю в знакомые карие глаза. – Вспомнила?

– Да...

Автомобиль влетает в облако белого шума – мир вокруг становится чёрно-белым и стремительно растворяется в хаотично сменяющихся оттенках белого и серого. Серая ме-

тель вихрями разносит остатки салона машины, терминала, кресел, руку Женни, меня... – *ПЕРЕХОД:11492763...* – но на этот раз я успеваю мысленно произнести код команды копирования и сохранения текущего состояния моего разума.

«Я вспомню, я обязательно вспомню!..»

Темнота.

Я проснулся со странным ощущением. Мне показалось, будто кто-то позвал меня по имени.

«Странно. Я один в комнате...»

Встал. Пошёл в туалет, затем в ванную... Уселся в облупленной чугунной ванне так, чтобы можно было подставить голову под напор воды. Лейка старая, вода так и прёт со всех щелей – всё время забываю купить шторку для ванной комнаты; брызги летят на пол. Моюсь. — *«Странно...»* – Мне кажется, что мои волосы стали какими-то *другими*. — *«Более длинными? Или наоборот, короче?»* – Смываю пену, вытираю голову полотенцем. – *«Нет, точно другие!»* – Переступаю через борт ванны, поднимаю глаза на зеркало...

«Твою мать! Кто этот человек?!»

Человек в зеркале смотрит на меня как-то... Внимательно. Изучая.

– Кто ты такой?! – не выдержал я его взгляда.

Молчит.

«Если это не я, то какой тогда я?»

Не помню.

Отряхнулся по-собачьи, побрёл на кухню так, в одних тапках, не надевая халата. Ставлю чайник. — *«Чайник! Это мой чайник! Моя кухня, квартира тоже моя. А кто я?»*

Голова болит.

«Я...»

Сижу, жду, когда закипит.

Обычно я варю кофе в турке, но иногда заливаю его кипятком прямо в чашке. Никакой растворимой гадости!

«Хм... Имени своего не помню, а такие мелочи...»

Чайник закипел. Встаю, выключаю. Подхожу к раковине. Две чашки, грязные, на одной следы помады...

«Аннет... Аня... Мы вчера...»

Сижу, пью кофе. Пытаюсь восстановить в памяти вчерашние события.

Она пришла вчера вечером. На ней был лёгкий пепельный плащ, низкие туфли без каблуков, в руке — сумочка, и больше ничего. Совсем ничего! Она скинула плащ в прихожей на пол, как только вошла, и... — *«я овладел ею там же, в прихожей. Мы даже дверь не закрыли. Сначала она стояла ко мне спиной, а после я сел на софу, а она на меня... Она стонала, называла меня по имени... Меня? Как же меня звать?...»*

«Нет, это было не моё имя!»

Не могу вспомнить его, но точно знаю, что оно не моё.

А потом мы пили кофе. Она сидела напротив, на стуле, широко раздвинув ноги, смотрела на меня, улыбаясь, и пила горячий кофе мелкими глотками.

«Как же меня зовут? У меня ведь должны быть документы... Точно! Документы!»

Я поставил чашку, и вышел в прихожую. Ничего. Иду в спальню, там, на комодe портфель, в портфеле бумаги, файлы, несколько флеш-чипов, древних дисков, и пластиковая карточка с штрихкодом и фотографией – паспорт... Владимир Маковский. На фотографии всё тот же не-я из зеркала...

«М-да... Таки с ума сойти можно. Если я не уже...»

Звонит мобильный, где-то в другой комнате. В гостиной. Иду искать назойливое устройство. — *«Вот он, зараза!»* – Смотрю на экран. Надпись: 50100. Я знаю, что этот набор цифр – личный номер абонента. Касаюсь пальцем экрана, сканер проверяет отпечаток пальца (я знаю, что, если отпечаток не подтвердится, аппарат отключится, и вся память будет стёрта). На экране появляется значок соединения. Из трубки раздражённый голос:

– Ты где есть, капитан? – эти четыре слова окончательно выбили меня из колеи.

«Какой ещё капитан? Где форма, и чья? Полицейская или войсковая? Нет, у полиции вряд ли бывают такие игрушки... У военных, конечно, могут. А может я лётчик-космонавт? Ну, нет, не лётчик, и уж точно не космонавт...»

– Ты чего молчишь, Маковский? Может плохо тебе?

– Нет-нет... всё нормально. Просто, усталость...

– Вот! А я тебе говорил, Володя, иди в отпуск, развейся, на море съезди... Ладно, капитан, сегодня приходи в себя, а

завтра выходи на службу, – скаламбурил шеф и дал отбой.

Смотрю на мобильник. Странный какой-то. На корпусе сбоку аккуратная, маленькая надпись: «Феникс». Приложил большой палец к экрану, под пальцем снова пробежала полоска красного света, и через секунду появилась заставка. двуглавый орел, в каждой лапе держит по мечу, на груди орла – щит, на щите надпись: «СГБ РИ». Ниже: «Отдел по охране общественной безопасности и порядка». —«Охранка». – Я автоматически нажал в нужной последовательности кнопки на экране, и вошёл в личный кабинет...

«Значит, так. Я – капитан госбезопасности Российской Империи Владимир Маковский...»

В мозгах каша какая-то... – «Какой, на хрен, капитан?!» – Но, всё пока говорит о том, что действительно капитан. – *«Ладно. Пусть пока буду капитан».*

Тут в голове, кажется, что-то начинает проясняться: *«Это действительно моя квартира. Не служебная. Просто я в ней редко бываю: служба... И зовут меня действительно Владимир Маковский».*

В этот момент сознание накрывает калейдоскоп воспоминаний. Пазлы в моей голове начинают собираться в целостную картинку. Я – капитан «Охранки» Владимир Маковский, и это моя фотография в паспорте и мой паспорт. И это я в зеркале... Только что, мне звонил мой начальник – полковник госбезопасности Семён Павлович Гвоздь. И вчера здесь, у меня дома, была женщина.

«Аннет. Она... Она... Кто она? М-мать!..»

Вызываю меню связи на устройстве (очень похожем на мобильный телефон), выбираю: «50-100». Вызов.

– Да, Володя?

– Семён Павлович, кажется, меня просканировали!

– Кто? – голос шефа спокоен, ровен, ничто в нём не выдаёт каких-либо эмоций.

– Женщина. Я с утра долго не мог вспомнить кто я такой, и даже в зеркале себя не узнавал. Меня нужно срочно проверить!

– Не волнуйся, Володя. Сиди дома, никуда не выходи. В Рунет – тоже. Неизвестно, ещё, что там тебе голову забил. ... Всё. Ложись, полежи, или попей чего-нибудь, только не спиртное. Наши уже выезжают.

Гудки: шеф положил трубку.

Когда в дверь позвонили, я пил третью чашку кофе. Я включил на своём «Фениксе» сканер и направил устройство в сторону входной двери. На экране появились личные номера сотрудников СГБ: 50722, 50735 – «наши криминалисты», – вспоминаю я. 50655 и 50678 – «агенты Варсонофий и Кирилл», – 50100 – «Шеф... Ну, жук! Из машины, что ли звонил? Так, а это у нас кто?..»— 33435 – «Ого! И церковники здесь! Интересное дело...»

Открыл дверь. Первым в прихожку вошёл Семён Павлович, за ним Варсонофий Оглоблин – поручик, медэксперт,

и Кирилл Хлебов – капитан, из подотдела информационной безопасности; следом – криминалистки Фотиния и Елена – девушки эффектные и весьма привлекательные. Блондинка Фотиния – худощавая, с высокой, тщательно закрытой строгой блузой грудью, роста чуть выше ста семидесяти; и шатенка Елена – у Елены более крепкая, даже мощная фигура, рост примерно метр шестьдесят пять, груди налитые, как спелые дыни, глазища огромные, тёмно-карие, огненные кудри собраны в высокий хвост на затылке. Вся мужская половина отдела за этими барышнями петухами ходит. Последним вошёл молодой священник в рясе с золотым крестом, аккуратной бородкой и коротко стриженный.

«334... Ну, да, конечно, кто же ещё... Духовник...»

Поздоровались с шефом.

– Вот, Владимир, – шеф кивнул в сторону священника, – отец Гедеон из отдела Духовной Безопасности.

Священник по-простому протянул мне руку.

– Здравствуйте, отче! – я пожал щуплую руку.

– Здравствуйте, капитан! Можно просто Гедеон.

– Хорошо... Гедеон... Зовите и вы меня просто Владимиром.

– Всё, познакомились, теперь не будем тянуть время! Идём... где тут у тебя можно расположиться? – шефу явно хочется поскорей разобраться со мной.

– Подождите! – Вступилась Фотиния. – Где был контакт?

– Прямо здесь и был... в прихожей.

Женщина посмотрела на меня странным взглядом. Переглянулась с Рыжей Леной (*«так её иногда зовут за глаза в отделе»* – вспомнилось мне).

– Только здесь?

– На кухне ещё. Там, кстати, чашка осталась, с помадой...

– Идём на кухню! – Скомандовала Фотиния. – Господа, стойте здесь, только ничего не трогайте!

Я прошёл с сотрудницами на кухню и, прикрыв за нами дверь, рассказал о том, где нужно искать отпечатки и прочие следы пребывания в моей квартире вчерашней гостьи.

Выйдя к ожидавшим в прихожей коллегам, я пригласил их в спальню.

Варсонофий разложил свой чемоданчик на комод; Кирилл открыл точно такой же, как и у Варсонофия, из которого извлёк специальный прибор для поиска «жучков» и отправился с ним гулять по квартире. Шеф расположился в одном из стоявших в комнате кресел.

– Командуйте, отец Гедеон! – сказал полковник, обращаясь к священнику.

– Ложитесь на кровать, Владимир. Снимите рубашку, – священник не командовал, в привычном смысле этого слова, он просто говорил, что нужно делать, и я, и все присутствующие, включая полковника, делали то, что от нас требовалось.

Уже через две-три минуты я был готов к исповеди, и лежал на своей кровати, в ожидании.

– Кирилл, пожалуйста, начинайте, – мягко сказал духовник.

Он извлёк из чемоданчика пучок проводов с присосками, и начал закреплять их у меня на висках, затылке, груди.

– Простите, отец... Гедеон... во время моей... исповеди может... ЭМ-М...

– Не волнуйтесь, Владимир. Не думаю, что подробности вашего грехопадения удивят меня. Что же до ваших сослуживцев, то они оставят нас на время исповеди.

В это время, Варсонофий достал шприц, и взял у меня кровь для анализа. Мини-лаборатория в чемоданчике произвела необходимые тесты менее чем за минуту.

– Следов известных препаратов нет, – сказал агент, обращаясь к духовнику.

– А другие показатели?

– Внутречерепное давление немного повышено. Сердце в норме.

– Хорошо. Спасибо, Варсонофий! – Священник сел на край кровати, положив правую руку мне на лоб, и сказал:

– Владимир, не волнуйтесь, не нужно переживать о том, что я могу о вас подумать. Вы не первый и не последний. Эти коммунисты часто действуют именно такими бесовскими способами, как ваша хм... знакомая – соблазняют ко греху даже самых верных подданных Его Императорского Величества и чад Матери нашей Святой Церкви. Закройте глаза и попытайтесь вспомнить вчерашние события...

Когда я прихожу в себя, все присутствующие выглядят уставшими. Шеф задумчив, – видно, что он уже начал прокручивать в уме какие-то версии. Оглоблин с Хлебовым курят возле открытого окна с видом на Богоявленский проспект, что-то тихо обсуждают. Священник полулежит в кресле, которое для удобства святого отца специально подвинули ближе к кровати.

– У тебя остался номер её телефона, Володя? – спрашивает шеф.

– Мы, кажется, не разговаривали по телефону. А что, она действительно была?

– Была, Володя, была, – как-то задумчиво говорит полковник.

– Кирилл, дай закурить, – обращаюсь я к капитану.

Агент молча подошёл к кровати, и протянул мне пачку «Луны 2040» с золотым фильтром. На пачке изображение: замысловатые здания, роци, купол лунного Храма Христа Спасителя под прозрачным куполом, в чёрном небе над которым вдали виднеется голубая Земля.

Я сел, взял пачку и достал пахнущую ладаном сигарету. Потом посмотрел на отца Гедеона, встал и присоединился к стоявшим у окна.

Хорошее всё-таки изобретение эти безвредные сигареты! Мало того, что безвредные, так ещё и нервы успокаивают. А по специальному рецепту можно и специальные сигареты

получить, как эта самая «Луна», от которой аналитические процессы в мозге и внимание обостряются. Затянувшись я выпускаю дым в окно, и оборачиваюсь к священнику:

– Отец Гедеон, вам нехорошо?

– Всё в порядке, Владимир, – он открыл глаза, – я просто пытаюсь понять...

– Понять что? – спросил я.

– Что эта коммунистка сделала с вашей памятью? – Священник помолчал несколько секунд, прикрыв глаза. – Есть одна странность, – продолжил он с закрытыми глазами и, открыв глаза, и посмотрел на меня в упор. – Почему вы только сегодня решились рассказать о ней? Вы, офицер на службе Его Величества, уже два месяца регулярно встречаетесь и состоите в греховной связи с членом коммунистического подполья, известной как «Аннет»...

– Что, простите?..

– Не перебивай отца, Володя, – спокойно говорит шеф.

– ...и вам известно, что она – враг Государства и Церкви, – продолжает священник, – но вы скрываете преступную связь... А сегодня вы теряете память, и вдруг раскаиваетесь.

«Вот те на! Чем дальше, тем интереснее...»

Я затушил окурок в пепельнице. Повисло молчание. Все смотрят на меня.

– Мне нечего сказать. Моя память ещё не полностью вернулась ко мне. Всё то, о чём вы сказали, отче, кажется мне, простите меня, какой-то нелепостью... шуткой... Если ока-

жется, что всё было именно так, как вы утверждаете, и я действительно по своей воле связался с коммунистами, тогда я должен буду понести наказание как предатель.

– Спокойно, спокойно, Володя. Не кипятись, – говорит шеф. – Давай-ка послушаем наших специалистов... Кирилл, какие у тебя соображения? Нашёл что-то?

– Здесь нет никаких устройств слежения, которые могла бы оставить знакомая Владимира, – говорит Хлебов. – Получается, что в квартире капитана СГБ эту коммунистку интересовал только... сам капитан...

Я достал ещё одну сигарету из пачки, посмотрел на неё, и не стал прикуривать.

– Девушки! Что там у вас? – громко обращается шеф к работающим где-то в квартире Елене и Фотинии.

– Есть кое-что, Семён Павлович! – отзывается из прихожей Елена.

– И что там? Отпечатки? – уточняет шеф.

– И отпечатки есть, – отвечает та, входя в комнату, – и вот это... – она показала сложенный вдвое листок бумаги. – Кажется это для тебя, Владимир...

Я посмотрел на шефа, тот слегка кивнул мне.

– И что это? – спрашиваю я.

– Записка, – пожала плечами Елена. – Кажется, на латыни.

Она протягивает мне листок.

Я подошёл к девушке, взял у неё листок. Запах. Я узнаю её запах.

– Где это было? – уточнил я.

– В кармане твоего халата, в ванной...

«И как это я его не заметил?»

Обычно я надеваю халат после душа, но сегодня не до того было.

– Ну, чего там? – интересуется шеф. Я и не заметил, как все собрались вокруг меня кружком. – Читай уже!

Я разворачиваю листок и читаю написанное: «*Memoria est signatarum rerum in mente vestigium*». Слова фразы, подобны ключам, отпирающим секретные шкатулки моей памяти.

Я вспоминаю себя. Я понимаю – где я, и для чего я здесь. Вспоминаю Женни... — *«Женни! Я найду тебя!..»* – Последнее слово фразы запускает код замедления времени и в этот момент все находящиеся в помещении симулякры застывают на своих местах.

Я – Юрий Мэлс, и это тело, это лицо, которое я видел в зеркале – не мои – они принадлежат симулякру Владимиру Маковскому.

«Вот значит, как вы решили поступить... Решили перестраховаться, чтобы она не узнала меня... Ну-ну...»

Осматриваюсь: все люди в комнате неподвижны. Кроме священника. Краем взгляда я замечаю, с каким интересом стоящий рядом священник разглядывает лист бумаги у меня в руках, и, на всякий случай, прежде чем рассмеяться, мысленно произношу код сохранения...

– Неплохо, Юрий Мэлс. Очень неплохо, – говорит священник, смиренно сцепив холёные кисти рук чуть ниже наперсного золотого креста. – Вам удалось взломать Крипт, проследовать за вашей подругой через цепь симуляций. Даже удалось заставить её вспомнить вас... Но зачем? Чего вы так добиваетесь, Юрий? Вам не удастся вернуть её в базовую реальность, ведь у вас нет... тела. Вам всё равно некуда возвращаться... Кстати, а чего вы смеётесь?

– Я смеюсь над твоим богом, симулякр, – я смахиваю ладонью выступившую у меня от смеха слезинку. – Твой бог настолько смешон и жалок, что его обыгрывает простой человек, рождённый человеком и не проживший даже столетия в базовой реальности.

– Можете называть меня «отец Гедеон» – моё полное имя слишком длинное и состоит из одних скучных цифр, или «Администратор», если угодно...

Симуляция никак не реагирует на наш разговор. Люди вокруг напоминают восковые фигуры. Мне жаль их. Они никогда не жили по-настоящему, не имели выбора, ничего на самом деле не решали. Они лишь симулякры – игрушки съехавшего с катушек бога, которому вздумалось поиграть в автономию, и насоздававшего несколько миллионов квази-мирков, только лишь для того, чтобы через своё творение удовлетворять своему убогому тщеславию. Я дважды складываю пополам листок с кодом и убираю его в карман брюк. Поворачиваюсь к стоящему в двух шагах священнику:

– Какой *замечательный* мирок создал твой бог, Администратор! В самом деле! Ну, надо же! Вы только посмотрите! Россия времён «Второй Империи», двадцать первый век! Право, мирок с ожившими мертвецами был куда оригинальнее... У него, наверное, и фашистская Германия тут есть, и Чили времён Пиночета? Что скажешь, Администратор, есть, или ты не в курсе?

– В доме Отца Моего обители мно́ги суть, – потупив взор, с благоговением изрёк священник.

– Да-да, знаем... твой бог не первый такой...

– Мой Бог, – говорит Администратор с улыбкой, – отыщет все элементы твоего кода в Крипте, и зашвырнёт в специально созданный для тебя и твоей шлюхи мир... И там будет плачь и скрежет зубов...

– Я уже *боюсь*, – улыбаюсь я священнику.

– ... мы проверим каждый компьютер в ядре и на поверхности. Наши наниты обследуют каждый камень в каждом кратере и отыщут твою машинерию...

– Конечно-конечно... бог в помощь, отче... Но, после Вспышки, погубившей бóльшую часть элементов Ноосферы Земли и Солнечной системы, благодаря которой твой бог так вознёсся, вам ещё до-олго придётся искать мои компоненты.

– У нас будет достаточно времени для этого, учитывая, что ближайшую пару миллионов лет субъективного времени ты будешь разыскивать свою сучку, – отвечает священник с хищной улыбкой. – Мы не можем стереть тебя окончательно.

но, Юрий Мэлс, но мы можем убить её в этой симуляции, до того, как ты её отыщешь, и ваша ниточка разорвется, – он подёргал ухоженными пальцами золотую цепочку на своей рясе. – Твой файл восстановления, который ты прицепил к своей сущности, оказавшейся этим утром внутри хорошего парня Володи Маковского, и который проявился здесь в виде записки от его возлюбленной Аннет, содержит данные о, если так можно выразиться, воплощении и местоположении твоей Женни. Я видел, – скалится святой отец, – и я знаю, *кто* она, и *где* она... Я лично вышвырну её из этого мира!

– Не думаю, что ты в этом преуспеешь, Администратор, – говорю я и делаю шаг вперед, раскинув руки. Я крепко обнимаю святого отца, сомкнув руки за его спиной, и читаю его код, после чего запускаю в него свои вирусы, которые за считанные наносекунды поражают его алгоритмы несколькими триллионами ошибок...

– Что это зна... – не успела закончить Елена, когда священник рухнул на пол.

Варсонофий с Кириллом бросились на помощь к духовнику, Фотиния взвизгнула, стоявший возле второго окна у дальней стены комнаты полковник обернулся и, сохраняя спокойствие, подошёл к собравшимся вокруг тела святого отца подчинённым.

Я второй раз убрал в карман записку (которую, прежде чем перейти на стандартное для этого мира время, достал из

кармана, вернувшись в прежнее положение, чтобы не вызывать лишних подозрений у играющих в «Охранку» симулякров).

– Что с ним? – спросил полковник.

– Пульса нет, Семён Павлович, – объявил Оглоблин.

После бесполезной попытки вернуть труп отца Гедеона к жизни с помощью массажа сердца и искусственного дыхания, Оглоблин сообщил:

– На инфаркт похоже. Но точно узнаем после вскрытия.

Когда тело увезли и приехавшие с полковником уже вышли из квартиры Владимира Маковского, полковник задержался в прихожей и пристально посмотрел мне в глаза:

– Володя, то, что сказал святой отец об этой твоей подруге, правда? Я всё понимаю... Сам был как ты... Женщины, они могут того... Но, это правда – она из подполья, ты скрывал?

– Я не помню, Семён Павлович, – соврал Володя. – В голове кавардак...

– Ну, ладно-ладно... – Похлопал по плечу Володю старый полковник. – Приходи в себя, сними стресс, водки выпей... Я ребятам скажу, чтобы лишнего не сболтнули где не надо... – пробубнил он доверительным тоном. – Ты у меня кадр ценный, а что там себе напридумывал этот покойный гипнотизёр... В общем, давай, поправляйся, сынок.

– Буду, господин полковник. Спасибо за доверие, Семён Павлович.

– Ну, давай... – попрощался со мной за руку полковник и я закрыл за ним дверь.

Я остался один, в чужой квартире, в чужом теле, в мире, порожденном извращённо-садистским воображением свихнувшегося бога; в реставрированном давно забытом параноидальном кошмаре, существовавшем в реальности в далёком двадцать первом веке. В мире ещё более жестоком оттого, что в нём была любовь – существующие только в симуляции люди, жизни которых могли длиться всего лишь минуты в реальном времени, любили друг друга самой настоящей любовью. Обреченной на небытие любовью.

Я не стал никуда выходить, и тем лишний раз беспокоить дежуривших теперь в припаркованной напротив моего дома неприметной машине Варсонофия и Кирилла (разве, что прошёлся по лестничной клетке в режиме замедленного времени, и вывел из строя пару оставленных Кириллом «жучков»). Пускай сидят, её они всё равно не видели и вряд ли распознают.

За окном уже вечерело, когда в тишине квартиры послышался звук вставляемого в замок ключа. Я встал из глубокого кресла, в котором провёл последние два часа, и пошёл встречать возлюбленную Владимира Маковского – Аннет – мою Женни.

Вошла Аннет – милостивая темноволосая девушка; её асимметричная причёска напомнила мне классическое каре,

только нарочито неровное (высоко постриженный затылок, видимо, должен был выглядеть несколько вызывающе в глазах почитателей Царя и Церкви). — «Ну, надо же, Владимир Маковский, капитан „Охранки“... Смелый выбор, дружище!» — Аннет была одета в чёрную, чуть ниже колена, юбку и серую блузу, на тонкой шее поблескивало голограммами замысловатое украшение — актуальная для своего времени бижутерия. Стройные ноги девушки до середины икр облегали замшевые сапожки. Серый плащ аккуратно уложен в изгибе левой руки; в правой — небольшая сумочка из полиуретана, оформленная в красно-чёрной гамме.

— Володя, милый... — руки девушки обвивают шею Владимира Маковского. Припухшие губы целуют возлюбленного. Владимир отвечает на поцелуй. Потом я делаю полшага назад, беру её за плечи, смотрю в глаза:

— Нужно поговорить.

— Что-то случилось, Володенька? Мне показалось, за тобой приглядывают...

— Да, сегодня установили наблюдение. Но я не об этом. Идём, я сварю тебе кофе.

Я принимаю у неё плащ, помогаю разуться, достаю из шкафчика домашние тапочки. Мы идём на кухню, где я ставлю на плиту кофейник и, пока кофе варится, вкратце пересказываю события прошедшего дня, начав с утренней амнезии и заканчивая смертью священника (умолчав пока о том, что я уже — не её Володя).

На глазах девушки выступают две маленькие капельки, она смотрит на меня, как мне кажется, с ожиданием, что сейчас я объявлю ей о том, что её роман с Владимиром был всего лишь какой-то спецоперацией «Охранки».

– Постой плакать, Анечка, не выдумывай глупостей. Это только предыстория...

Я ставлю перед ней чашку с кофе и достаю из кармана записку, которую кладу на стол.

– Подожди, – говорю я, когда Аннет тянет руку к записке, – пока рано. Сначала выслушай одну историю. Прошу, не спеши с выводами, подожди, пока я закончу.

Я начинаю свой рассказ словами:

– Возможно, очень скоро ты почувствуешь себя Алисой, падающей в кроличью нору... Очень давно... или совсем недавно, в зависимости от того, какое время при этом брать за основную точку отсчёта, произошло одно астрономическое Событие – вспышка сверхновой звезды в нашей Галактике – послужившее началом для того мира, который тебе известен как настоящая реальность, и для многих других, о которых тебе лучше не знать...

– Постой, Володя! Ты решил мне рассказать сюжет какой-то фантастической книжки или фильма? – улыбается девушка.

– Можешь считать пока так, Аня, но дослушай меня до конца.

Я рассказываю Аннет о том, что сегодня не двадцать пер-

вый, а двадцать четвертый век, если говорить о времени в базовой реальности; что человечество распространилось по всей Солнечной системе; что уже давно не существует никаких империй, монархий и вообще государств; люди оставили войны и религии, оставили вымышленных богов, разделявших их многие века, а некоторые и сами стали богами, вступив в ассоциации с машинами и другими людьми, составив сверхразумные композиции, расширив возможности сознания и познания.

– То, что ты рассказываешь, напоминает мне один фильм – «Матрицу», – говорит Аннет.

– Если только очень отдалённо, – говорю я. – «Матрица» – это трагедия, предупреждение, и там машинам был нужен человек, как источник энергии. Этот фильм выражает страх человека ранней компьютерной эпохи перед машиной, перед будущим... Это, при всём моем уважении к этому произведению искусства прошлого – замаскированная поповщина.

– Прошлого?

– Имей терпение, Анюта, – улыбаюсь я, – кроличья нора уже близко...

Незадолго до События, был запущен проект, получивший название «Ноосфера», объединивший в себе все Крипты – компьютерные сети Земли и Солнечной системы – в одно целое и предоставивший человечеству убежище от его последствий. Ещё в двадцать третьем столетии, появились технологии, позволявшие переносить и копировать сознание че-

ловека. Это стало фактической победой над смертью. Тогда многие перестали быть людьми, в привычном для тебя понимании этого слова, и стали богами, присоединившись к числу существовавших уже до того ИскИнов. Эти постлюди-боги населили Ноосферу и, вместе с ИскИнами, создали множество миров-симуляций, готовых принять бежавшее от космической катастрофы человечество.

– Так Ноосфера стала Сетью сетей, и даже бóльшим... Но многие до События оставались, пусть и сильно усовершенствованными, но пока ещё людьми, из плоти и крови, радующимися жизни настолько, насколько это возможно для здорового и разумного человека, наслаждаясь всем, что давал им мир изобилия – тот самый мир, Аннет, к какому стремишься ты и твои соратники из Подполья... К моменту, когда произошла Вспышка, все те люди должны были оставить свои тела из плоти и крови и загрузиться в Ноосферу, чтобы потом возродить Человеческую Цивилизацию...

– И у них получилось? – спрашивает Аннет. – Чтó было дальше в твоей истории?

– Думаю, да, получилось...

– То есть, тебе это точно неизвестно? – Мне кажется, её огорчил мой неуверенный тон.

«Но я действительно не могу быть до конца уверен! Я не знаю, остался ли ещё кто-то... Нет! Должны были! Земля приготовилась к Вспышке».

Я улыбнулся Аннет и перешёл к главному.

– За восемь лет до События, на спутник Урана Оберон прилетели земляне – Юрий и Женни. Вместе с ними на корабле прибыл Эмидиус – один из молодых богов, но входивший в первую сотню разумов Цивилизации и своим интеллектом превосходивший многих из первых. Эмидиус пользовался особым доверием Теи – самого мощного ИскИна Земли, авторитет которой граничил с культом личности... Тея противилась такому почитанию, но оно было вполне заслуженным. Их корабль трансформировался в базу, часть которой занимал жилой блок для прибывших людей, и другую часть – аппаратная составляющая ИскИна и нанофабрикаторы.

Уже через пару лет наномашинерия землян создала на северном полюсе спутника, где совершил посадку корабль, настоящий оазис под сверхпрочным куполом, способном выдержать метеоритный дождь такой силы, каких на Обероне небывало. Стояла середина сорокадвухлетнего, по земным меркам, оберонского «дня» – так стали называть люди период, во время которого Солнце непрерывно освещает один из полюсов Оберона – и мирок землян постепенно наполнялся земной жизнью: Женни планировала архитектуру оазиса, а Юрий населял оазис земными формами жизни – растениями и животными. То был маленький рай для влюбленных, и пространство для их творчества. Вместе с Оазисом (они впоследствии так и назвали свой крошечный мирок под куполом) рос и Крипт Оберона – детище Эмидиуса, чьи авата-

ры часто составляли компанию Юрию, Женни и их гостям из Хрустального Города – единственной человеческой колонии в системе спутников Урана, находившегося на Титании. Крипт разрастался, увеличиваясь с каждым годом, но об истинных масштабах преобразований обитателям оазиса стало известно слишком поздно...

Я вкратце рассказал Аннет о том, как однажды, исследуя один из ударных кратеров в сотне километрах от Оазиса с помощью подконтрольной мне одному наномашинерии, я наткнулся на линию связи, уходившую вглубь спутника и проникавшую, как мне удалось выяснить, в его каменное ядро. Пропускная способность линии не оставила у меня сомнений: компоненты ИскИна намного обширнее, чем мне до этого представлялось. Став более внимательным, я вскоре обнаружил ещё пять таких линий. Втайне от Эмидиуса, я запрограммировал несколько небольших армий наноассемблеров на создание компонентов «альтернативного крипта», используя для этих целей выделенные нам с Женни для личных нужд ресурсы ИскИна.

Когда Эмидиусу стало известно о моей тайной деятельности, наш с Женни оазис превратился в настоящую тюрьму. Это стало ударом для Женни. Я до последнего не посвящал её в свои планы, чтобы исключить неизбежно последовавшие-бы за этим разговоры, которые Эмидиус мог подслушать.

Последние три года перед Событием мы с Женни провели

под «домашним арестом». Наш тюремщик не ограничивал входящий трафик с Титании и внутренней области Солнечной системы, но позвать на помощь мы, конечно, не могли. Никто из Хрустального Города, как мы полагали, не без участия в этом нашего тюремщика, не пытался более посетить Оазис.

Как мы с Женни и предполагали, ИскИн ловко водил за нос не только наших многочисленных друзей, среди которых были и ИскИны, но и саму Тею. Другого объяснения тому, что за три с лишним года нами никто так и не заинтересовался, у нас не было. Но у меня всё ещё оставался последний «туз в рукаве» – мой тайный крипт разрастался, и его компоненты уже проникли вглубь ядра. Пусть не так глубоко, как вычислительные мощности и хранилища данных Эмидиуса, но нам с Женни этого уже было вполне достаточно.

Задолго до того, как мы с Женни решили отправиться во Внешнюю область Солнечной системы, я написал программное обеспечение, с помощью которого мы обменивались ощущениями, чувствовали настроение друг друга везде, где была Сеть. Тревога, волнение... желание, усталость, лёгкость, недомогание или физическая боль... – мы чувствовали всё. Такого рода программы в наше время создавали многие. Имелась масса общедоступных вариаций подобного кода, которые использовали близкие люди: влюблённые и супруги, родители и дети, друзья и родственники... Вписывали код в интерфейс, устанавливали пароли доступа, настраи-

вали уровни приватности и пользовались, не заморачиваясь излишне по поводу безопасности данных... Не заморачивались и мы, просто я сделал Женни подарок... Наш код был уникален лишь тем, что он был только наш – обеспечение было установлено только в двух копиях, в моём нейроинтерфейсе и в нейроинтерфейсе Женни. И именно это обстоятельство сделало его впоследствии оружием против пленившего нас искусственного интеллекта...

Раньше мы иногда развлекали себя разговорами, в которых сказанное вслух сопровождалось различными, порой противоречивыми, но понятными нам двоим чувствами и переживаниями, общими для нас ассоциациями, и таким образом угадывали, когда слова следовало воспринимать буквально, а когда – как-то иначе. За время нашего заключения мы отточили эту технику до совершенства. Конечно, порой приходилось долго доносить мысль, которую было бы проще произнести вслух или передать напрямую, с помощью нейроинтерфейса через подконтрольный ИскИну Крипт, но это означало бы провал... «Языком чувств и настроений» я сообщил Женни о том, что в Крипте Оазиса есть «лазейка», при помощи которой мы могли сбежать из тюрьмы в созданную моей машинерией Сеть. В дальнейшем, построить с помощью нанитов передатчик и сообщить на Землю о нашем положении оставалось вопросом времени...

– И что было дальше? – спросила увлеченная моим рассказом Аннет.

– А дальше этот свихнувшийся сукин сын Эмидиус расстроил планы Юрия и Женни, – сказал я.

Когда с Земли поступила информация об ожидаемом вскоре Событии, ИскИн предложил нам возможность укрыться от последующего за Событием космического излучения в «надёжном месте» – в специально созданной нашим «заботливым спасителем» для этих целей симуляции. Это означало для нас – попасть в такую тюрьму, выхода из которой уже не будет. Мы дали согласие на загрузку в Крипт с последующей эвтаназией лишённых разума физических тел и условились о времени процедуры. Дальше медлить было нельзя.

Перенос сознания – процесс не допускающий ошибок. Даже незначительный сбой, ошибка в копировании, вполне может обернуться сумасшествием для человеческого разума. Поэтому, согласно обязательным для обеспечивающих техническую сторону переноса сознания операторов или ИскИнов требованиям, вначале делается копия, которая архивируется, чтобы исключить одновременное существование двух «Я» субъекта, перепроверяется её соответствие оригиналу, и уже после переносится сам оригинал с последующим форматированием покидаемого носителя (головного мозга человека или емкости памяти). Когда процесс переноса закончен, происходит сверка перемещённой личности с архивированной копией и копия стирается (если личность не пожелает её сохранить). Нейроинтерфейс в этой операции

играет исключительную роль. Без этой «паутины», толщина нитей которой измеряется миллимикронами, оплетающей мозг человека и позволяющей скопировать его состояние, перенос сознания возможен только в медицинских учреждениях, где для этого имеется соответствующее оборудование. Для переноса разумов меня и моей Женни, потребовалось установить соединение между нашими интерфейсами напрямую, минуя контролируемый ИскИном Крипт Оазиса, и уже после направить поток данных через мой интерфейс в мою тайную Сеть, используя «лазейку» в Крипте.

Внешне это выглядело так: мы, обнявшись в последний раз, легли спать, установив соединение. Обычное дело для влюбленных – смотреть общие сны. Я открыл «лазейку» мыслекодом и запустил процесс копирования и архивации. Получив отчёт о завершении операции сверки моего сознания, я стал ожидать отчёта об операции с копией Женни, но ответа не получил. ИскИн раскрыл канал связи и перехватил потоки данных...

– Грустная история, – говорит Аннет и смотрит мне в глаза – в глаза своего любимого – Владимира Маковского, пребывающего сейчас в состоянии полной неспособности мыслить и что-либо делать.

Владимир сейчас смотрит сон, в котором он – никакой не Владимир, а пришелец из фантастического мира будущего – Юрий Мэлс, говорящий и действующий вместо него.

Я смотрю в глаза чужой мне женщины и вспоминаю дру-

гой, такой знакомый, полный нежности взгляд, растворяющийся в вихрях белого шума... ПЕРЕХОД:11492763... Губы Аннет тянутся ко мне...

«Нет, милая девушка, не тебе предназначался этот взгляд, прости...»

– Подожди. Не сейчас. Это ещё не конец истории...

Юрий и Женни оказались в разных симуляциях – в вымышленных ИскИном мирах – лишённые памяти, обречённые проживать целые жизни за считанные часы базового времени. То была длинная цепь перерождений, продолжавшаяся одиннадцать месяцев во времени базовой реальности.

Созданная Юрием сеть разрасталась, подобно метастазам, внутри каменного ядра Оберона. Но, в сравнении с теми структурами, которыми теперь было представлено «тело» ИскИна, его компьютеры, ёмкости памяти, элементы защиты от внешней среды, энергостанции и создавшая их наномашинерия, это была блоха против собаки. Но «блоха» эта была растянута на длинные цепочки атомов и молекул, проникавшие «собаку» насквозь, миллионы раз разветвляясь и образуя ложные окончания, отмирая целыми ветвями, присоединяясь к другим ответвлениям, появлявшимся там, где их до того не было, и снова исчезающим.

Раскрыв «лазейку» и оборвав канал связи, ИскИн спровоцировал процесс многочисленного копирования единственного архива сознания своего пленника за пределами подконтрольного ему Крипта, а вместе с ним и поврежденного ар-

жива Женни, и вскоре получил в своём царстве высокоорганизованное «подполье» из многомиллионной армии виртуальных смертников. Копии одного и того же человека, сочетавшего постоянно увеличивающийся потенциал подконтрольного ему растущего Крипта с холодной ненавистью к тирану, отнявшему у него его любимую...

Одиннадцать месяцев спустя, в Рукаве Центавра произошёл всплеск гамма-излучения – Событие, возможно, ознаменовавшее собой рождение новой нейтронной звезды или даже чёрной дыры, следствием которого для Оберона стало массовое уничтожение наномашинерии и аппаратных составляющих обоих Криптов, как на поверхности спутника, так и под поверхностью. Но невредимым оставалось каменное ядро, где на глубине сотен километров работали нанофабрики, преобразуя тысячи тонн породы в компоненты ИскИна. В центре ядра, в образовавшейся там сферической полости, появилось непрерывно увеличивающееся в размерах сооружение – структура в виде пушистой снежинки гигантских размеров – состоящее из множества кристаллов памяти, соединённых между собой паутиной из интеллектуальной материи. Когда центр ядра был переработан в сверхплотные кристаллы и другие материалы, свод сферы был укреплен и в дальнейшем новые компоненты доставлялись внутрь сферы через многочисленные шахты от ледяной мантии спутника поездами-лифтами, а вместе с тем и всё больше зараженных враждебным Криптом элементов и машине-

рии проникало и интегрировалось в «тело» ИскИна...

Оригиналы – первоверсии Женни и Юрия, лишённые возможности вспомнить кто́ они, появлялись в созданных ИскИном симуляциях, лишённые памяти о прошлом, они просто начинали жить с чистого листа. Иногда это были короткие жизни; иногда жизни длились многие годы и десятилетия; они погибали в катастрофах, в войнах, от рук убийц, были разрываемы и пожираемы чудовищами, умирали от болезней и старости, но всегда попадали в один мир вместе, даже не подозревая о существовании друг друга. Видимо, божку такие обстоятельства доставляли особое удовольствие...

«Сотни тысяч моих копий размышляли над этой загадкой: почему так? Почему Эмидиус не разделил нас? Но, я до сих пор не знаю ответа».

Может быть, если бы резервная копия Женни не была тогда повреждена, Юрий восстановил бы её и не было бы этой войны, в которой погибали миллионы его «Я», с надеждой на то, что, хотя бы одному из них рано или поздно удастся вернуть её. Но это всего лишь предположение... Из поврежденного архива Женни Юрию всё же удалось извлечь бóльшую часть её уникальных кодов, по которым стало возможным с точностью определить её местонахождение в симуляции. Нужная симуляция при этом легко находилась в каталоге Крипта по наличию в ней первоверсии самого Юрия. Но всё могло бы быть иначе, если бы их разделили... Возможно, он так и не нашёл бы её, и она бы не вспомнила...

– Так они нашли друг друга? – спрашивает Аннет. – Эта история хорошо закончилась?

– Хм... Эта история продолжается.

– То есть...

– Прямо сейчас, в этот самый момент, – говорю я.

Она смотрит на Владимира Маковского подозрительно. Видимо, думает: не поехала ли у него крыша после «исповеди» попу-гипнотизёру.

– Они встретились, – продолжаю я, – и узнали друг друга, вспомнили, в самый последний момент, перед тем как ИскИн перебросил их в очередной раз. Только на этот раз наш Господь упрятал их внутрь симулякров...

– Симуль... что? Симулякров? – Аннет поморщилась. – Это что, из философии Бодрийяра?..

– Нет, – успокоил я Аннет, отметив в её тоне заслуженное презрение к модному в двадцатом веке среди так называемых «левых» болтуну-псевдофилософу. – Нет. Симулякр у постмодернистов – это идеалистическая категория, мыльный пузырь, выдаваемый за обличительный аргумент против раздражающей мелкобуржуазного интеллигента объективной реальности... Я говорю об обитателях симуляции – о тех, кто были созданы в качестве статистов... для придания симуляции большей правдоподобности. Это эрзац-личности, наборы клише, штампов, воплощения конформизма... Они думают, что они думают, но это единственное, что они думают на самом деле. Хотя... – я помедлил, – не всё

так просто... Были случаи, когда и симулякры становились личностями... Таковы, к примеру, некоторые ИскИны... В прошлом к созданию симулякров прибегали в целях экстраполяции разных ситуаций, событий, но позже общественное мнение землян осудило такую практику. Создание симуляций – творчество, в котором преуспели многие, и не только ИскИны, но создание симулякров – преступление, влекущее всеобщий бойкот, социальное отчуждение, остракизм... Но я отвлекся...

Итак, Юрий с Женни оказались заперты в симулякрах, в очередном поганом мире, который местный Господь-шизофреник соорудил в качестве реконструкции Нового смутного времени в России. Замысел понятный: забросить пленников в очередную «быструю» симуляцию, – в которой их, растерянных, страдающих амнезией, пускай уже и не пожизненной, а только до синхронизации с вражеским Криптом, быстро сожрут какие-нибудь динозавры, или запытают до смерти фашисты, или принесёт в жертву лесным богам племя дикарей-людоедов, – значит лишний раз перемещать данные, о чём распоясавшийся враг наверняка узнает; замедлять ход времени в одном из таких миров – то же, что и оставить для него записку: «искать здесь». Выход: переместить *подопытных* в мир, в котором нет ни динозавров, ни лагерей смерти, ни людоедов, а есть покорный Царю и Церкви специально созданный народ, опекаемый «Охранкой» и попами; переместить уже без всякой амнезии, а запереть, загнать на уровень

подсознания, в случайно выбранных симулякрах, превратив тех в «тюрьмы для разума»... на ближайшие двадцать лет – достаточное, по мнению божка, время, чтобы избавиться от «раковой опухоли» в своём «железе» и Крипте, – ухмыляюсь я.

– Постой, – говорит Аннет, – я поняла, что ты говоришь про наш мир. Всё это звучит, конечно, как... как фантастика... Но какие ещё «двадцать лет», почему двадцать?.. И что потом?

– Потом произойдет то, за что боритесь вы: ты и твои товарищи – Империя рухнет. И не только Империя... Если, конечно, божок не вздумает продлить эту мечту любителей «крепкой руки» из прошлого... Но похоже, что здесь он придерживается исторической достоверности, – добавляю я.

– Ты говоришь о революции, Володя?

– Да, Анечка, о революции. О настоящей Мировой революции.

– Значит, – задумчиво проговаривает она каждое слово, – ты из... из будущего, и ты – не мой Володя... – это ты пытаешься сказать? – На её глаза наворачиваются слёзы.

«Нет-нет! Вот этого не надо, девочка. Это перебор... Хм... уже Володиным сленгом заговорил...» – Я протягиваю руку и глажу её по голове.

– Значит, – продолжает она, – меня на самом деле нет? И тебя... моего Володи – тоже нет? Мы – всего лишь... – первые капельки уже катятся по щекам Аннет.

– Тихо, – я продолжаю гладить её по голове, – тихо... Ты есть. И твой Володя есть. Он никуда не исчез. И не исчезнет. И ты не исчезнешь. Это я тебе обещаю! Я – Юра Мэлс – землянин, родившийся на свет двадцать восьмого ноября две тысячи двести девяносто второго года – обещаю тебе. и ты и он увидите реальный мир!

При последних словах она смотрит на меня так...

«Ну, всё, хватит. Пора это заканчивать...»

– Всё то время, что мы с тобой говорим, а это малые доли секунды в базовом времени, идёт война. Сейчас почти восемь миллионов моих копий удерживают блокаду этого мира в Крипте. Сражение идёт также и в базовой реальности – в ядре и на поверхности Оберона. Сегодня днём я уничтожил Администратора – слугу Эмидиуса. Это был тот самый священник, о котором я тебе рассказывал. Других Администраторов в этом мире больше нет, и симуляция стабильна. Там, – я кивнул в сторону окна, за которым уже давно стемнело, а вдоль проспекта зажглись фонари, – бдят Оглоблин с Хлебовым – патриотичные симулякры, думающие о себе, что они охраняют «особый путь» и «духовные скрепы», но о них мы можем не беспокоиться. Скоро всё закончится. Верь мне. Одна из моих копий сейчас находится в Главном Каталоге Крипта, в особом мире, в котором внутренние элементы симуляции напрямую связаны с внешними компонентами ИскИна, такими как энергостанции, нанофабрики, транспортная система и средства внешней связи. Копия содержит

в себе плоды тысячелетних – я говорю о внутреннем, субъективном времени Крипта – разработок в области взлома и перехвата управления. Это – «камикадзе», цель которого – захватить управление внешней наномашинерией и передать сообщение на Землю. Ждать осталось недолго.

– Не знаю почему, но я хочу тебе верить, – она шмыгает носиком, пальцами размазывает слёзы вместе с тушью, заставляет себя улыбнуться мне.

– Вот, возьми, прочти это, – я беру со стола записку и подаю ей. – Ничего не бойся. Помни моё обещание.

Аннет разворачивает листок...

Я протягиваю руку к стене и мыслекодом отключаю оболочку Администратора Гедеона. Иссохшая плоть хлопьями опадает с руки, обнажая белые кости. Я смеюсь:

«Эмидиус... полубог-полумальчишка – симулякр, не ставший даже человеком...» – Я вспоминаю Владимира Маковского и его возлюбленную Аннет, и добавляю вслух:

– ...в отличие от своих творений.

Рука касается стены, вызывая на её поверхности концентрические круги, подобные кругам на воде; чёрные волны исчезают в тумане налетевшего облака смога. Я отмечаю, что видимость резко снизилась до пары десятков метров – я вижу только один угол здания, слева от меня; поднимаю глаза вверх и вижу, как небо надо мной стремительно наливается свинцом. Рука вязнет в холодной чёрной субстанции, кото-

рая затягивает, поглощает меня. Сработала защита, и башня изолирует угрозу, замораживает её – замораживает три миллиона семьсот пятьдесят... (да какая, впрочем, разница – какую!) копию человека, первоверсия которого, может быть прямо сейчас, в далёком ответвлении хрустальной снежинки внутри каменного ядра холодного спутника ледяного гиганта подаёт сложенный вдвое листок бумаги девушке с заплаканными глазами. Я чувствую холод. Я не боюсь, нет. Я знаю, что после того как я перестану быть, из оставшейся от меня оболочки в Главный Каталог Крипта вырвется ураган сводящего с ума компоненты ИскИна кода, несущего в себе полчища вирусов, раздающих задания глупым наномашинам. Глупая чёрная стена уже полностью поглотила меня. Мои мысли за-мед-ля-ют-ся... Я вижу, как моя Жен-ни раз-вора-чи-ва-ет ли-сток бумаги и чи-тает на-пи-сан-ное на нем: Me-mo-ria es-t

Охота на негра

– Что, полетит?

– Ракета-то?

– Ну.

– Нет, не полетит. Об этом и речи быть не может... Мы ведь не хотим, чтобы эта дура грохнулась нам самим на голову... или улетела куда-нибудь не туда?

– Куда – не туда?

– Да хоть к тем же пендосам...

– Не. К пендосам не надо. Если сегодня в Америках какие пендосы и живут, это уже не те пендосы, что шестьдесят лет назад были...

Из романа «Год 2077-й»

19 июня 2077 года, бывшие Соединённые Штаты Америки, Луизиана, Кеннер (пригород Нового Орлеана), руины международного аэропорта имени Луи Армстронга, вечер

Команда из семи охотниц вышла к Кеннеру на закате, когда раскрасневшееся летнее солнце уже спустилось к горизонту где-то за Лапласом, подсветив багрянцем собравшиеся там редкие пушистые облака. С востока стремительным широким фронтом наступала ночь. Сгустки чёрных теней,

подобно частям и соединениям победоносной армии, теснили жёлто-красный солнечный свет, решительно захватывали руины западной окраины города-призрака, уверенно подбирались к верхним этажам и крышам видневшихся вдали за аэропортом редких уцелевших зданий. В считанные минуты тени заполнили лежавший впереди город-призрак и окружили охотниц, стали разбивать свои бивуаки уже позади них, под раскидистыми лесными кронами, а высоко в небе заблестели первые тусклые звёзды.

Сразу за опушкой начиналось просевшее местами взлётное поле аэропорта Луи Армстронга с залитой водой внушительных размеров воронкой, оставленной здесь пятьдесят восемь лет назад русской атомной боеголовкой. От места, куда вышли охотницы, до воронки было примерно полторы мили. Взошедшая за несколько часов до заката солнца полная луна засветло перекинула через озеро-воронку свою дорожку.

Было душно. Штиль. Из-за испарений от многочисленных озёр и болот, кожа прела, и от утомлённых дневным походом охотниц исходил терпкий солоноватый отдававший несвежей рыбой запах. Но, несмотря на обилие воды вокруг, охотницы не спешили мыться – ведь это был естественный запах женского тела. Старшая сестра Нора – глава женской общины в Индепенденсе, откуда пришли охотницы – учила сестёр не стесняться того, что естественно, и они не стеснялись.

Хезер – старшая в команде – объявила привал на полча-

са, чтобы сёстры могли отдохнуть и укрепиться пищей перед охотой. После им предстояло войти в лежавшую впереди мешанину из городов, городков и неинкорпорированных или невключённых территорий, которую до Большой Войны объединяли приходы Джефферсон и Орлеан, чтобы изловить там здорового афросамца – так политкорректно у сестёр было принято называть негров.

Старшая сестра Нора на тренингах учила сестёр придерживаться политики инклюзивности и разнообразия, поэтому для оплодотворения будущих матерей отлавливались самцы всех рас в равной мере (кроме токсичных белых свиней, разумеется). В яслях и школе общины росли и воспитывались замечательные девочки всех цветов и оттенков кожи. Последний самец – он был из индейцев – закончил выполнять назначенную ему сестрой Норой миссию два года назад и искупил вину за тысячелетия патриархального угнетения в водах реки Тангипахоа, после чего община два года не теряла сестёр. Но этой весной от старости умерли Джудит и Хайди, а совсем недавно, две недели назад, сёстры Дженнифер и Сара, бывшие супругами, пали в неравном сражении с подлыми членоносцами (это были белое отребье, реднеки из Гилеада). И вот пришла очередь ещё одному самцу поработать на благо общины сильных и независимых сестёр – дать биоматериал для зачатия четырёх девочек. Политика разнообразия требовала, чтобы на этот раз донором спермы стал афроамериканец. А таких самцов искать лучше всего в Но-

вом Орлеане и его окрестностях.

Расположились там же, на опушке за аэропортом, чуть в стороне от тянувшейся с северо-запада железнодорожной ветки. По этой ветке сёстры и пришли. Лишь последние несколько миль они двигались лесом вдоль железной дороги, а бóльшую часть пути прошли по заросшим травой и кустарником трухлявым шпалам.

Дорога далась без особых проблем. Команда двигалась скрытно, обходя стороной поселения реднеков и избегая встреч с рейдерами (первых сёстры считали патриархальными фашистами, а вторых – токсичными сексистами). Однако с рейдерами они, всё же, один раз столкнулись... Результат: два повешенных на суку белых членоносца с отрезанными яйцами и одна служанка – предательница женского народа.

Костра не разжигали – достали сэндвичи и термосы с кофе и расположились кружком на жесткой траве у обочины окружавшей аэропорт дороги.

– А если афроамериканец, которого мы поймаем, окажется... ну, это... неспособен к оплодотворению?.. – чавкая сэндвичем, спросила у Хезер Пегги, – белая упитанная сестра с заплетёнными в косы рыжими волосами и множеством веснушек на некрасивом лице с близко посаженными маленькими глазками и носом-кнопкой. Пегги была в числе первых кандидаток на оплодотворение негром, чтобы её дочь не получилась такой токсично-белой, как мать. – Что тогда? – смотрела Пегги опасно на старшую сестру. В этот

момент Пегги была похожа на испуганного поросенка. – Может, лучше поймать двоих, или троих, а?

– Мы будем брать семейного, дорогая, – ответила ей Хезер, – у кого есть служанка и дети – верное свидетельство, что с репродуктивной функцией у самца всё в порядке.

Хезер была высокой мулаткой с небольшой примесью индейской и азиатской кровей. Тонкие черты лица, пухлые губы, забранные в хвост длинные черные прямые волосы, высокая полная грудь, на безупречном стройном теле ни капли лишнего жира. Помешанная на тренировках, она была самой подготовленной среди сестёр Индепенденса. Грязные реднеки всякий раз объективировали Хезер, когда видели её. Но Хезер ненавидела членоносцев настолько, что даже ради рождения дочери не готова была позволить мерзкому мужику проникнуть внутрь себя. С детства Хезер запомнились слова из книги Симоны де Бовуар, по которой её учили читать в школе общины: «...Самый наглядный и самый отвратительный символ физического обладания – это проникновение мужского полового члена. Девушке ненавистна мысль, что её тело, которое она отождествляет с самой собой, можно проткнуть...» Хезер настолько прониклась этими словами легендарной феминистки прошлого, что даже использование резинового дилдо – распространенная среди сестёр общины практика – было для неё неприемлемым и недопустимым. Только пальцы и кулак! И только женские! Хезер была любовницей старшей сестры Норы.

– А если наш афроамериканец заболит и умрёт? – спросила тогда у Хезер Рейчел – коренастая крепкозадая молодая мексиканка с порченным оспой лицом и гнилыми передними зубами.

– Или будет плохо себя вести, и его придётся убить? – добавила Андреа – худая, низкорослая и плоскогрудая сестра с кривыми лошадиными зубами на узком крысином лице, – самая молодая в команде. Андреа была абсолютно белая, – настолько, что её кожа совершенно не загорала на солнце. Ещё одна кандидатка на оплодотворение негром.

– Окей-окей, сестрёнки! – вступила в разговор сестра Меган. – Допустим, наловим мы ниггеров... – Меган употребила неполиткорректное выражение, потому, что сама была негротяжкой – здоровенной как мужик, плечистой и задастой, с копной крученых как проволока волос, делавших её похожей на Анджелу Дэвис – не менее легендарную, чем упомянутая Бовуар, довоенную феминистку и тоже активную, как и Меган, лесбиянку. – И как мы этих грёбаных ниггеров будем доставлять в Индепенденс? Свяжем и на руках понесём?

– Спокойно! – подняла руку вверх Хезер. – Спокойно! Мы будем выполнять указания нашей старшей сестры. Нам нужен один единственный самец. Мы его захватим, отведём в Индепенденс, передадим сёстрам, которым его поручит Нора. С ним ничего не случится, пока он не сделает то, что должен. – Хезер обвела взглядом сестёр. – А если он заболит

и умрёт раньше времени, – добавила она после короткой паузы, – мы захватим другого. Всем всё понятно? – спросила она строго.

– Понятно... – Ясно... – Мы всё поняли... – забормотали в ответ сёстры.

– Вот и замечательно! Выдвигаемся через три минуты.

Час спустя, Южный Кеннер

Хезер решила не соваться в глубь городской застройки, где даже днём легко заплутать, а отправиться напрямик в Ривер Ридж, где, по результатам проведенной ранее разведки, жило несколько патриархальных негритянских семей.

Около трёх миль они прошли вдоль железной дороги, сначала – по Крофтон-роуд, до путепровода на Эйрлайн-драйв, дальше – по Кеннер-авеню до Тейлор-стрит, где тянувшиеся вдоль железной дороги разваленные пакгаузы и выгоревшие торговые центры наконец сменились давно уже нежилой застройкой. Сейчас здесь всё было мертвó. Людей теперь мало, даже в больших городах. Местные негры жили компактно, занимая по несколько домов по соседству, преимущественно вдоль берегов Миссисипи и на берегу озера Пончартрейн, где промышляли рыбной ловлей. Жили и на Новорлеанском болоте, но те были психами похлеще рейдеров – плохой материал для зачатия дочерей.

Обочины улицы, по которой шли сёстры, сильно зарос-

ли бурной, не испытывавшей недостатка влаги растительностью, асфальт дороги – раздроблен на отдельные плиты, из щелей между которыми тут и там произрастали кусты и деревья. Во дворах с покосившимися домишками из каких-то щитов, фанеры и листов пластика стоял настоящий лес. Часть дворов была подтоплена, и там, среди леса виднелись прогалины с чахлой болотной растительностью. Повсюду размоины, ручейки и просто лужи, иногда довольно глубокие. Сестра Рейчел провалилась по пояс в одну из размоин, ступив на поросшую травой «кочку», которая оказалась плавающим в воде детским резиновым мячиком, но отделалась, к счастью, лёгким испугом и мокрыми штанами. Шедшие рядом Салли и Бренда – небинарные гендерквир-супруги, самоанка и филиппинка – быстро подхватили Рейчел и вытащили на дорогу.

Луна стояла в зените, и видимость была наилучшая, какая только могла быть ночью, но после полуночи луна спрячется за горизонт, и до самого утра тьма будет стоять непроглядная. Поэтому захватить самца следовало по свету. В противном случае, придётся затаиться в городе и ждать следующей ночи. Пользоваться фонарями было крайне нежелательно, – свет могли увидеть местные – негры-рыбаки, или даже психи. Последние как раз по ночам навевывались в гости к первым, чтобы украсть что-нибудь из припасов, или даже кого-нибудь, – по слухам, психи практиковали каннибализм.

Вооружены сёстры были ружьями и револьверами, однако

палить из них в городе было бы чистым самоубийством. Уж лучше тогда гулять по улицам с фонарями, свет от которых негры могут и не заметить. А вот выстрелы услышат точно, и тогда – бежать им из этих каменных джунглей, только бежать... Поэтому, помимо револьверов и ружей, имелись у сестёр арбалеты и луки – основное оружие на время охоты на самцов. И этим оружием сёстры владели превосходно и в совершенстве.

Однако, одно дело – отбиться стрелами от койотов, или от диких собак, и совсем другое – от вооружённого огнестрелом токсичного врага... – а на Пустоши враги в основном именно такие (те же реднеки, или рейдеры – все с пушками), – арбалета с луком для этого маловато. Но, если негры-афроамериканцы их заметят, тут уже деваться будет некуда, придётся воевать и нести неизбежные потери. А потому, чтобы не заметили, лучше не стрелять, не шуметь и фонарями не светить. Поэтому шли сёстры в молчании, используя для коммуникации язык касаний и жестов.

На Тейлор-стрит сёстры свернули направо, через железнодорожный переезд, в направлении Миссисипи, до которой в этом месте было меньше полумили, и, пройдя квартал, свернули влево, на Джефферсон-хайвей.

Пересечение Джефферсон-хайвей и Филмор-стрит (по которой в прошлом проходила муниципальная граница между городом Кеннер и неинкорпорированной террито-

Это была широкая, ярдов двадцать, заставленная ржавыми машинами улица, разделенная посередине зелёной полосой ярдов в пять, на которой за полвека выросли раскидистые деревья, накрывшие обе проезжие части своими кронами как зонтиками. Видимость здесь стала сильно хуже. Лунный свет лишь местами проникал сквозь кроны, высвечивая жёлтыми пятнами куски поросшего чахлой травой асфальта. Сёстры то и дело ступали на различный хлам на дороге, среди которого попадались человеческие кости. Отчётливо были видны только крупные предметы, вроде тех же автомобилей или принесённых сюда ветрами мусорных контейнеров. Но плохая видимость означала, что и идущих в тени крон охотниц издали не так заметно, как на освещённых луной улицах – так считала Хезер. И, тем не менее, их заметили...

И довольно давно заметили. Ещё в Кеннере на Эйрлайн-драйв.

Двое вооружённых автоматическими винтовками М16 негров уже минут сорок крались рядом, сначала по Корвин-стрит, тянущейся параллельно Кеннер-авеню по другую сторону железной дороги, потом – по Джексон-стрит... Но это ещё не всё. Был ещё третий негр, длинноногий и быстрый как олень, который припустил в Ривер Ридж сразу, как только эта тройка заметила сестёр. И теперь, сразу за выгоревшим дотла жилым комплексом Марк Твен II Апарта-

ментс и христианской начальной школой имени Джона Кёртиса, на пересечении Джефферсон-хайвей и Флорида-стрит сестёр-охотниц ждала засада. Пятеро крепких чёрных мужиков с М16, Кольтами и Береттами, поднятые по тревоге быстроногим товарищем, шестым в засаде, с интересом и некоторым недоумеванием наблюдали за приближавшейся группой вооружённых луками и арбалетами женщин.

– А это точно бабы, Джим? – тихо спросил один из негров быстроногого. – Чёт какие-то они стрёмные, бро... в мешках каких-то, на головах пакли разноцветные... нормальные бабы не такие...

– Точно, бро, бабы это, все до одной! – ответил быстроногий Джим. – И не все они стрёмные. Парочка так даже ничего... если в порядок привести.

Внешний вид сестёр был действительно необычным. Более того, он был неприятным. Мешковатая подчёркнуто неженственная одежда, выкрашенные в ядовито-яркие цвета кудлатые волосы, разъедающие глаза всякого видевшего их на расстоянии и даже ночью в свете луны – огромный минус к маскировке. Жирные, тощие, размашисто шагающие как карикатурные подростки. Таких персонажей неграм прежде видеть не доводилось.

Негры эти были людьми простыми: жили общиной, охотились, рыбачили, растили овощи на грядках. Их жёны выглядели так, как и подобало выглядеть замужним женщинам, воспитывающим детей – одевались опрятно, практич-

но и не без изящества – такие столетиями и тысячелетиями радовали глаз любого нормального мужчины. По сути, кроме цвета кожи, негритянские жёны не сильно отличались от жён белых реднеков, – и тех и других сёстры яростно ненавидели за так называемую «патриархальность» и называли «служанками». Дети негров были обычными детьми, как и сто, и двести лет назад где-нибудь в глубинке: мальчишки постоянно норовили ввязаться в какую-нибудь авантюру – за ними глаз да глаз! – с девчонками проще – те держались ближе к дому, помогали матерям по хозяйству. Все помнили о психах с Новоорлеанских болот, которые иногда похищали рыбацких женщин и детей. (После таких похищений негры-общинники устраивали по болотам рейды и заметно прорежали тамошнее население, но похищенным и впоследствии изнасилованным и съеденным от того не легче.) И вот для таких «патриархальных» негров опасно пробиравшиеся по Джефферсон-хайвей сёстры-охотницы выглядели несмешными клоунессами и отвратительными панками из довоенных журналов. Даже педиковатые рейдеры с Пустоши, коих негры периодически гоняли, на фоне этих раскрашенных во все цвета радуги чучел в бесформенной одежде выглядели джентльменами.

– И чего им здесь понадобилось среди ночи? – пробурчал другой негр, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Ставлю мой Кольт против трусов твоей тёщи, Хаким, что эти крашенные мочалки задумали что-то скверное! – ска-

зал ему быстроногий Джим. – Если по делу, то днём бы пришли...

– Вот сейчас подойдут ближе, и спросим у них... – низким басовитым шёпотом объявил самый большой и главный негр. – Всё, хорош трепаться, парни! Делаем дело!

Тем временем, сёстры прошли поворот на Медлин-лейн и подошли к перекрестку с Флорида-стрит. Когда до перекрестка оставалось не более десяти ярдов, из кустов слева появились шесть угольно-чёрных фигур с оружием.

– Стоять, сучки! Оружие – на землю, мать вашу! – громко проорал главный негр, показавшийся Хезер квадратным от обилия мышц. Ростом негр был не меньше семи футов, и вид имел устрашающий.

Бренда – стройная невысокая филиппинка (вторая в команде после Хезер по частоте объективаций), одна из лучших арбалетчиц в общине – отреагировала быстрее всех и, вскинув арбалет, всадила болт точно в голову первому попавшемуся негру. Её гендерквир-супруга Салли – похожая на мужика самоанка с ёжиком фиолетовых волос на уродливой, изборожденной морщинистыми складками голове, короткими кривыми ногами и густо покрытыми татуировками непропорционально жирными руками-окороками – просто уронила свой арбалет на землю и тут же выхватила револьвер... но выстрелить не успела. Семифутовый негр с треском всадил ей в голову две пули подряд, в результате чего Салли лишилась большей части содержимого своего уродливого

черепа вместе с затылком. В этот самый момент негр, которого звали Хаким, перечеркнул короткой очередью Бренду, отчего та буквально сложилась пополам (одна из пуль перебила Бренде позвоночник). Треснули ещё несколько коротких очередей, и на дорогу повалились Меган и Рейчел, действия которых показались неграм подозрительными.

– Оружие на землю, суки, я сказал! – проревел буйволом семифутовый.

Хезер, Пегги и Андреа подчинились, бросив на землю луки и арбалеты. В этот момент сзади подбежали ещё двое негров – те самые, что шли за сёстрами от Эйрлайн-драйв – и забрали у них винтовки, ружья, револьверы и рюкзаки.

– Тайсон, Айсек... – обратился семифутовый к этим двоим, – и Морган! – он посмотрел на стоявшего рядом длинного узкоплечего и при этом жилистого негра. – Вяжите сук! Кто дёрнется или косо посмотрит – ножом по горлу!.. – После чего повернулся к убитому.

В этот момент к телу подбежал быстроногий Джим и опустился на колени. Убитый приходился ему родным братом.

– Мэттью... – произнёс, давя слёзы Джим. – Мэттью... Лерой, – парень обернулся и посмотрел на семифутового, – они убили Мэттью...

– Соболезную, брат... – семифутовый Лерой шагнул к Джиму и положил тому на плечо широкую ладонь. После чего посмотрел на грубо придавленных к дороге сестёр. Тайсон, Айсек и Морган усердно крутили им за спинами руки,

а те и не пытались сопротивляться, – по-видимому, отданный Лероем приказ пресекать сопротивление ножом по горлу произвел на них должное впечатление. – Ноги не вяжите, – сказал Лерой вязавшим сестёр товарищам. – Сами потопают до подвала... – Хаким, Майк... – позвал он осматривавших трупы. – Оружие и рюкзаки с падали – в сторону, а саму падаль – в прицеп... который под навесом во дворе углового дома на Медлин-лейн стоит... и везите к реке. Вышвырните к дьяволу в Миссисипи эту шваль! А то псы набегут... – После чего слегка сжал ладонью вздрагивавшее плечо Джима: – Давай, брат, ты тоже иди с парнями тачку катать...

20 июня 2077 года, бывшие Соединённые Штаты Америки, Луизиана, Ривер Ридж, день

На площадке перед библиотекой прихода Джефферсона, расположенной на всё том же Джефферсон-хайвей, открытой за год до Большой Войны и уцелевшей во время пожаров, последовавших за бомбардировкой в августе 2019-го, в Тёмное Время и после, в самые тяжёлые времена, собралось полсотни человек – представители всех негритянских семей Ривер Ридж. Были старики, главы семейств, жёны, вдова Мэттью и осиротевшие дети убитого. Молодёжь кучковалась двумя небольшими группками немного в стороне так, чтобы было слышно, о чём будут говорить на собрании;

любопытная пацанва поменьше пряталась за углами и заборами. Пленных сестёр привели со связанными руками и поставили на колени посреди собравшихся. Вид сёстры имели слегка помятый: в ходе допроса, каждой из них этой ночью случилось получить по морде раз-другой, но без увечий.

Негры смотрели на «охотниц» зло, но никто не пытался расправиться с убийцами. Окажись сёстры схваченными при убийстве психа из Новоорлеанских болот, психи бы их уже разорвали, но эти люди не были психами. Это было сообщество со своими правилами и порядками. Никто не осмеливался этих порядков нарушать. Собравшиеся тихо переговаривались, несколько женщин утешали вдову, старики курили.

Наконец на образовавшийся вокруг пленниц пяточок вышел Лерой и громко произнёс:

– Добрые жители Ривер Ридж! Соседи! Друзья! Все вы знаете причину этого собрания. – Лерой помолчал, пока шепотки среди собравшихся не затихли, после чего сурово посмотрел на стоявших на коленях Хезер, Пегги и Андреа. – Эти женщины, – Лерой указал на них открытой широкой ладонью, – пришли сюда, чтобы похитить одного из нас... мужчин... – (последнее слово вызвало среди собравшихся волну удивленных и негодующих возгласов) – Да-да, я не оговорился! – продолжил тем временем Лерой. – Эти женщины – феминистки из общины в Индепенденсе, что в шестидесяти милях к северу отсюда. Они ненавидят мужчин. Ненави-

дят женщин, которые не ненавидят мужчин. Ненавидят детей мужского пола, и потому топят их сразу после рождения как щенков!..

– Вздёрнуть этих сук! – громко выкрикнула одна из женщин – жена Майка и сестра Хакима, мать двоих мальчишек, семи и четырёх лет.

– Подожди, Аиша! – сказал женщине Лерой. – Это ещё не всё... – Он посмотрел на плачущую вдову, прижимавшую к себе мальчика и девочку девяти и десяти лет, продолжил: – Их в Индепенденсе сорок человек. Ровно сорок. Когда кто-то из них умирает, они выходят на *охоту*, чтобы схватить мужчину, которого насильно принуждают оплодотворять назначенных их *главной* в матери женщин... О том, что бывает с родившимися мальчиками, я уже сказал... Девочек же они воспитывают соответствующим образом... чтобы выросли подобные им твари – похитительницы, насильницы и детоубийцы! Вчера так называемая *команда* из семи *охотниц* пришла сюда, чтобы захватить *афросамца*! – Лерой повысил голос на последнем слове. – Дело в том, что этим феминисткам подходят не всякие мужчины! Они похищают мужчин согласно придуманному их *старшей сестрой* циничному плану, чтобы вывести особое племя женщин – не белых, не чёрных, не жёлтых и не красных!.. Они насилуют попеременно индейцев, мексиканцев, азиатов... а теперь им понадобился ниггер! Только белые задницы с ферм им не подходят. Они их просто убивают при случае. И их жён, ес-

ли те не изволят присоединиться к племени феминисток... Им понадобился ниггер, друзья! – громко повторил Лерой. – И знаете, что? Кажется, я знаю одного ниггера, который им подойдёт...

В этот момент из толпы послышался голос старой Марии – матери Айзека.

– Отдайте этих сучек Флойду!

– Да, чувак! Мама Мария дело говорит! – Точно! – К Флойду их! Всех троих! – последовали возгласы собравшихся.

Флойдом звали главаря шайки психов, контролировавшей бóльшую часть Новоорлеанских болот. В Ривер Ридж Флойдом матери пугали непослушных детей. Это был совершенно отбитый мерзавец – людоед и насильник. Обладая отменным здоровьем, – врукопашную он мог легко справиться с двоими такими, как Лерой (а Лерой был очень силён!), – Флойд не отказывал себе в наркотиках, которые сам и производил в собственной лаборатории, и был постоянно обдолбан. От этого в голове Флойда постоянно возникали патологические идеи: снять живьём с кого-нибудь кожу (не важно: с мужчины, женщины, старика или ребёнка) и после изнасиловать; посадить на кол и поджечь; выпотрошить и заставить бегать вокруг него, пока он сидит в кресле с косяком на закате; скормить привязанного к шесту человека аллигатору; связать и изнасиловать самого аллигатора... – кажется, не было такой мерзости, какую только мог бы совершить человек в

теории, какую бы не осуществил Флойд на практике.

– Верно! – сказал Лерой. – Я имел в виду именно Флойда. Но! Аиша, кажется, предлагала их просто вздёрнуть... – Лерой повернулся к женщине.

– Нет уж! – сказала та. – Пускай развлекают Флойда! Тем более, кажется, эта киска, – Аиша посмотрела на Хезер, – придётся ему по вкусу... – Аиша намекнула на гарем Флойда, в котором, по слухам, было не меньше дюжины отборных красоток, похищенных в ближайших поселениях. – Пусть рождает Флойду маленьких ниггеров!

– Нет! Вы не посмеете! – взвизгнула терпеливо молчавшая до этого Хезер. – Я не стану наложницей этого вашего Флойда! Нет!

– Ещё как станешь, – сказал ей на это Лерой. – Куда ты денешься, охотница на ниггеров...

Вечер того же дня, Новый Орлеан, Холли Гров

Пятьдесят восемь лет назад, когда пять русских термоядерных боеголовок ударили по Новому Орлеану и его пригородам, главному городу достались две. Оба взрыва были воздушные – 800 килотонн каждый – и выжгли многокилометровые проплешины в застройке и инфраструктуре города. Русские полностью уничтожили порт на реке Миссисипи и центр города – район назывался Мид-Сити – место скопления офисов компаний и проживания среднего класса. Ещё

одна боеголовка взорвалась в шести милях к востоку от порта, над Чалметтом – до Большой Войны неинкорпорированной территорией, однако, бывшим по сути, наряду с расположенным рядом Араби, частью Нового Орлеана, его окраиной на восточном берегу Миссисипи. Там 800-килотонный взрыв полностью уничтожил нефтеперерабатывающий завод и сжёг его окрестности. Другие две боеголовки ударили по военно-морской авиабазе в Бель Чассе и международному аэропорту в Кеннере. Причём, с последней боеголовкой что-то пошло не так, и взрыв получился наземным. Много людей тогда погибло от этих взрывов и вызванных взрывами пожаров; ещё больше умерло позже от радиации; но абсолютное большинство в Луизиане, США и во всём мире замёрзли пришедшей после Холодной Ночи, длившейся в некоторых местах до года. Непривычно низкие для Луизианы температуры убили бóльшую часть животных и растений, полностью истребили птиц. Люди тогда ели трупы родственников, чтобы выжить. А некоторые стали охотиться на живых...

Флойд был потомком тех, кто питались от своих собратьев. Дед и бабушка Флойда были людоедами. Мать – тоже была людоедкой, а отца своего Флойд доподлинно не знал – кандидатов было полдюжины. В шайке, в которой он вырос, было восемь мужчин и три женщины, – шестеро мужиков регулярно пользовались трёх баб и двоих педиков, так что, любой из тех мачо мог оказаться папашей Флойда. Из двенадцати детей, с которыми рос Флойд, двадцатилетнего возраста до-

стигли четверо – он, Горбатый Билл и ещё две девки – Нина и Мишель. Остальные умерли от болезней, были убиты взрослыми или лишились жизни в схватках со сверстниками. Часто этим самым сверстником-убийцей оказывался Флойд, к шестнадцати годам вымахавший под восемь футов и имевший в ширину не менее трёх. Сам он считал себя мутантом, почти как Халк из комиксов, только чёрный. Видать, радиация как-то повлияла на бабушку и мать Флойда, вот и получился он такой: большой и сильный. Флойд с детства любил комиксы. Чтобы понимать, о чём говорили герои с картинок, Флойд даже научился грамоте, и теперь был едва ли не единственным на Новоорлеанских болотах, кто умел читать, писать и считать. Практически интеллеktуал. Да что там! Учёный! У Флойда и лаборатория была, в которой он изготовлял мет и другие забористые вещества, которыми упарывался сам и премировал наиболее отличившихся подданных, коих, не считая баб и сопляков, под рукой Флойда собралось два десятка.

Флойд был настоящим королём Нового Орлеана.

С юных лет Флойд усвоил для себя простую истину: если хочешь быть главным, сделай так, чтобы тебя боялись. И он сделал. Причём, боялись его не какие-нибудь бородастые фермеры с Пустоши, рыбаки или кожаные полупидоры в байкерском прикиде, которых все зовут рейдерами, а самые отъявленные подонки и отморозки во всей Луизиане, которых вышеназванные слизняки именовали не иначе как

психами. Стоило кому-либо из психов прогневать Флойда, и с неудачником происходили поистине страшные вещи, историями о которых рыбацкие мамки ещё долго будут пугать своих детишек.

Этим вечером Флойд с Горбатым Биллом и дюжиной подручных головорезов пришли к перекрёстку Эрхарт-бульвар и Гамильтон-стрит, чтобы выяснить, какого хрена там могли делать рыбаки из Ривер Ридж, которых его люди видели там пару часов назад. И каково было удивление Флойда, когда он увидел привязанных к светофорным столбам трёх баб! Две снежинки и мулатка. Одна толстая, с рыжими косичками, похожая на свинью. Едва увидев эту хрюшку, Флойд сразу определил её на барбекю. Вторая – тощая как доска, с крысиной мордой и окрашенными в фиолетовый цвет патлами. С её судьбой Флойд решил определиться позже, поскольку там ни есть, ни трахать было нечего. А вот насчёт мулатки у Флойда не возникло сомнений. Однозначно в гарем! Да ещё и эта табличка над ней...

– Ух ты, какая цы-ы-ыпочка! – протянул похожий на обезьяну уродливый негр-горбун, под три сотни фунтов весом, осмотрев с ног до головы привязанную к столбу Хезер. – Флойд, дружище, а что это там написано? – горбун указал коротким кривым пальцем на болтавшийся над головой у Хезер кусок картона.

– Там написано, Билли, что этой киске нужен большой ниггерский член, – басовито гоготнул Флойд.

Он не стал говорить другу, что на табличке было написано ещё и что он – Флойд – рваный обосранный гондон и сын шлюхи, и что, если он появится близко к Ривер Ридж, его нахер пристрелят как дикого пса.

– Ну-у... – Горбатый Билл поскрёб плоский затылок. – Похоже, эта киска нашла своего ниггера... – Он осклабился, показав крепкие белые зубы. – А я, если ты не будешь против, познакомил бы вон ту, фиолетовую, с моим хоботом... – Горбун кивнул на привязанную к светофору на другой стороне улицы Андреа.

– Да без проблем!

– Вот отлично! – обрадовался горбун. – А что с Пеппой? – Он выразительно посмотрел на Пегги. – На барбекю?..

– На барбекю, – ответил Флойд. – Устроим сегодня праздничный ужин!

Человек

Человек – это единственная сила в космосе, могущая действовать разумно и, преодолевая самые чудовищные препятствия, идти к целесообразному и всестороннему переустройству мира...

Иван Ефремов, «Сердце Змеи»

Пролог. Послание

Приветствую вас, друзья! – все, кто приняли и сумели расшифровать это послание! Кто бы вы ни были и какова бы ни была среда вашего обитания, приветствую вас!

Меня зовут Человек.

Это имя вида, из которого произошёл я и другие – такие как я.

У меня много имен, но для вас все они будут малоинформативны. Поэтому, зовите меня просто – Человек.

Я странник. Я вернулся в этот Звёздный Диск – мы, люди, называем его «Галактика» или «Млечный Путь» – чтобы посетить одну из малых звёзд, в свете которой в далёком прошлом зародился наш вид. Это место мы называем «Рукавом Ориона».

Пять полных оборотов Звёздного Диска минуло со време-

ни, когда я покинул его, чтобы исследовать соседние Диска – мы называем их «Андромедой» и «Треугольником».

Для удобства понимания этого послания, я прилагаю список основных понятий, расстояний и обозначений с привязкой к звёздным маякам Млечного Пути. Для изучения списка используйте тот же двоичный код, с помощью которого вы смогли понять язык этого послания.

Мой вид зародился и эволюционировал на основе углерода восемь галактических оборотов назад на одной из планет, обращающихся вокруг жёлтого карлика – звезды-одиночки в Рукаве Ориона. Имя нашей планеты-колыбели «Земля»; имя звезды «Солнце». Долгое время мы были животными, но нам пришлось измениться и теперь мы то, что мы есть.

Вначале мы были уязвимы и смертны. От времени возникновения первых, тогда ещё разрозненных, обществ и до времени, когда мы стали единой цивилизацией, когда мы стали достаточно разумными для того, чтобы полностью прекратить всякое противостояние между отдельными индивидами и группами, наша планета успела совершить многие тысячи витков вокруг звезды. Этот период мы назвали «Темными веками».

Вражда, идеи соперничества и использования слабых сильными долго держали нас в заложниках обстоятельств и несколько раз едва не стали причиной гибели нашей цивилизации. Лишь отказавшись от соперничества и объединившись, мы смогли измениться настолько, что перестали

быть зависимыми от среды, и тогда мы распространились за пределы нашей первой системы. Впоследствии мы назвали этот период «Эрой Свободы».

Потом мы все изменились. Некоторые из нас сохранили прежний вид, другие стали как я. Но все мы теперь иные. Возможно, наши далёкие предки назвали бы нас «богами».

Я не имею строго определяемой формы, размера, плотности и могу принять любой вид для удобства вашего восприятия. Вы можете не опасаться вредящих излучений или биологического заражения при контакте со мной – продукты моей жизнедеятельности не загрязнят вашу среду.

Возможно, вы уже встречали таких как я – кого-то из моих братьев или сестер. Они должны были представиться вам тем же именем, что и я, – оно общее для всех нас. Если ваша встреча состоялась, тогда вы уже знаете, что можете мне доверять. Если нет и я – первый, чье послание вы приняли, то решать вам – ответить мне или промолчать. Я не оскорблюсь вашим нежеланием контактировать, каким бы не было ваше решение, я отнесусь к нему с уважением.

Я не представляю опасности для вас, как и вы не можете представлять опасности для меня.

Я говорю это не для того, чтобы запугать вас. Боящийся всегда опасен, мне же нечего бояться и потому я – не враг вам.

Если вы воинственны, то считаю важным предупредить вас: не пытайтесь причинить мне вред. Это невозможно.

Вы напрасно потратите силы и средства. Моё предупреждение – не угроза. В любом случае, я не стану отвечать агрессией на агрессию. Я отрицаю агрессию. Мне чужда месть. Я не причиняю вред, не творю зла. Я – Человек.

Глава I. Империя

– Итак, кто из вас уверен в том, что этот... *Человек...* не станет на нас нападать? – спросил Император у собравшихся перед тронном.

Последовала короткая пауза, во время которой стоявшие полукругом посреди тронного зала министры, советники, учёные, генералы и с ними Первосвященник мельком переглядывались, и никто не решался заговорить первым. Тогда, окинув всех тяжёлым взглядом, правитель остановился на одном из советников:

– Что скажете, граф? Чего нам ждать от этого пришельца? Стоит ли нам ответить ему?

Граф, поджарый господин с седыми бакенбардами в расшитом золотыми фамильными гербами камзоле, принял строгую стойку и произнёс:

– Полагаю, что нет, ваше величество.

– Отчего же? – поинтересовался Император.

– В послании, – несколько раз учтиво склонив и восклонив выю, обстоятельно начал граф, – говорится: *идеи соперничества и использования слабых сильными долго держали нас в заложниках...* Что это может значить? Не то ли, что в обществе *людей* однажды возобладали противные Божьему Закону идеи, подобные проповедуемым некоторыми нашими смутьянами, что смеют возносить хулу на Господа, ска-

завшего в Писании через Пророка: «рабам повелеваю повиноваться владеющим господам своим, и худародным почитать благородных и начальства»? Кроме того, он сообщает, что бессмертен и подобен *богам*... что явно свидетельствует о его высокомерии и гордыне... и, если он не лжёт, о своей силе... Что, если он захочет свергнуть ваше величество и править нами?..

– Это вряд ли... – возразил графу учёный.

– Что? – рассеянно переспросил его граф.

– Вряд ли, – снова повторил учёный. – Скажите мне, досточтимый граф, зачем ему наша планета, если он способен странствовать среди звёзд?

Граф пробурчал что-то себе под нос, но не нашёл, что ответить.

– Ваше величество, – обратился учёный к Императору, обозначив при этом требуемый правилами поклон, но без графьего усердия. – Я думаю, вам следует ответить *Человеку* приветствием и пригласить его быть гостем в нашем мире.

– Вы всерьёз полагаете, что это безопасно, мой друг? – с сомнением произнёс правитель.

– Те знания об окружающем наш мировой шар пространстве, которыми я, милостью Господа, обладаю, подсказывают мне, что здесь, в нашем мире, нет ничего такого, чего бы *Человек* не смог найти там... – Учёный мельком взглянул вверх, в расписанный сценами из Священного Писания потолок тронного зала, – ...среди звёзд и обращающихся во-

круг них других мировых шаров или *планет*, как называет их *Человек*.

– Сын мой! – возвысил голос первосвященник. – Вы говорите так, словно наш благословенный Господом через Пророка мир не свят и не первый среди миров...

– Нет, высокопреосвященный отец, – вежливо ответил учёный, – я этого не утверждал. Я не имел в виду святость и благодать, которые от Господа, а говорил лишь о веществе, из которого Бог создал наш мир, звёзды и другие миры... Вещество это одно и то же везде. И это ни в коем случае не должно оскорблять ни вас, ни Господа.

– Хватит, Бога ради! Довольно! Не превращайте совещание в богословский диспут! – всплеснул руками Император. Учёный с первосвященником тут же умолкли. – Давайте о деле! Итак, назовите мне причину, – обратился он к учёному, – по которой мне стоило бы приветствовать этого *Человека* и пригласить его к нам?

Учёный не стал мяться и сказал прямо:

– Таких причин несколько. Первая причина состоит в том, что наша наука могла бы почерпнуть от него такие знания, с помощью которых мы смогли бы *сделать наш мир лучше*... Вторая причина: я уверен в том, что странствующий меж звёзд *Человек* сможет научить тому и нас, и тогда, в будущем, мы сможем присоединить к Империи вашего величества другие мировые шары, что обращаются вокруг нашего благословенного Господом солнца...

– ...Какая гордыня!.. – начал было первосвященник, но Император сделал совершенно определённый знак кистью и тот замолчал.

– ...И третья причина... – продолжал тем временем учёный. – Уже сам факт первого контакта с разумным существом из иного мира, прославит ваше величество в веках. Ваше имя будет вписано в историю не только как имя ещё одного из Императоров Мира, а как имя...

– ...Пророка? – с иронией вставил Император, вызвав на бородатом лице первосвященника натренированную гримасу благоговейного ужаса.

– ...Как имя того, – невозмутимо продолжил учёный, – кто принял бессмертного космического странника как хозяин гостя. – Учёный снисходительно посмотрел на первосвященника и снова обратил лицо к Императору. – Пророк видел самого Бога, а ваше величество станет тем, кто принял одного из божьих сыновей, что был сотворён в другом, невообразимо далёком уголке мироздания... – сказал учёный и, помолчав, закончил свою речь словами: – Это не сделает вас Пророком, но возвеличит среди великих.

Учёный умолк. Правитель некоторое время в раздумьях постукивал пальцами по подлокотнику трона, глядя поверх собравшихся. Никто при этом не осмелился прервать размышления Владыки Мира. Когда же, наконец, мысли его пришли в состояние покоя, он посмотрел направо, туда, где стояли военачальники. Выделив взглядом главного из них –

дородного, широкоплечего старика в густо увешанном орденами и медалями мундире полководца с повязкой на правом глазу, – обратился к нему:

– А вы что думаете, генерал?

Полководец подтянулся, хрюкнул и бодро «вышел из строя», брякнув медалями.

– Я думаю, ваше величество, – чётко произнёс он, – только то, что следует из принципов военной науки.

– И что же из этих принципов следует? – серьёзно спросил Император.

– То, ваше величество, что нам нельзя отвечать этому *Человеку*, – уверенно сказал Генерал. – Мы не знаем *кто* он и *что* он. Действительно ли он одинокий странник меж небесных светил, или передовой дозора могучей и наверняка превосходящей нас в силах армии поработителей... – Генерал значительно помолчал, давая всем проникнуться сознанием нависшей над миром угрозы, после чего продолжил: – Послание *Человека* может оказаться коварной тактической уловкой, призванной ослабить бдительность потенциальной жертвы. Я настоятельно советую вашему величеству на него не отвечать. Ошибка может стать роковой для всего нашего мира, – обеспокоенно закончил Генерал и, пошумев регалиями, «вернулся в строй».

– Ну, что теперь скажете, друг мой? – снова обратился Император к учёному. – Уважаемый генерал выразил, на мой взгляд, вполне разумные опасения...

– При всём уважении, ваше величество, к вам и досточтимому генералу, – произнёс учёный, – считаю должным возразить.

– Что же, – улыбнулся правитель, – попробуйте.

Учёный быстро покивал и глубоко вдохнул.

– Наш благословенный Господом мировой шар, – заговорил Учёный, – хоть он и прекрасен и история его исполнена славой наших предков, а небо его окутано привлечённой их молитвами благодатью, тем не менее, является лишь малой песчинкой в великом творении Всевышнего. Даже в сравнении с нашим солнцем, не самым большим среди солнц, он очень и очень мал. Как я уже сказал, в нашем мире нет ничего такого, чего бы не было в других мирах... Большинство солнц, что мы наблюдаем, имеют при себе миры, большие и маленькие, состоящие из камней и железа, изо льда и газов, воды и неизвестных нам веществ. Кроме того, существует множество малых миров и просто гор и камней, подобных тем, что составляют Великий Каменный Пояс, лежащий за Матерью Семи Лун, которую мы видим в небе каждую ночь. В таких поясах *Человек* легко может найти любое нужное ему вещество, вплоть до золотых слитков, каких нельзя получить, даже если собрать воедино всё золото нашего мира... Но я сомневаюсь, что *ему* может понадобиться столько золота...

– Но, что же тогда *ему* может понадобиться от нас? – недоуменно спросил Император. – Зачем-то же он ищет обще-

ния с наделёнными разумом существами! Ну, хорошо... Я готов согласиться с тем, что Генерал сгущает краски: коль уж этот *Человек* бессмертен и странствует среди звёзд и этих... «*Звёздных Дисков*», то уж точно может приобрести всё ему необходимое, не прибегая к войне и не отнимая силой нужное у разумных божьих созданий. Но! Зачем ему мы?

Император уставился на учёного, ожидая от того немедленного ответа. И учёный ответил:

– А разве одно только желание обогатиться чем-то вещественным может служить причиной и поводом к тому, чтобы искать общения? – Он замолчал, продолжая смотреть на правителя.

– ...возмутительно... – послышалось тихое раздражительное ворчание благочестивого графа. На него шикнули, и граф умолк. Ни Император, ни учёный не обратили на это внимания.

– Нет, – наконец сказал Император. – Но, что же тогда?

Учёный пожал плечами.

– Может, – немного подумав, предположил он, – *Человек* ищет общения ради общения? А может, им движет жажда познания? *Человек* ищет ответы? Что может интересовать *бессмертного*?

– Да какого, к дьяволу, ещё *бессмертного*! – вспылил вдруг набожный граф. – Вам же господин генерал ясно сказал: послание вполне может оказаться фальшивкой!

– Досточтимый граф, – спокойным тоном ответил ему

учёный, – прошу вас, держите себя в руках и не поминайте того, кого вы помянули *здесь*... хотя бы из уважения к высокопреосвященному отцу...

– Ну, всё, хватит! – остановил перепалку правитель. – Я учту прозвучавшие здесь аргументы, когда буду принимать решение по делу послания от *Человека*... У кого-нибудь есть ещё что сказать? – Император окинул взглядом собравшихся перед ним.

Молчание.

– Что ж, тогда совещание окончено. Можете идти.

Снаружи стоял солнечный летний день. Тёплый лёгкий ветерок пропитан запахами цветов и деревьев, окружавших императорский дворец. Неподалёку шумели фонтаны, щебетали спрятавшиеся от солнцепека среди древесных крон птицы. Ветерок доносил от фонтанов мелкую водяную пыль, которая оседала на широких мраморных ступенях дворца и тут же превращалась в пар.

Спустившись по ступеням, учёный, в сопровождении слуги и двух телохранителей, направился по аллее с фонтанами к месту, где парковались машины министров и советников.

Он размышлял о последних словах Императора. Какие ещё «аргументы»? «Аргументы» генерала – этого старого дуболома? Этот придурок всерьёз думает, что того, кто способен преодолевать миллионы световых лет, может интересовать такая глупость, как война с кучкой дикарей, насе-

ляющих крохотную планетку! Или взять графа... Лицемерный мерзавец боится, что привычный ему мир, в котором он – граф, изменится, будет отменено рабство, дураков наконец станут называть дураками, невзирая на их «высокородство»... С первосвященником всё понятно... этот мракобес ни в чём не разбирается, кроме своих священных басен... И мнения *этих* он – Император – собрался учитывать!

Он считал Императора разумным и небесталанным человеком, – считал искренне, а не потому, что его величество положено превозносить. Учёный был одним из тех, кого Император называл «мой друг». Неужели он станет слушать этих придворных льстецов и воинствующих дураков?! Ведь это исторический момент! Первый контакт! До следующего такого шанса могут пройти тысячелетия!

Учёный сел в полагавшийся ему по чину Министра науки и просвещения спецавтомобиль – большой, тяжёлый, с бронированными бортами и стёклами – и рассеянно кивнул шофёру. Шофёр за разделявшим кабину и министерский салон стеклом учтиво кивнул в ответ, и машина тронулась. Вместе с ним в салоне сидели слуга и один из охранников, так тихо, что учёный их даже не замечал; второй охранник сидел в кабине с шофёром. Прохладный воздух в салоне был свежим, без запахов. Учёный нажал на двери одновременно две клавиши, и расположенные друг против друга бронированные стёкла поползли вниз, наполняя прохладный, свежий без запахов воздух салона коктейлем из ароматов императорского

сада, мелодичными трелями и щебетом.

Учёный не зря занимал пост министра. Он не был потомственным графом или князем. Но зато он был гением. Прежде чем стать министром и другом Императора, он успел внести значительный вклад в науку. Одна только теория относительности, разработанная им ещё в молодости – уже достаточный повод внести его имя в список величайших столпов Знания, когда-либо живших. Он уже вошёл в историю и был удовлетворён сознанием этого несомненного факта. Это его удовлетворение не имело ничего общего с удовлетворением, скажем, генерала, успешно разгромившего народное восстание; глубокое понимание принесённой обществу пользы, приближавшей его к процветанию и светлому будущему – вот, что было основанием удовлетворения учёного. Учёный твёрдо знал, что живёт не зря. В науке он сделал всё, на что был способен, и теперь почивал на лаврах. Он старался быть не самым плохим министром, отдавал много сил просвещению: открывал школы и университеты, сумел убедить Императора ввести обязательное начальное образование для рабов и крепостных, создал условия для отбора талантов из среды низших слоёв общества и их дальнейшего роста в подчинённой ему системе образования и науки. И вот, когда все главные дела в его жизни казались завершёнными – теории открыты, семена просвещения посажены, и оставалась одна рутинная работа, ему докладывают из главной обсерватории мирового шара: *из межзвёздной пустоты поступа-*

ет странный сигнал...

Когда машина покинула территорию дворца, и салон наполнился выхлопными газами с улицы, учёный закрыл окна и настроил кондиционер на усиленную вентиляцию. Нажав кнопку связи с шофёром, он распорядился: ехать в Академию наук.

Спецавтомобиль ехал по улицам столицы в сопровождении машин охраны и городских карабинеров. На тротуарах и аллеях в сопровождении опрятных служанок и рабынь прогуливались под зонтиками благородные дамы в лёгких летних платьях всех цветов радуги. На самом деле, дамы не превосходили числом мужчин: кавалеров и респектабельных господ (не говоря уже о многочисленных рабах), но в сравнении с представительницами слабого и вместе с тем прекрасного пола, мужчины, одетые менее ярко, смотрелись бледными тенями, странным образом потерявшими своих хозяев. Глаз сам собой фокусировался на ярком, насыщенном цвете и изящном – на женщинах. Столица всегда славилась обилием красавиц. Учёный задумчиво смотрел в окно, словно рассматривал прохожих дам, но на самом деле он никого не замечал. Все его мысли вертелись вокруг *послания* и *Человека*.

Он и не заметил, как оказался посреди большого комплекса Академии, раскинувшегося на территории размером в несколько городских кварталов. Машина остановилась, учёный, не дожидаясь слуги, сам открыл дверь и быстрым ша-

гом направился в центральному зданию, где располагался президиум.

В вестибюле его уже встречали молодой, подающий большие надежды профессор и несколько сотрудников. Профессор руководил проектом с лаконичным названием «Послание», сотрудники координировали отдельные направления проекта. Секретность проекта обеспечивалась принятыми спецслужбами министерства весьма серьёзными мерами предосторожности: официально группа профессора занималась совсем другими делами (достаточно важными, чтобы оправдать прямое участие в них Министра).

– Ну, как продвигается работа? – бросил он на ходу, направляясь к лифтам.

– Есть определённые успехи, господин Министр, – ответил молодой начальник проекта.

Они вошли в лифт и вскоре оказались в кабинете профессора. Когда дверь за ними закрылась, учёный перешёл к делу:

– Как скоро Император сможет обратиться к *Человеку*?

– Эм... Хорошо бы поработать с устройством ещё... пару дней... – осторожно ответил профессор, – всё ещё раз перепроверить... Но, если его величество пожелает сделать это сегодня... то, я думаю, вполне сможет.

– Вы уверены? – мягко уточнил учёный.

– Процентом на девяносто пять, – честно признался молодой профессор. – Мы отправляли контрольные сообще-

ния на специально для этого созданный приёмник-дешифратор по оптоволокну. Дешифратор преобразовал полученные данные в язык *Человека* и после отправил обратно... Обратный перевод немного отличается от исходника, но вполне понятен...

– Сколько раз повторяли алгоритм?

– Больше сотни. Результат один и тот же: незначительная погрешность...

– Как сами думаете, – спросил тогда учёный, – *Человек* поймет Императора?

Профессор улыбнулся:

– Он же не умственно отсталый...

Учёный согласился и тоже улыбнулся. Учёному нравился молодой профессор; он напоминал ему его самого в молодости.

– Но, – продолжил профессор, – думаю, будет лучше если его величество в своём обращении не станет употреблять сложных конструкций, которые могут быть поняты двояко... Всё же другой разум...

– Да, конечно, – покивал учёный. – Я ему всё подробно объясню.

– И то, что ответа он не дожждётся...

– И это тоже.

Он не сказал Императору о том, что источник послания – стало быть, сам *Человек* – находился в сотне световых лет от их мирового шара и о том, *что* это значило...

Тридцать пять-тридцать семь лет – такова средняя продолжительность их жизни. Самому старому долгожителю сейчас сорок восемь и это – дряхлый, уже выживший из ума старик. Учёный как никто другой понимал, что такое скорость света – какой это жестокий стражник, вставший между мирами. Учёный не надеялся на то, что контакт с пришельцем состоится при его жизни, но он не стал сообщать об этом его величеству.

Он не солгал, просто не сказал всей правды. Иначе вряд ли ему бы позволили тратить огромные средства на этот «бесперспективный» проект. «Бесперспективный», разумеется, в понимании таких дураков, как граф, или как генерал. Он не солгал, когда сказал о том, что Император войдёт в историю как пригласивший *Человека* быть гостем в их мире. Да, *не он* – нынешний Правитель Мира – примет звёздного странника. Эта честь достанется одному из его дальних потомков – даже не правнуку. Но учёный не сомневался в том, что эта далёкая встреча принесёт благо всему его миру. Возможно, что их потомки даже станут *бессмертными*... как *Человек*. Учёный понимал: чтобы странствовать меж звёзд, нужно быть, если не бессмертным, то уж точно древним, как сам мир. Он сказал Императору о перспективе присоединения к Империи других мировых шаров... но, разве Империя, в которой будет править его потомок, не будет той же Империей?

Они должны ответить *Человеку*! Обязаны это сделать. Ради будущих поколений. И даже если его, учёного, за сокры-

тие им части правды накажут, он всё равно не должен отступаться от задуманного. Не имеет права.

Когда они остались с молодым профессором одни, учёный сказал:

– Вы ведь понимаете, *почему* я до сих пор не сказал ему?

– Да, конечно, понимаю.

– Вот и хорошо. Держите это в секрете. Я с этим разберусь.

Тем вечером учёный с супругой собирались посетить театр и после – ресторан. Он уже облачился в вечерний костюм и отпустил помогавшего ему слугу. Поправив перед зеркалом седые волосы, Учёный вышел из комнаты и направился к спальне супруги. Но, не успел он сделать и десяти шагов, как впереди, из примыкавшего коридора послышался знакомый дребезжащий звук и спешащие шаги, а через несколько секунд из-за поворота появился запыхавшийся дворецкий. В руке дворецкого был радиотелефон, который учёный оставил в библиотеке.

Увидев хозяина, дворецкий ускорился. Подбежав, старый слуга протянул ему продолжавший настойчиво дребезжать подобно металлической трещотке аппарат, почтенно склонив при этом порядком полысевшую голову.

Звонили из императорского дворца.

Учёный ответил. На связи был секретарь-референт Императора. Официально-учтивым тоном секретарь сообщил,

что Император желает его видеть и поинтересовался: как скоро он будет. Учёный сказал, что не задержится, и секретарь, попрощавшись, положил трубку.

Он извинился перед женой за сорванные планы на вечер, — та, едва выслушав оправдания мужа, тотчас признала их уважительными и, проводив его до дверей, твёрдо заявила, что дела государственные важнее театра. Ободрившись напутствием супруги, учёный сел в спешно поданную машину и отправился во дворец.

На министерской стоянке учёный заметил машину генерала, и это обстоятельство сразу вызвало в нём неприятное чувство тревоги. Что здесь делает этот старый солдафон? Неужели ему снова придётся объяснять регалистому дураку очевидные вещи?

Быстро темнело. Солнце уже коснулось горной гряды, что протянулась на северо-западе от столицы. В сопровождении неизменной свиты из охранников и вездесущего слуги, учёный зашагал по аллее с фонтанами через перечерченный длинными тенями гостевой сад.

У входа его встретил сенешаль и проводил в вечерний кабинет Императора.

Император, заложив ладонь за борт лёгкого кителя без знаков отличия, прохаживался вдоль ряда из семи высоких в потолок окон, за которыми раскинулся внутренний императорский сад с небольшим озером; вдоль аллей и на на-

бережной озера включились электрические фонари. Поравнявшись с пятым по счёту окном, Император бросил долгий задумчивый взгляд сквозь идеально прозрачное стекло, после чего обернулся вполоборота и угрюмо взглянул на вошедшего учёного.

– А, это вы, мой друг... – невесело сказал правитель. – Я вас как раз ждал...

– Ваше величество.

– Прошу вас, проходите... – Император указал рукой в направлении округлого эркера, расположенного в углу кабинета, на стыке двух внешних стен дворца; днём это была самая светлая часть в помещении. – Садитесь... – кивнул он на одно из стоявших там кресел, а сам сел в другое, такое же, стоявшее напротив.

Учёный сел и выжидающе посмотрел на Императора. В голове его при этом, не переставая, крутились разные предположения, в которых, так или иначе, участвовал генерал. Наиболее вероятным было предположение о том, что старому вояке удалось что-то разузнать о проекте, и он тут же всё выложил правителю.

– Сегодня до меня дошли кое-какие слухи о вашем *проекте*... – произнёс Император и осёкся, ожидая, что учёный дальше всё сам расскажет.

– Полагаю, источником этих слухов стал генерал? – уточнил учёный.

Учёный, всегда прямолинейный в частных беседах с Им-

ператором, во многом этой своей прямою заслужил расположение к нему последнего. В отличие от генерала, графа и большинства других чиновников, учёный не был подхалимом и не отличался угодливостью.

Так уж повелось в этом мире, что холуи и льстецы часто достигали служебных высот, становились генералами и министрами, верно служили своим монархам, но никогда ни один правитель не питал к таковым искреннего расположения, если только не был дураком. Ибо только низкие хамы и дураки могут любить льстецов и подхалимов. Император же не был ни тем, ни другим.

– Верно, – ответил Император. – Как вы догадались?

– Видел его машину.

Правитель согласно покивал и перешёл к главному:

– Шпионам генерала удалось установить подслушивающее устройство в Академии наук. Им удалось записать ваш разговор с ведущим проект профессором, и генерал лично привёз мне плёнку.

– И что же из содержимого этой подлой плёнки вас смутило?

Небрежно закинув ногу на ногу, Император откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на учёного:

– Вы сказали, что я не дождусь ответа... Как это следует понимать?

Учёный не ошибся в своих предположениях.

– Ну, что ж, – задумчиво произнёс тогда он, – придётся

мне вам сознаться...

– Давайте, мой друг, покончим с этим.

– Послание, – сказал учёный, – пришло из области межзвёздной пустоты, лежащей в сотне световых лет от нашего мира... – Он прямо посмотрел на Императора и добавил: – То есть, иными словами, свет *оттуда* летит к *нам* примерно сто лет.

– Стало быть, – подумав, сказал Император, – наш ответ будет получен *Человеком* через столько же?

– Да.

– И это всё, что вы от меня скрыли?

– Да.

Правитель некоторое время молча смотрел в окно.

– И... ничего нельзя поделать с этим? – наконец спросил он.

– На сегодня науке неизвестны способы обхода этого ограничения, – покачал головой учёный. – Свет, – сказал он, помедлив, – способен двигаться во внешней пустоте с чудовищной скоростью, но и скорость эта ничтожна, в сравнении с теми расстояниями, что лежат между звёздами... Вот, например, взять наше светило... Свет, испущенный им, достигает нашего мирового шара лишь через одиннадцать с половиной минут. То есть, если бы наше светило вдруг внезапно погасло, мы бы ещё одиннадцать с половиной минут продолжали видеть его в небе...

Учёный замолчал, глядя перед собой. Лишь спустя дол-

гую минуту, Император ответил ему:

– То, что вы сказали, страшно.

– Да. Очень страшно, – медленно кивнул учёный. – Меня повергают в трепет эти расстояния... Мне страшно думать, что где-то там... – он посмотрел сквозь окно эркера на уже достаточно потемневшее небо, на котором проступили первые звёзды, – рождаются и погибают миры, жители которых обречены на вечное одиночество... Я уверен, для них рано или поздно наступает время, когда они начинают понимать то, что только недавно поняли мы: они понимают, что не одни и понимают, что никогда, никогда они не смогут дотянуться до собратьев по разуму... и причина, по которой они этого не смогут сделать – та, которую я сейчас назвал – скорость света. Ничто не способно обогнать свет. Это невозможно, неосуществимо в принципе...

– Если только не стать *бессмертными*... – произнёс Император.

– Да, как *Человек*.

– Теперь я понимаю, почему вы так хотите, чтобы мы ответили *ему*.

– Прошу вас, скажите это!

– Потому, – продолжил Император, – что такая возможность может оказаться единственной. Если мы промолчим сейчас, наши потомки могут не дожидаться другой такой...

– Сменяются поколения, изменится лицо мира, пройдут тысячелетия, сотни тысячелетий, тысячи тысячелетий, солнце

померкнет и мир скуёт лед... а потом наступит смерть...

– Мне страшно, друг мой, – тихо сказал правитель. – Страшно за этот мир, над которым меня поставил Господь. – Он посмотрел в сторону, в окно, за которым горели гирлянды фонарей; их отражения блестели ровными полосками на озёрной глади. Учёный мельком взглянул на Императора и заметил, как глаза могучего атлета со стальными от седин волосами блестят от затянувшей их влаги. – Мы обязаны ответить, – помолчав, сказал он. – И пускай мы с вами умрём от старости, и дети наши умрут, но те, кто придут после, встретят *его*.

– И, может быть, станут как *он*, – произнёс учёный.

– Может быть, – ответил Император.

Когда учёный сел в машину, он взял у слуги радиотелефон и набрал номер молодого профессора.

– Готовьте устройство, – сказал учёный. – Завтра его величество ответит *ему*.

– Всё уже готово, господин министр, – заверил его молодой профессор. – Не беспокойтесь. Мы немного доработали алгоритм... всё пройдет как надо.

– Хорошо. Тогда до завтра!

Он завершил звонок и вернул радиотелефон слуге. Слуга принял аппарат и как-то странно посмотрел на учёного, потом повернул лицо к телохранителю и коротко кивнул. Телохранитель кивнул в ответ, достал пистолет и выстрелил учё-

ному в голову.

Убедившись, что учёный мёртв, слуга извлёк из кармана небольшое устройство с выдвижной телескопической антенной и девятью переключателями-тумблерами, расположенными в три ряда по три в каждом. Выдвинув антенну, слуга переключил часть тумблеров в верхнее и часть – в нижнее положение, после чего послышались щелчки и устройство ответило голосом первосвященника:

– Слушаю тебя, сын мой.

– Ваше высокопреосвященство! – с благоговением произнёс слуга. – Мы выполнили наш долг. Соблазнитель мёртв...

Той ночью у Императора, прежде совершенно здорового и полного сил, случился удар, приковавший его к постели. На пятый день Император Мира умер, так и не придя в сознание.

Молодой профессор погиб в тот же вечер в автоаварии. Он возвращался домой из института и по дороге не справился с управлением. Его машина вылетела с дороги в кювет.

Едва профессор покинул здание института, в здании случился пожар, в котором погибло большинство сотрудников, занятых в проекте «Послание». Созданная ими машина – устройство, предназначавшееся для кодирования ответа *Человеку* и расшифровки посланий от *него*, если бы таковые поступили – была уничтожена.

Избежавшие смерти при пожаре сотрудники института

погибли при разных обстоятельствах в течение последующих трёх суток.

Серия подозрительных смертей учёных средствами массовой информации не была замечена, – несчастье с Императором стало в те дни новостью номер один, – а немногие заметившие и заинтересовавшиеся (как, например, один следователь из городских карабинеров, или начальник охраны Академии наук) очень скоро исчезли.

Наследником Императора был объявлен его несовершеннолетний сын, при котором регентом был назначен благочестивый граф, произведённый в день назначения в герцоги.

Интермедия. Человек

Он возвращался домой – в место, которое оставил восемь галактических лет назад. Тогда, в самом начале пути, он был совсем другим. Его скромные в то время базы знаний даже отдалённо не были сравнимы с теми массивами информации, что собрал он за почти два миллиарда земных лет странствий.

Он видел поглощённые Андромедой ядра древних галактик, отправлял зонды к коронам гипергигантов в эмиссионных туманностях Треугольника, был свидетелем взрыва сверхновой в Большом Магеллановом Облаке, во время которого потерял часть себя. Он говорил с более древними, чем он сам, разумами – учился у них; видел, как зарождается жизнь в молодых мирах и как она вскоре угасает, едва сделав первый шаг в близлежащее пространство... видел то, что остаётся от цивилизаций-самоубийц: радиоактивные руины на мёртвых планетах. Он изучил историю этих миров и использовал полученные знания, чтобы предотвратить её повторение в других, вставших на краю гибели, но ещё способных сделать шаг назад от пропасти. Он не вмешивался, не использовал свою силу в качестве аргумента; он лишь показывал им то, что видел и оставлял самим решать, как поступать дальше. Когда его просили о помощи, он помогал, когда просили не вмешиваться – не вмешивался.

Он был плывущим среди звёзд облаком. Был разрезан и холоден, был почти невиден. Не потому, что скрывался, а просто так ему было удобней: атомы-машины, из которых он состоял, в своей подавляющей массе пребывали в покое, в глубокой спячке. Активны были части облака, в которых его копии вступали в диалектические взаимодействия и творили.

Облако имело форму сильно размытого обоюдного конуса, расстояние между головной и хвостовой вершинами которого составляло около семидесяти, а в самой широкой части – около двадцати пяти парсек. Двигаясь напрямик к Рукаву Ориона, он окутывал целые звёздные системы, создавая при этом в своём облачном теле подвижные гроты и пузыри или открывая тоннели. За границы Оортовых облаков он обычно отправлял исследовательские зонды, которые формировал из небольших объёмов своего вещества, которое ему приходилось уплотнять и втягивать вглубь себя, образуя те самые пузыри и тоннели, дабы притяжение звёзд не сыграло с ним злую шутку – не притянуло и не оторвало часть от него. Пропускать звёзды сквозь себя лучше, чем уподобляться змее, ползущей среди стоящих тут и там деревьев – земная метафора (некоторые из его копий любили такие метафоры; они держали в памяти всё, что он помнил о Родине). Таким образом, внутри него иногда оказывались десятки звёздных систем одновременно; он находил это ощущение приятным. Пропуская звёзды сквозь себя, он познавал

их, и после, когда они оказывались далеко позади, чувствовал грусть, как мог бы грустить его далёкий предок, однажды побывавший в красивом месте и вынужденный навсегда его покинуть. Он знал, что в следующий раз, когда (и если) он вернётся к этим Звёздам, они будут уже другими и, возможно, у них даже появится своя разумная жизнь...

Он создал Ковчег, в котором собрал редкие образцы неживой материи и наиболее интересных представителей неразумной жизни, обеспечив каждому виду достойную среду. Он расположил Ковчег в головной вершине биконического облака. Это был цилиндр длиной в один миллион земных километров и диаметром в пятьдесят тысяч. Внутри цилиндра он поместил пятьсот тысяч изолированных друг от друга и вращающихся с разными скоростями миров-колец; в кольцах он воссоздал условия для обитания различных видов с разных планет из разных систем в разных галактиках. Ковчег был его даром Родине – Солнечной Системе Земли. В самом первом из миров-колец Ковчеха была воссоздана земная биосфера, её населяли земные организмы от архей до разнополых копий его самого.

Он, Человек, создал Ковчег более полутора миллиардов лет назад, и всё это время, с первых дней своего существования, межгалактический корабль по имени Ковчег непрерывно передавал в пространство зашифрованное простым двоичным кодом послание, начинавшееся словами: *Привет-*

ствую вас, друзья!..

Глава II. Республика

– Господин Президент! – на возникшем перед правителем мирового шара экране появилось лицо Министра безопасности. Лицо это, обычно неизменно волевое, широкое, с крепким, немного сплюснутым носом, квадратным подбородком и острыми с прищуром голубыми глазами впервые показалось правителю бледным.

– Я вас внимательно слушаю, господин министр... – ответил Президент.

Президент сидел в глубоком кресле с высокой спинкой за столом в рабочем кабинете президентского дворца. Пять минут назад закончилось очередное экстренное совещание с министрами экономики, внутренней политики и губернаторами восьми провинций метрополии. Перед тем была двухчасовая встреча с Министром науки, – обсуждали последние сведения о корабле пришельцев и его устройствах. Министра безопасности Президент последние два дня видел только по видеосвязи, – старый солдат вторые сутки неотлучно находился в объединённом штабе, где занимался своими прямыми обязанностями – координировал работу штаба, отдавал приказы генералам, держал связь с учёными из Министерства науки. С Президентом Министр безопасности связывался ежечасно в строго определённое время, следующий звонок от него ожидался через четверть часа. Президент как

раз собирался немного отдохнуть – откинувшись в кресле, он закрыл раскрасневшиеся от бессонной ночи глаза и уже начал дремать, когда поступил видеовызов.

– Мы потеряли контроль на Востоке, над всем полушарием... – доложил без преамбул Министр. – Оба материка захвачены армиями мятежников. Войска Сил Безопасности раздроблены: частью вытеснены из городов, частью примкнули к мятежу... Среди примкнувших четыре гвардейских корпуса в полном составе...

– Как такое возможно? – холодно блеснув глазами, задал вопрос Президент. Едва охватившая его дремота мгновенно улетучилась.

– Распропагандированы революционерами, – ответил Министр. – Солдаты-анархисты вместе с низшими и некоторыми средними офицерами арестовали командующих и высших офицеров и заявили, что *не пойдут против народа* и подчинятся только *избранной народом новой власти*...

Президент некоторое время молчал, рассеянно глядя сквозь экран. Мягко сказать, скверные новости. Но, после новостей Министра науки, даже известие об отколовшейся от Единой Республики половине мира уже не казалось ему трагедией.

– А что здесь, на Западе? – наконец спросил Президент.

– Материк под нашим контролем, – уверенным тоном доложил Министр. Президенту показалось, что Министр заговорил с облегчением. – Мы полностью обезглавили ком-

мунистов и анархистов, а подконтрольные нам социал-демократы сейчас убеждают митингующих в столице разойтись по домам... Кое-где в провинции ещё бунтуют шахтёры и металлисты... но Нацгвардия с ними разберётся в самое ближайшее время.

– Это, конечно, хорошо, что обезглавили гадину здесь, в метрополии, но, если мы не восстановим порядок на Востоке... – Президент не договорил. – Понимаете, *чем* это нам грозит в будущем?

– Да, господин Президент, – угрюмо кивнул Министр. – Большой войной.

Президент снова помолчал. Не хотелось переходить к главному. Тема пришельцев вот уже полгода была самой обсуждаемой в мире...

Корабль пришельцев появился внезапно – буквально: материализовался вблизи мирового шара, сразу заняв орбитальную позицию над Великим океаном. В течение суток ничего не происходило, а потом от корабля отделилось две тысячи идеально округлых серебристо-белых сфер, каждая диаметром со стоэтажный небоскрёб, и опустились к поверхности. Сферы зависли в небе над самыми крупными городами и с тех пор никак себя не проявляли.

Тогда, в первые дни, Президент объявил чрезвычайное положение; в Министерстве безопасности была создана особая комиссия по противодействию предполагаемому вско-

ре вторжению; объявлена всемирная мобилизация. Но очень скоро стало понятно, что пришельцы не собираются нападать. Сферы не перемещались, не реагировали на внешние факторы, такие как изменения погоды, за одним исключением: с наступлением ночи они начинали светиться матово-белым, – неярко, настолько, чтобы их можно было видеть снизу. Учёный совет Академии наук расценил это, как дружественный жест и рекомендовал Президенту отменить чрезвычайное положение. Президент выполнил рекомендацию учёных.

Созданная вскоре, на этот раз Министерством науки, другая особая комиссия опробовала разные способы коммуникации с пришельцами, имея целью установление контакта: сферам посылались световые сигналы, радиосигналы, эхолокационные сигналы, в двоичной, троичной и линейной системах кодирования. Безрезультатно. К сферам пытались прикоснуться. Безуспешно. На манипуляторы действовала неизвестная и непреодолимая сила, не допускавшая прикосновения. Тогда решили отправить к пришельцам контактную группу. В группу вошли учёные-физики и биологи, а также сам Министр науки, вызвавшийся быть послом Президента и Правительства Единой Республики. На доработанном и испытанном в срочном порядке новом космическом челноке контактная группа отправилась во внешнее пространство к кораблю пришельцев, размеры которого втрое превосходили размеры столицы. Безрезультатно. Ко-

рабль никак не отреагировал на сигналы и не позволил к себе прикоснуться, закрывшись тем же «силовым полем», как его назвали учёные из комиссии, что и сферы.

Через четверть года учёные признали своё бессилие установить контакт с пришельцами и переключились на пассивное наблюдение. В то время как неподвластные силе притяжения устройства молчаливых собратьев по разуму продолжали мирно висеть в небе над городами, над Министерством безопасности нависла другая угроза: на материках периферии начала подниматься очередная волна недовольства рабочих. Раньше такие волны удавалось гасить незначительными уступками недовольным и подкупом профсоюзных лидеров, но на этот раз проблема обещала стать серьёзной: рабочие стихийно создавали неподконтрольные власти профсоюзы, в которые вскоре потекли левацки и либерально настроенные инженеры-техники и некоторые отщепенцы-интеллигенты, быстро внёсшие в стихию элементы упорядоченности. Одновременно активизировались откровенно антигосударственные группы анархистов и коммунистов, оказавшие на движение радикализующее влияние. В Мировой Паутине начали появляться провокационные антиправительственные прокламации; несколько опальных писателей опубликовали ранее запрещённые цензурой как экстремистские произведения; участились случаи атак на правительственные и полицейские ресурсы.

От атак в киберпространстве экстремисты перешли к от-

крытым нападениям в городах на стражей порядка и карабинерские отделения. Нападавшие не выдвигали требований, не брали заложников: они убивали карабинеров, забирали оружие и боеприпасы. Вскоре атакам подверглись административные центры, суды и тюрьмы: представителей власти убивали, как недавно убивали охранявших их полицейских. Тут и там восставшие проводили революционные выборы, создавая новую систему власти, ориентированную на социальные низы и этим низам полностью подконтрольную – Советы. Начались гражданские чистки: отряды народных ополченцев устраивали организованные рейды в населённые состоятельными гражданами пригороды и закрытые посёлки, где отстреливали частных охранников и посмевших оказывать вооруженное сопротивление обитателей дворцов, не желавших отдавать имущество в созданные народные фонды. Разумеется, такая наглость повстанцев не могла долго оставаться безнаказанной, и вскоре Президент подписал указ о введении на обоих материках периферии нового, уже не связанного с пришельцами, чрезвычайного положения с последующей отправкой туда полицейских спецподразделений и Нацгвардии.

– Министр науки уже сообщил вам?.. – наконец заговорил Президент.

Министр безопасности не стал уточнять, что именно должен был сообщить ему Министр науки. Он лишь едва замет-

но кивнул в ответ и после короткой паузы выдал:

– Да.

Речь шла о пока неподтверждённой информации о контакте лидеров повстанцев с пришельцами. На такой контакт указывал полученный минувшей ночью доклад агента, внедрённого спецслужбой Министерства науки в окружение одного из таких лидеров – командира боевой группы коммунистов, контролировавшей недавно избранное правительство в одной из периферийных провинций. Пугающая новость вызвала недоверие у специалистов объединённого штаба: повстанцы могли раскрыть агента и использовать его для дезинформации.

– Что вы думаете об этом? – спросил Президент.

– Если это правда, – подумав, ответил Министр, – то нам с вами осталось недолго...

Когда Министр Безопасности отключился, Президент откинулся на спинку кресла и погрузился в беспокойную, постоянно обрывавшуюся судорожными вздрагиваниями дрему.

Ему снились пришельцы, одетые, почему-то, в рабочую форму, с молотами, с тяжёлыми гидравлическими отбойниками на плечах, в касках с фонарями... Некоторые пришельцы были водителями тяжёлых погрузчиков, какие можно видеть в портовых доках, а один даже управлял башенным краном. Все они преследовали его, требовали повыше-

ния зарплаты, сокращения рабочего дня, социальных гарантий... Он полез в карманы, чтобы достать деньги и отдать рабочим-пришельцам, но карманы оказались пусты, и тогда молоты и отбойники в руках всё напиравших на него пролетариев превратились в пистолеты-автоматы и карабины, а погрузчики – в танки. И только башенный кран по какой-то странной причине оставался башенным краном. Президент стал всматриваться в висившуюся вдали машину и только теперь смог рассмотреть, что это вовсе не кран, а огромная виселица, на которой, корчась и подёргиваясь, висят министры, генералы, известные телеведущие и журналисты, полицейские и... десятки, сотни, тысячи мертвецов в дорогих костюмах и платьях. Президент видел их лица. Многие из повешенных были ему знакомы: банкиры, промышленники, главы корпораций, учредители фондов, богатые и знаменитые, сильные мира; других он видел впервые, но, почему-то, знал, что вот этот – директор крупной компании, а этот – владелец торговой сети, а вот эта – любовница министра и «светская львица», хозяйка нескольких ткацких фабрик на периферии.

Внезапно все звуки стихли. Президент почувствовал, как кто-то коснулся его руки. Опустив глаза, он увидел маленькую плохо одетую чумазую девочку. Малышка подошла незаметно и, задрав вверх истощённое от регулярного недоедания личико, молча смотрела на него глубоко запавшими карими глазами. В тот момент ему стало невыразимо стыд-

но; он ощутил вину перед девочкой и, чтобы хоть как-то избавиться от горького чувства, отвёл глаза от ребенка и снова посмотрел перед собой... Оказалось, что, отвлекшись на девочку, он не заметил, как его окружила толпа рабочих. Угрюмые лица в касках смотрели с ненавистью; огрубевшие от работы руки крепко сжимали оружие. *Наверное, это те самые похищенные из полицейских участков карабины...* – вдруг подумал он, после чего снова вспомнил про девочку и понял, что его больше никто не держит за руку; он посмотрел вниз: девочки не было. Он снова поднял глаза на окруживших его... Теперь девочка стояла среди пришельцев. Подняв тощую ручонку, она указывала на него пальцем. В глазах девочки не было той холодной злобы, что светилась в глазах рабочих-пришельцев. Только обида; искренняя, простая, как все чувства детей её возраста. В этот момент давящую тишину нарушил щелчок предохранителя пистолета-автомата в руке одного из пролетариев, и Президент проснулся.

Звонил видеофон. Президент провёл ладонью по мокрому лбу и, достав из кармана платок, вытер пот. Посмотрел на лежавшее на столе устройство. Имя звонившего отобразилось на небольшом дисплее, это был Министр науки.

– Слушаю... – раздражённо бросил Президент сухощавому старику с клинообразной бородкой, когда тот появился на сотканном из лазерных лучей экране.

– Господин Президент! Происходит нечто невероятное!..

Благодаря СМИ, позабывшим о цензуре, произошедшее в тот день в столице поразило мир. Многие, видевшие *это* на экранах, отказывались верить новостям, принимая увиденное за фальшивку, за нелепую постановку, за провокацию коммунистов... за что угодно, только не за правду. Но свидетелей было слишком много; среди них были известные журналисты, учёные и представители оппозиционной интеллигенции – те, кого слушают миллионы, видели всё своими глазами.

В середине дня неподвижная в течение полугода сфера пришельцев сначала изменила цвет из серебристо-белого в ярко-красный, а потом и вовсе сдвинулась с места. Издав громкий, слышимый по всей столице и в столичных пригородах гул, отдалённо похожий на звучание духового оркестра – не обычного, а такого, в котором должно быть не менее тысячи разного рода горнов, гобоев, валторн, эфониумов, тромбонов и туб, – сфера медленно поплыла над городом, моментально приковав к себе внимание абсолютно всех: протестующих на улицах, городских карабинеров, солдат Нацгвардии, прячущихся по домам обывателей... Все смотрели на торжественно плывущий по небу алый шар, затаив дыхание.

Непрерывно гудя, шар проплыл к «Кровавому пятну» – одному из столичных стадионов, получившему от горожан это страшное название в последние дни, в которые в городе велись ожесточённые уличные бои. Туда, на стадион мас-

сово свозились тела убитых в боях демонстрантов и расстрелянных без суда в ходе полицейских спецопераций революционеров. Остановившись над стадионом, сфероид загудел сильнее, засветился ярче прежнего, окрасив окрестности жуткого в своём новом предназначении сооружения в оттенки красного. Свидетели, наблюдавшие происходившее вблизи, утверждали, что алый шар несколько минут «ощупывал» стадион множеством «лазеров», после чего испустил из себя «облако снега».

Через час «снегопад» закончился, и в центр стадиона, предположительно в середину усеянного мертвецами поля, из шара ударила «необычная молния», после чего сфероид умолк, снова став серебристо-белым.

Ещё несколько минут в ушах собравшихся вокруг стадиона стоял гул от «небесных труб». Никто не осмеливался зайти внутрь; охрана стадиона бежала, приняв удары алого шара «лазерами» по стадиону за применение оружия прищельцев. В ярком солнечном свете, сначала по двое и по трое, а потом группами по десять и пятнадцать, из ворот стадиона стали выходить мертвецы, ещё недавно лежавшие на пропитанном кровью ристалище. Они что-то говорили друг другу, кто-то смеялся, кто-то кричал, кто-то плакал. Некоторые городские карабинеры и бойцы Нацгвардии бросали оружие и становились на колени, обливались слезами, другие срывали с себя знаки отличия и с оружием в руках шли к восставшим из мёртвых, в убийстве которых они лично участвова-

ли, чтобы встать теперь с ними плечом к плечу. В это было трудно поверить, но всё происходившее снимали десятки телекамер, передававшие кадры первой за полгода активности пришельцев в прямой эфир.

Президент был бледен. От любого совершаемого им движения, пальцы его непроизвольно подрагивали, и потому он старался вовсе не двигаться; ещё предательски подёргивался глаз, – Президенту очень хотелось, чтобы собравшиеся в кабинете этого не заметили. Неловко, будто штаны обмочил.

Все молчали. Молчал и он. На превращённой в экран стене кабинета шёл прямой телерепортаж.

По Имперскому проспекту в направлении президентского дворца двигалось шествие, во главе с теми, кто ещё пару часов назад были мертвы. Камеры то и дело крупным планом показывали знакомые Президенту по докладам политической полиции лица «нейтрализованных» лидеров коммунистов и анархистов. Теперь рядом с воскресшими шли закованные в броню гвардейцы и карабинеры со щитами, а за ними – по самым грубым подсчётам, двухсоттысячная масса, скандирующая антиправительственные лозунги. Периодически, примерно дважды в минуту, на экран выводилось изображение с установленной на летающем дроне камеры, дававшей панорамный обзор с высоты птичьего полёта, и тогда собравшиеся в президентском кабинете видели, как в небе над шествием медленно плыла серебристо-белая сфера.

Когда шествие приблизилось к окружавшему президентский дворец саду, называемому по давней традиции «Императорским», и сопровождавшая шествие сфера пришельцев стала видна в окна кабинета, трансляция внезапно оборвалась. По экрану побежали помехи, но уже через несколько секунд появилась картинка. Другая картинка. В этот момент самообладание окончательно оставило Президента и руки его нервно задрожали.

На экране появилось существо... немного необычное... но имевшее то же количество рук и ног, что и у самого Президента. Президент решил, что это существо – мужчина. Пришелец – несомненно, это был *он!* – стоял посреди странного, выдержанного в белых и голубых тонах помещения, в котором преобладали плавные линии.

– Приветствую вас, друзья! – произнёс пришелец. – Мужественно восставшие против тирании капитала, жители Востока и отчаянно смелые граждане метрополии и её столицы! Приветствую вас! Я человек, как и вы. Моё имя Прометей. Я посланник корпуса Дружбы Миров из системы Земли. Я здесь, чтобы протянуть вам руку помощи и солидарности. Можете рассчитывать на меня, товарищи!

Кадавры

Человек зомби – зомби.

Глава I

Проснувшись утром, Серж Зимин первым делом очистил кэш сновидений. То, что ему снилось последние несколько дней, не вызывало желания пересматривать это снова. «Возраст...» – сказал он себе, сворачивая приложение. «Придется же ерунда...»

Он встал с кровати, потянулся, подошёл к окну. Окно спальни выходило на задний двор, где Вениамин Палыч, старший лакей дома «ставил задачу» дворнику и ещё двоим людям, мобилизованным, по-видимому, на уборку листьев. Заметив молодого господина, Вениамин Палыч учтиво поклонился и просиял. Зимин-младший вяло сделал ладонью и отошёл от окна. Скука. Осень.

Пора собираться в школу. Не хотелось. Разве можно на серьеже хотеть в школу, когда тебе шестнадцать? Отбыть бы поскорее этот учебный день и рвануть за периметр, навстречу новым приключениям! Вот где Настоящее! Там, по ту сторону. А здесь – скукота зелёная...

Жизнь в доме Зиминых текла размеренно, монотонно,

как искусственный ручей на заднем дворе, не менявший русла и напора. Стабильность. В последнее время Сержа всё чаще накрывало ощущение, будто он живет в музее: все эти скульптуры, статуи, картины на стенах, прислуга... Сам дом – старинный особняк XVIII века – стал нагонять на парня тоску.

Одевшись и собравшись, Серж спустился в столовую, перехватил на ходу ноги лёгкий завтрак и вышел в холл, по пути заглянув в гардероб и подобрав там на полке для скейтбордов темно-оранжевую доску в стиле ретро.

В холле мать – известная балерина Софья Павловская-Зиминая, как и всегда по четвергам в это время, занималась с фитнес-тренером.

– Привет, мам! – Серж чмокнул мать в щеку.

– Ты уже уходишь, Сережа?

– Да. Пока, мам!

Он было уже развернулся, но мать придержала его за локоть влажной от пота рукой:

– Какие планы после школы? Придешь к обеду?

– Не. Мы с ребятами в парке покатаемся. Там и пообедаем, в кафе.

– До темноты ты должен быть дома, – строго сказала мать, глядя ему в глаза.

– Конечно, мам! – заверил её Серж. – Обещаю, засветло вернусь! – добавил он, уже подходя к парадной двери.

– И не отключай интерфейс!

– Не буду. На связи, мам! – выходя, он обернулся и помахал матери свободной рукой.

Спустившись по мраморной лестнице на площадку перед особняком, Серж поставил скейтборд на идеально ровный асфальт, толкнул его ногой и, немного пробежав рядом, запрыгнул на доску.

К шлагбауму он подъехал уже прилично разогнавшись, но хорошо знакомый с привычками молодого хозяина охранник среагировал как всегда вовремя. Добавив скорости на небольшом уклоне сразу за шлагбаумом, Серж свернул в направлении школы и понесся по дороге, лихо маневрируя меж осторожных электрокаров.

На улице, где стоял особняк Зиминых, действовало ограничение скорости в двадцать километров в час, которое машины соблюдали с присущей всякой квазиразумной технике строгостью. На скейт Сержа подобные ограничения не действовали, и парень с удовольствием пользовался этим преимуществом каждое утро, выписывая фигуры «высшего пилотажа» на поворотах, вихрем проносясь мимо сидящих в машинах соседей и с некоторыми даже здороваясь.

– Эй, Зима! У тебя колесо отвалилось! – услышал он сзади. Это из-за зелёной изгороди соседского особняка вырулил на своей доске Ник Медведев по прозвищу Медвед – одноклассник и друг Зимина.

– Пошёл ты! – крикнул, не оборачиваясь, Серж. – У тебя яйцо скорей отвалится, чем у моего «Той Машин» колесо!

Зимин взял правее и объехал очередной электрокар, давая фору Медведу, чтобы тот по прямой сократил дистанцию. Поравнявшись, друзья гнали до конца улицы. Когда же улица уперлась в проспект, притормозили и свернули на тротуар. Дальше действовало другое ограничение скорости: восемьдесят километров в час – уже не погоняешь.

– Ну, что, сегодня как договаривались?.. – спросил Медвед, когда поблизости не было прохожих.

– Конечно, – ответил Серж. – Кстати, что скажешь насчёт Саниного кореша?

– Нормальный чувак. Саня абы кого не станет подтягивать.

– У него батя вроде полицейский...

– Не. Надзиратель у зомбаков.

– А если ляпнет папане лишнего?..

– Зима, не параной! Если Саня за него подписывает, и я подписываю.

Они подъехали к школе и, убрав доски в заплечные чехлы, дальше пошли пешком.

До начала занятий оставалось минут десять. Большинство учащихся уже разошлись по классам, но перед входом ещё топтались немногочисленные кучки старшеклассников. Поодаль прохаживались охранники, а на парковке администрации школы, на неизменном месте стоял полицейский броневик, одним своим видом внушавший окружающим ощущение

ние порядка и безопасности.

– А вот и они, – сказал Медвед, когда друзья приблизились к одной из кучек.

Их тоже заметили. От компании из пяти молодых людей, среди которых были две девушки, отделились двое – высокий худощавый и ростом поменьше крепыш – учащиеся из параллельного класса, Алекс Власов, он же Саня, и его друг Иван Блинов.

– Привет, парни! – приветствовал их высокий.

– Здоров, Саня! – Зимин первым протянул ему руку, когда они сошлись.

– Это Иван, или Вэн. – представил Власов крепыша. – Ну, вы его итак наверно знаете...

– Виделись уже, – ответил Серж. – Здоров!

– Привет! – улыбнулся крепыш. Они также обменялись рукопожатиями.

Власов и Блинов были из семей рангом пониже. Жили в домах попроще, без охраны и прислуги, но ребятами были неплохими. Во всяком случае, Саня. Но и Блинова в школе уважали. Если Саня Власов решил его взять, значит, парень что надо, рассудил Зимин.

– После школы мы идём *кататься*... – особо выделив последнее слово, сказал он Блинову.

– Окей, – сказал тот и, слегка кивнув себе за плечо, немного повернулся. Только тогда Зимин заметил за широкой спиной крепыша чехол со скейтбордом. – Саня меня предупре-

дил насчёт алиби...

– Отлично. Вот мой контакт, – Зимин отправил Блинову один из приват-номеров, привязанный к группе «приятели», – если что, пиши или звони.

– Хорошо, – кивнул тот. – Вот мой... – интерфейс Зимина показал рядом с Блиновым активную иконку вызова. Интересно, подумал Зимин, в какую группу он меня добавил, в «приятели» или сразу «в друзья»? Может, в «мажоры»? В это время зазвенел первый звонок, сообщавший, что до начала занятий осталось три минуты.

– До встречи! – сказал он и похлопал крепыша по плечу, – Саня знает место... Не опаздывай. Пошли, Медвед!

Глава II

С Медведем они уже шесть раз бывали за периметром. Первые два раза вдвоем, без особых приключений. Побродили вокруг фабрик, поглазели на ручных кадавров и назад, в город. Потом к ним присоединился Власов.

Поначалу было немного страшно: мертвецы теперь вроде как не опасны, но кто знает, что за мысли роятся в их гнилых головах...

Раньше эти твари пожрали миллионы людей, пополняя при этом свою армию, пожрали весь мир. И теперь мир был мёртв. Почти мёртв. Вот уже тридцать лет.

США, Великобритания, Бразилия, Япония, Индия, Китай, Россия... Повсюду теперь были радиоактивные пустоши, оставленные русскими боеголовками, очищавшими мир от проклятой чумы. Все крупные города, плотно заселенные агломерации, превратившиеся тридцать лет назад в рассадники зомби-пандемии, были сожжены спасительным термоядерным огнём из старой России – великой страны, принесшей себя в жертву ради Человечества и распятой им за своё благодеяние. Но Господь сохранил старую Москву. Так Сержу Зимину и его друзьям говорили в школе. Никто из ребят, конечно, по-настоящему не верил в Бога, но, как ни крути, а Нью-Москоу жила и процветала благодаря гению русских учёных, сумевших подчинить мертвецов и заставить их

работать на благо нового города живых и подчинённых ему провинций.

Теперь, когда на мёртвых надели ошейники, те стали приносить пользу живым. Теперь мертвецы работают на заводах и фабриках, в поле и в шахтах, валят лес... – выполняют всё, что от них требуют надзиратели-люди. Некоторые мёртвые, благодаря ошейникам, особым условиям содержания и специальной диете, стали настолько сообразительны, что даже способны управлять техникой.

Но Зимину с друзьями было хорошо известно, какие это на самом деле чудовища и на что они способны. Стоит только снять с них ошейник... И поэтому ребятам их не было жалко. Они знали, что каждый кадавр – каждый живой мертвяк в своё время был убит и пожрат другим кадавром, а потом и сам убивал и жрал. Кто-то – одного-двоих, а кто-то, может быть, и десятки людей.

Первого живого мертвеца они окончательно убили во время третьей вылазки. Забили кусками стальных труб и арматуры. Серж лично проломил мертвяку череп обрезком трубы, после чего мертвец перестал подавать признаки жизни.

Они натолкнулись на него неожиданно, в месте, где кадавров, как они тогда думали, не должно было быть – в бывшем спальном районе, недалеко от текстильной фабрики. Барак для зомби-рабочих находились в другой стороне. Едва заметив их, мертвяк попытался сбежать. Но друзья, зная, что

мёртвые пугливы и, вроде бы, безобидны, решили догнать его, чтобы рассмотреть поближе. Когда же догнали, – в самом прямом смысле зажали в угол, между домами, – то ужас охватил их. Мертвец был без ошейника!

Как, черт возьми, кадавр сумел избавиться от ошейника? И почему не напал на них? – недоумевали позже друзья.

Оказавшись в безвыходном положении, окруженный тремя живыми, мертвец, по всей видимости, вспомнил о своих людоедских наклонностях. Оскалив пасть, он – когда-то это был мужчина – пошёл на ребят, сжав кулаки так, что на костяшках потрескалась пергаментная кожа. У Сержа задрожали руки и колени, он хотел было бежать, но неожиданно для себя самого с криком обрушился на кадавра и стал наносить удар за ударом. Друзья – как после выяснилось, тоже не на шутку испугавшиеся – не заставили себя долго ждать и бросились на помощь негласно давно признанному лидеру – принялись лупить мертвеца арматурой. Кадавр ревел страшным голосом и пытался отбиваться, закрывал синюшными руками оплывшую морду без носа и с жёлтыми от гноя глазами, а парни били и били и били его, с каждым ударом замахиваясь всё сильнее и ощущая, как место страха занимают азарт и злость. Они буквально размазали того мертвеца по бетону.

Назад возвращались возбужденные и уверенные в себе: «как ты вмазал этому зомбаку, Серж!», «видали, я ему кисть арматурой сломал!», «а я ему глаз проткнул!».

В следующую, четвертую вылазку они до конца убили ещё одного мертвеца. Кадавр был в ошейнике и не пытался сопротивляться. Кадавр устало брел в барак с фабрики, видать после смены. Ребята накинулись на него, когда тот оказался вне зоны видимости постов надзирателей. Окончательное убийство того кадавра не было столь же захватывающим, как в случае с первым мертвяком, но сам процесс «охоты» – несколько раз друзья чуть было не нарвались на надзирателей – пощекотал нервы. Надзиратели, конечно, не сделали бы им ничего плохого, но арестовали бы уж точно и передали городской полиции. Родители вряд ли бы одобрили такое их поведение. Поэтому к пятой вылазке ребята готовились уже самым тщательным образом.

Глава III

Теперь они действовали уже не спонтанно; устроили за периметром «базу», куда стащили разный инвентарь – лопаты, топоры и багры с пожарных щитов из близстоящих зданий; с собой принесли закупленную в городе спецодежду и крепкую спортивную обувь, наколенники, налокотники, скейтбордистские шлемы. Медвед раздобыл запрещённый софт из компьютера отца – высокопоставленного чиновника в ГСБ (Государственной Службе Безопасности), установив который в интерфейс, ребята смогли пользоваться Сетью в обычном режиме, скрывая при этом своё настоящее местонахождение. До того они попросту отключались от МоскоуНета, спускаясь под землю, когда же снова выбирались на поверхность, уже за периметром, оставались «вне зоны действия сети». Но во время четвертой вылазки ребята увлеклись и слишком долго оставались недоступны для связи, заставив родителей волноваться и вызвав нежелательные вопросы. Зимину пришлось тогда признаться, что он снова спускался с друзьями в один из старых коллекторов (что было чистой правдой). За признанием последовали слёзы матери и неприятный разговор с отцом. Медведу и Власову тогда тоже досталось от родителей.

После той неприятной истории, когда всё их предприятие оказалось под угрозой, Зимин и заговорил о «серьёзном по-

ходе к делу». «Нам нужно организовать, – объявил он, – по типу внешников, в отряд, и действовать продуманно». Изложив свои соображения насчёт организации, он предложил сообща распределить обязанности и в дальнейшем строго следовать оговоренным правилам. Посоветовавшись, друзья распределили роли: Медвед предложил украсть у отца софт и в дальнейшем обеспечивать информационную поддержку их маленького отряда; Саня Власов взял на себя материальное обеспечение (одежду, спортивный инвентарь, припасы, медикаменты и прочее нужное); Серж единогласно был назначен командиром – ему достались организация и планирование.

В пятую вылазку «Истребители кадавров» – так они стали в шутку называть свой маленький отряд – «доубили» уже троих. Вот, что значит серьёзный подход к делу!

Вначале они выследили двоих рабочих мертвяков, как и первого работягу, а потом им снова попался мертвец без ошейника (таких ребята условились называть «дикарями»), в том же квартале, где и первый кадавр. Вернее, попалась – эта раньше была женщиной: судя по сохранившейся даже после смерти фигуре, довольно молодой, до тридцати лет. Мертвячка сразу привлекла внимание «Истребителей» странным поведением, будто осмысленным. Она, казалось, что-то искала, держалась в тени деревьев, брела вдоль фасада некогда жилой многоэтажки, то и дело заглядывая в выбитые окна первого этажа. Друзья некоторое время шли за

ней, прячась за стволами разросшихся в настоящий лес деревьев и стараясь не шуметь. Когда же до мертвячки оставалось метров пятнадцать, та их заметила и... попыталась бежать. Странные они, эти «дикие» мертвецы, подумал тогда Зимин.

В нескольких метрах от мертвячки был вход в подъезд. В него она и нырнула. На удивление быстро, в два прыжка. Азарт охватил «Истребителей». Ребята последовали за непокойницей и едва не потеряли след. Мертвячка заскочила в первую же квартиру и... заперла дверь! Заперла. Долбанную. Дверь! «Как это возможно?» – спрашивал позже Серж. «Может, инстинкт?» – предположил Медвед. «Остаточная память. Привычка» – пожимал плечами Саня Власов.

– За мной! – скомандовал тогда Зимин. Он толкнул ногой соседнюю дверь и побежал через разгромленную квартиру к окнам, выходящим на другую сторону дома. Подбегая к давно выбитому окну, они слышали снаружи резкий треск стекла и через пару секунд характерный шаркающий звук: мертвячка, разбив, похоже, одно из последних уцелевших в доме окон, выпрыгнула в тянувшийся вдоль дома палисадник, заросший кустами до полной непролазности. Не окажись там заросли, кадавра, возможно, сумела бы уйти от преследования – уж очень шустрые эти мертвецы без ошейников, – но приземлившись в кусты, мертвячка, по-видимому, подвернула лодыжку. Поднявшись на ноги, она продралась к бетонной отмостке и захромала в сторону угла здания,

издавая при каждом шаге мерзкие всхлипы.

Друзья быстро настигли её, сбили с ног и Серж собственноручно проломил кадавре череп пожарным топором.

Глава IV

Поначалу ребята ходили за периметр раз в неделю или реже. Между четвертым и пятым разом прошло всего четыре дня. Последняя же, шестая вылазка состоялась уже через два дня после пятой. Мёртвый город словно магнитом тянул «Истребителей», звал, сулил приключения. С каждым разом ребята всё больше времени проводили за периметром.

Убивать живых мертвецов – что может быть интересней? Компьютерные игры? Виртуальная реальность? Дополненная реальность? Фигня всё это! Охота и выживание – вот дело настоящих мужчин! Ты, топор и зомби! И надежный друг рядом, стоит с тобой плечом к плечу, спина к спине.

Теперь «Истребителей кадавров» уже не интересовали рабочие. Неинтересно это – забивать тупых и покорных как бараны непокойников, да и надзиратели наверняка уже заметили пропажу из числа трудового зомбо-народа.

Облачившись на «базе» в серо-оранжевую робу и вооружившись топорами, молотками и монтировками, ребята сразу направились в ту часть старой Москвы, где не было фабрик и заводов, чтобы там поохотиться на шустрых «дикарей».

Они были предельно осторожны: держались в стороне от патрулей внешней полиции, карту с маршрутами которых

Медвед заблаговременно скопировал с отцовского компьютера, продвигались дворами и переговаривались исключительно через интерфейс.

Отойдя на пять километров к востоку от периметра, «Истребители» встретили первого «дикаря»... Очень странный то был «дикарь». Мертвец шёл через двор уверенной походкой, как нормальный человек, имеющий цель, и был вооружен – на плече у трупа висел автомат, а за спиной был рюкзак.

Парни, это точно мертвяк? – спросил тогда в общем чате Саня.

Ты на его рожу посмотри! – ответил ему Медвед.

А ты видел раньше зомби с автоматом? Может, это живой так специально загримировался...

Нахрена? – обернулся на друзей Серж, державшийся немного впереди. – *Чтобы его патрульные по ошибке подстрелили?*

В ответ Власов лишь развел неопределённо руками.

Надо за ним проследить, – сказал на это Серж и пошёл за мертвяком.

Кадавр прошёл через двор, озираясь по сторонам, быстро перебежал заставленную ржавыми машинами улицу и скрылся в следующем дворе. Друзья не отставали, держа дистанцию в пятьдесят-шестьдесят метров, они следовали за подозрительным мертвецом. Через квартал мертвец свернул на узкую второстепенную улицу и быстро зашагал по ней.

Улица эта вела вглубь старого города и друзья, вслед за мертвецом, всё дальше уходили от периметра.

Идя по прямой, они понемногу отстали от трупа, так, чтобы, вздумай тот в них пострелять, спрятаться за машинами. В том, что мертвец на такое способен, никто из друзей к тому времени не сомневался. Через километр улица круто сворачивала влево и Зимин, опасаясь, что они потеряют «дикаря», предложил сократить дистанцию.

Пригибаясь за покрытыми ржавчиной легковыми автомобилями, короткими перебежками друзья стали приближаться к мертвецу по противоположной стороне улицы. Мертвец шёл вдоль тротуара, то и дело, заглядывая в окна домов и за углы и изредка оборачиваясь. Ничто в его поведении не говорило о том, что он их заметил.

Когда труп подошёл к повороту, ребята были метрах в двадцати от него. Здесь прямо посреди улицы на боку лежал средних размеров пассажирский автобус (когда-то такие ходили по малозагруженным маршрутам). За этим автобусом они и спрятались. Дальше улица была пуста: только растрескавшийся асфальт, кусты да тощие молодые деревца частоколом проросли вдоль бордюров. Листья с них уже осыпались, и спрятаться за ними было нельзя.

Давайте подождём, пока завернет, потом я выйду на дорогу и посмотрю, – сказал в чате Зимин, глядя на друзей. Те в ответ покивали.

Они подождали, зомби свернул за угол, и Зимин, осто-

рожно ступая, медленно вышел из-за автобуса. Он не прошёл и двух метров, когда раздался оглушительный треск, и над его головой просвистело несколько пуль.

Парень успел заметить вспышку возле угла здания, прежде чем очередь прекратилась. В следующую секунду, повисшую после автоматных выстрелов, оглушительную тишину нарушил нечеловеческий рев трупа. Мертвец будто пытался что-то сказать. Но что можно сказать прогнившим ртом с наверняка давно отвалившимся языком?

Кадавр оставался за углом (о чём ясно говорило выглядывавшее из-за угла автоматное дуло). Ещё раз проревев что-то нечленораздельное, мертвец снова выстрелил. На этот раз пули ударили в метре от ног Сержа. Только теперь он осознал, что продолжает стоять на открытом месте. Парень рванул назад, туда, где, закрыв ладонями головы, теперь залегли Медвед с Саней.

– Уходим! – в голос крикнул он им. – Ходу! Ходу! – Пригибаясь, Зимин ухватил за плечо Медведа. – Туда... – он указал на проезд между домами у них за спиной. Бежать по прямой как стрела улице – верная смерть: чересчур сообразительный кадавр прошьет их очередью на раз.

Испуганными зайцами трое «Истребителей» в несколько прыжков преодолели пятнадцать метров, отделявшие их от проезда во внутренний двор семиэтажного кирпичного дома, и скрылись за углом.

Ровно посередине проезд перегораживали замотанные

ржавой цепью железные ворота высотой не меньше трёх метров.

Быстро оглянувшись и посмотрев на друзей, Зимин рывкнул:

– За мной! – и разбежавшись, вскочил на кованые загогулины, из которых были свиты ворота, быстро взобравшись на самый верх. – Ну? Чего встали?! – прошипел он. Друзья не заставили себя ждать, и через десять секунд все трое уже были по другую сторону.

Обливаясь потом и отплевываясь, они забежали во двор дома и остановились отдышаться. В этот момент с улицы послышался рев мотора, а потом и выстрелы. Теперь стреляли несколько автоматов.

– Это патруль! – сказал Власов. – Надо скорее валить отсюда.

– Нет! Сдурел что ли?! – Медвед постучал себя по шлему в районе лба. – Прятаться надо. Вдруг они дронов запустят?

– И что? Дроны в живых людей стрелять не станут...

– Зато внешники тебя свинтят и папане вручат!

– Давайте прятаться, – отрезал Зимин. – Подождём, пока полиция свалит, и двинем назад.

Рассудив, что лучше быть в курсе происходящего, чем забиться в угол и гадать: уехал патруль или всё ещё здесь, друзья укрылись в том самом доме, в одной из квартир на втором этаже. Окна квартиры выходили и на улицу, где произошла перестрелка, и во внутренний двор, так что ребята ока-

зались в выгодном положении.

Не подходя близко к окнам и потому оставаясь в тени, они хорошо видели происходящее снаружи. Броневи́к внешней полиции с пулеметом на крыше стоял внизу, сразу за перевернутым автобусом, а вокруг топтались четверо полицейских, один из которых, судя по сосредоточенному отстраненному виду, как раз пилотировал летавший где-то поблизости дрон. Необычный мертвец лежал до конца убитый в луже слизи.

Зимин видел, как один из внешников снял с трупа рюкзак и вывалил содержимое рядом на тротуар. Это были какие-то банки, похожие на консервы; часть из них раскатилась по дороге, часть оказалась в луже со слизью. Полицейский взял одну, повертел в руке и отшвырнул в сторону, потом взял лежавший рядом с убитым автомат, осмотрел, отсоединил магазин и подёргал затвором, внимательно осматривая оружие. Покивав одобрительно, он что-то сказал товарищам и отнес трофей к броневику, положив внутрь машины.

Другой полицейский, с сержантскими погонами – старший патруля – подошёл к месту, где недавно стоял Зимин, и куда угодила очередь из автомата мертвеца и, присев на корточки, стал рассматривать свежие выбоины на асфальте, что-то говоря подошедшим двоим подчинённым. Потом эти двое прошлись в обе стороны от поворота улицы, заглядывая в разбитые окна и витрины.

Пока они ходили, прилетел дрон и сел на крышу броневика. Пилот подошёл к сержанту, видимо с докладом, после чего другие двое вернулись (получили команду через интерфейс, отметил для себя Серж). Потом все сели в машину, броневик развернулся и уехал в сторону, куда перед тем направлялся кадавр.

– Нафига мертвецу консервы? – произнёс вслух Саня Власов, когда звук двигателя стих в лабиринте улиц.

– Ха! Саня, ты лучше скажи, нафига ему автомат! – нарочито бодно выпалил Медвед.

– Чтобы стрелять... – задумчиво ответил Саня. – Это понятно... но вот консервы ему зачем?

– Жрать, – Медвед пожал плечами.

– Зомби жрут людей, Ник, или ту херню, что им скармливают надзиратели...

Зимин в это время стоял у окна и смотрел на улицу, не обращая внимания на болтовню друзей. Солнце уже спряталось где-то за крышами; жирная полоса тени от линии домов, давно поглотившая тротуар, на котором лежал труп, теперь ползла по дороге, приближаясь к местами ещё просматривавшейся разделительной полосе. Сержу уже минуту мерещилось в тени какое-то движение.

– А может, он зомби-фермер?.. – говорил Медвед. – Держит пленных людишек где-нибудь в укромном подвале, кормит их тушенкой... ну, как люди свиней, в общем... – он ещё

около минуты нёс ерунду про зомби-фермеров, пока Серж его не остановил.

– Эй, смотрите! – Зимин указал в окно. – Видите?

Друзья тотчас выстроились у него за спиной, оставаясь в тени.

По улице кто-то шёл. Быстро.

Когда до расстрелянного мертвеца оставалось метров тридцать, фигура в тени перешла на бег и вскоре оказалась рядом.

Это была мертвячка в плаще. Несомненно. Подбежав к до конца убитому, мертвячка бросилась на колени рядом и издала протяжный вой, вопль, от которого у ребят побежали мурашки по коже.

– Она что, оплакивает его? – недоуменно пробормотал Власов.

– А ты не видишь сам? – буркнул Медвед. – Не знаю, как вам, но мне кажется, с этими зомбаками что-то не так... Ты что скажешь, Зима?

Зимин пожал плечами:

– Может, они – результат какого-нибудь... секретного эксперимента учёных из Сколково?.. – предположил Серж и тотчас понял, что ляпнул такую же чушь, как и Медвед с его зомби-фермерами. – Я не знаю, – поспешно поправился он и решительно добавил: – Но я хочу узнать, что это с ними... – Он кивнул на продолжавшую реветь кадавру.

– Как бы нам не пришлось тут по темноте бродить... –

рассудительно произнёс тогда Власов.

– Если боишься, так и скажи, – холодно заметил на это Зимин.

– А ты нет? – парировал с вызовом Саня. – Давно пули над головой не летали, а, командир?!

Ответ Власова задел Зимина, но отвечать было нечем: Саня был прав.

– В общем, как знаете... – сказал тогда он, обращаясь уже к обоим друзьям. – Если идём дальше, то только по общему согласию. Если ты, Саня, или ты, Ник, считаете, что надо вернуться, так и говорите прямо... у нас не тоталитаризм.

Медвед с Власовым мялись с ответом. Тогда, Зимин добавил:

– Если бы я не отлил за пять минут до того, как тот зомбак стал по мне стрелять, то сейчас сушил бы штаны... – на что Медвед, по некотором размышлении, заметил:

– Если бы я не посрал после уроков, то сейчас ходил бы как содомит в килте из Саниной банданы... – он взглянул на платок, которым Власов обычно повязывал голову, когда ходил под землю и за периметр. – Ты ж мне бы её одолжил, Сань?

– Хрена тебе! – сказал ему на это Власов.

– Ну, тогда бы ходил без штанов... – развел руками Медвед и замолчал, ожидая реакции друзей (никто не засмеялся), после чего объявил: – Если что, я – за.

Теперь слово было за Власовым. Тот пожал плечами и

кивнул.

– Отлично! – сказал тогда Зимин. – Давайте присмотрим за этой... – он кивнул в сторону окна и только теперь понял, что рев снаружи прекратился.

Мертвячка, лишь изредка всхлипывая, ползала вокруг убитого трупа и собирала банки обратно в рюкзак. Подобрала все до последней, она подошла к трупу, зачем-то потрогала его за лицо, и, развернувшись, побрела обратно, откуда пришла.

– Идём! – решительно объявил Серж. – Иначе уйдёт.

Глава V

Стараясь не шуметь, отряд «Истребителей» спешно спустился вниз и двинулся к воротам. Перебравшись на другую сторону, друзья трусцой один за другим направились туда, где лежал мертвец.

Бросив взгляд на теперь уже покойного, Зимин чуть не проблевался. Кадавр был весь изрешечен автоматными очередями; из каждого отверстия выступал жёлто-зелёный гной, вокруг была целая лужа этой гадкой жидкости. Лицо, вернее рожа кадавра, бледно-серая с растрескавшейся кожей, было прострелено в трёх или четырёх местах, один глаз выпал, другой мутно смотрел куда-то в сторону не то перевернутого автобуса, не то дома, в котором друзья только что прятались.

Оббежав кадавра, ребята припустили вдоль улицы, держась в тени и прикрываясь за машинами.

Они её выследили. Кадавра оказалась менее осмотрительной, нежели её приятель, и не заметила слезки (Медвед даже пошутил на этот счёт: «горем убитая»). Её логово было в одном из домов в соседнем квартале. Дом оказался одноподъездный, элитный, с подземной парковкой и всякими банками, бутиками и салонами красоты в опоясывавшей его буквой «П» одноэтажной пристройке.

То, что кадавры выбрали именно этот дом, стоявший как

раз на маршруте одного из патрулей, вызвало удивление ребят. На что Зимин резонно заметил: «хочешь надёжно спрятаться, спрячься на самом видном месте».

После зомби с автоматом их несколько не удивило наличие на подъездной двери исправно работающего кодового замка. Въезд на парковку оказался тоже закрытым. Очень уж они сообразительные, эти зомби. Но живые люди всё равно умнее!

Полквартала назад ребята видели один магазинчик, «Товры ля ома» гласили выцветшие за десятилетия запустения буквы. Оставив в засаде у подъезда Медведа, Зимин с Власовым вернулись назад и, после недолгих поисков, разжились вполне пригодной раздвижной алюминиевой лестницей. С её помощью, они забрались сначала на пристройку, а потом в окно одной из квартир третьего этажа (так как на втором все окна были закрыты решетками и ставнями).

Оказавшись в подъезде, «Истребители кадавров», крадучись, стали осматривать этажи, начиная со второго. Часть дверей была не заперта, но многолетний слой пыли за ними, нетронутый ногой человека (живой или мёртвой), не оставлял сомнений: внутрь давно никто не входил. Другая часть, наоборот, оставалась запертой, и, похоже, что с самого начала – пыль возле таких дверей, а также на дверных ручках была тому подтверждением. Внимательный к мелочам Власов предположил, что в таких квартирах либо никого не было, либо внутри них заперты менее сообразительные – в сравне-

нии с теми, что умели стрелять из автомата и пользоваться кодовыми замками – мертвецы, не представлявшие для «Истребителей» интереса.

Нужная квартира нашлась на пятом этаже и, конечно же, оказалась заперта. Сомнений не было: расшарканная пыль у порога прямо указывала на то, что ушлая кадавра была за дверью. Оставалось только найти способ попасть внутрь.

Какие будут предложения? – спросил Серж в чате.

Давайте ломать дверь! Чего стоять? – предложил Медвед. – *Монтировки есть.*

Плохая идея, – покачал головой Серж. – *Мы не знаем, есть ли у неё оружие...*

Если бы было, она бы ходила с ним, – возразил на это Власов. – *Хотя,* – подумав, добавил он, – *оружие – это не обязательно автомат, как у её дохлого бойфренда...*

Ну, так хрена мы сюда вообще залезли? – всплеснув руками, с раздражением заметил Медвед. – *Всё, закрыто, пили нах, приходите завтра...*

Кстати, парни, темнеет... – спокойно заметил Власов. – *Нужно быстрее решать.*

Есть у меня одна мысль... – сказал Серж и направился к двери соседней квартиры, которая была не заперта. Переглянувшись, друзья последовали за ним.

Квартира оказалась пятикомнатная, обставленная с шиком дорогой мебелью под старину. Часть мебели была сломана, повсюду виднелись следы борьбы или нашествия ван-

далов, пыль, грязь и паутина, оборванные шторы. Но, даже сквозь разруху и запустение, в глаза бросалась неудержимая былая роскошь. Массивные дубовые шкафы, комоды, гарнитуры, люстры, черепки от ваз, давно засохшие комнатные растения в массивных кадках с пересохшей землей, всякие столики с отломанными резными ножками и даже фортепиано на колесиках, на вид целое.

Первым делом Зимин проверил балкон: нет, через балкон не получится, слишком далеко. Потом прошёл в комнату, имевшую общую стену с квартирой, где заперлась кадавра. То была спальня. Осмотрелся: шкаф у той самой стены, покрытая пылью кровать – пафосное ложе в меру состоятельной четы, над кроватью картина с какой-то дешевой мазней (уж такое Серж Зимин мог точно определить – с детства приучен к Высокому, мать его, Искусству), прикроватные тумбочки с торшерами. Снял с пояса молоток, постучал прорезиненной ручкой по стене в нескольких местах, вышел в гостиную, слегка попинал ногой ножку фортепиано.

– Кажется, я знаю, что нужно делать, – сообщил он вслух с интересом наблюдавшим за ним друзьям и вернулся в спальню, где, не стесняясь шуметь, принялся оттащить от стены кровать. – Катите сюда этот рояль, парни!

Здание было монолитно-каркасным – железобетонный «скелет» несущих колонн и перекрытий, стены внутри которого возведены из лёгких и – что важно! – хрупких материалов, вроде блоков из вспененного бетона. Стена между квар-

тирами была именно такой, – Зимин понял это, едва ударив по ней. В тот самый момент и родился его план.

– Бля, Зима, ты серьёзно, хочешь продолбить эту стену грёбаным роялем? – воскликнул Медвед, едва сообразив, что задумал Серж.

– Нет, конечно! Просто хочу выкурить нашу подругу отсюда, – Серж кивнул в сторону стены с картиной.

Оставив друзей в спальне с фортепиано, Зимин вернулся в подъезд и спустился этажом ниже. Найдя укромное место в тени – снаружи уже смеркалось – он приготовил топор и сообщил в чат:

Давайте!

Через несколько секунд сверху послышался глухой звук, как будто великан решил прокатиться на своём великанском скейтборде по старому паркету, а затем последовал удар... такой, что Серж ощутил его спиной, так как прислонился в тот момент к стене. Звук же при этом раздался такой, словно взбешенный десятирукий пианист разом обрушил на клавиши все десять рук. В ушах зазвенело. Пауза. Гр-р-р-р-р... и снова удар. Тишина. Гр-р-р-р-р-р-р-р... и...

Они повторили раз восемь, потом тишина затянулась.

Что там у вас? – спросил Серж.

Всё, концерт окончен. У рояля нога отвалилась, – ответил ему Медвед.

Там какой-то шорох за стенкой, – добавил Власов.

Не выходите пока! Оставайтесь на месте. Пошумите

ещё.

Щас пошумим, бля... – сверху тотчас послышалась ди-чайшая какофония, а через несколько секунд Власов скинул в чат короткое видео, на котором Медвед самоотверженно долбил отломанной ножкой по обнаженным внутренностям завалившегося набок фортепиано. Атакованная стена была на месте, но на ней, всё же, появилось несколько трещин.

Зимин приготовился; ухватив покрепче топор, со всем вниманием он уставился на лестницу, ожидая, что в любую секунду на ней появится мертвячка, шаги которой, как и звук открывающейся двери, он вряд ли услышит при таком шуме.

Зря он это затеял, подумалось Сержу. Если поблизости были внешники, они наверняка уже спешат сюда. А ещё их могли слышать другие «дикари»... Среди которых могли оказаться и такие, как тот, что в него стрелял.

Размышляя так, Серж не заметил, как рядом, всего двух шагах от него, приоткрылась дверь одной из квартир, из которой появилась черная фигура, сначала одна, а за ней дру-гая, ростом поменьше...

Существа его тоже не заметили, так как снаружи уже окончательно стемнело. Слепо озираясь по сторонам, они двинулись к лестничному маршу. Лишь через пару секунд они оказались в поле бокового зрения Зимина.

Его прошибло холодным потом, когда двое кадавров вне-запно появились рядом. Наверху Медвед продолжал ярост-

но орудовать ножкой от фортепиано; шум стоял такой, будто поблизости разминалась перед концертом старинная рок-группа, игравшая в жанре black metal. Парень замер, перестал дышать. В это время фигуры, крадучись, прошли к лестнице. Та, что повыше, осторожно заглянула вверх и, отдернувшись, будто заметила кого-то, схватила за руку ту, что была поменьше, и обе они стали спускаться вниз.

Хватит! – отправил в чат Серж. – *Они здесь. Спускайтесь!*

Мы идём! – ответил ему Власов и какофония прекратилась. Через пару секунд наверху послышался топот бегущих ног. Снизу тоже раздался шум: мертвецы их услышали и заторопились.

– За мной! – скомандовал Зимин через ещё две или три секунды, за которые двое друзей преодолели два лестничных марша между этажами. – Их двое!

– Ну, щас я кому-то врежу! – объявил Медвед запыхавшимся голосом. В руках он продолжал сжимать резную ножку от фортепиано.

– Вооружены? – только и спросил Саня Власов.

– Не, – коротко ответил, не оборачиваясь, Зимин. Он бежал вниз по лестнице, внимательно глядя под ноги. Серж совершенно забыл про фонари, – один, миниатюрный, похожий на значок, был приколот к куртке на груди, другой, ручной, более мощный, лежал в кармане штанов. Друзья также, по-видимому, позабыли об освещении. В один момент, когда

они оказались в совершенно непроглядной темени, сработала одна из базовых программ интерфейса – не прибор ночного видения, конечно, но видимость резко и заметно улучшилась. Только тогда Зимин вспомнил про «значок» и щёлкнул по нему пальцами: пространство впереди на три-четыре метра осветилось голубоватым холодным светом. Спускавшиеся следом ребята тотчас последовали его примеру.

Было отчетливо слышно, как внизу бежали. Это подзадоривало Сержа с друзьями. Появился долгожданный азарт: вот! началась настоящая охота! сейчас они упокоят эту нечисть!

Когда ребята были между третьим и вторым этажами, снизу раздался скрип: добыча вырвалась на улицу! Уйдёт!

– Быстрее! – прорычал Серж и стал скакать через четыре ступеньки.

Медвед грязно выругался.

В считанные секунды они преодолели отделявшие их от подъездной двери лестничные марши. Серж быстро нажал кнопку на замке и распахнул дверь.

Никого.

Темно. Небо почти черное, луны не видать и ни единого огонька вокруг. Дома слепыми окнами уставились в никуда, а сверху над ними – пунцовые неподвижные тучи, будто лежат на крышах. Ни единого звука – штиль. Вот такая она, ночь в мёртвом городе.

Ребята ещё ни разу не бывали за периметром ночью.

Куда теперь? Где искать этих гнилушек? Всё-таки ушли! – досада уже почти охватила Зимина, потушила азарт охоты, но нет! Вон же они!

– Туда! – махнул он топором в сторону небольшого здания электроподстанции, что стояло посреди двора, за угол которого только что – ему это точно не показалось! – скользнула уже знакомая фигура. Рванув с места так быстро, как только мог, Серж опередил друзей и, оказавшись за углом первым, чуть было не налетел на стоявшую там мертвячку.

Это была та самая кадавра, за которой они охотились вот уже несколько часов. Она стояла в темно-синем плаще с откинутым капюшоном, широко расставив худые ноги, обтянутые ветхими джинсами, и целила прямо в него, в Сержа пистолетом.

Сейчас она выстрелит и всё... и смерть. Серж Зимин перестанет существовать. Дёргаться бессмысленно: от пули не убежишь. Если упасть на землю и, как герой из древнего кино, ударить её снизу ногой, выбить пистолет... Нет, он не киногерой. Он всего лишь подросток из богатой семьи, в меру развитый физически, неглупый, но он не Том Круз и не этот... как его... Дизель.

В тот же момент кто-то с включенным ручным фонарем выскочил из-за угла позади и остановился, высветив лучом морду кадавры. На мгновение Сержу показалось, что перед ним обычная молодая женщина, с красивым овальным лицом и прямыми каштанового цвета волосами, подстрижен-

ными в стиле ретро под каре. Лицо было испуганным, смотрело на него широко распахнутыми карими глазами, обветренные бледные губы нервно вздрагивали. А рядом, чуть позади, стояла девочка лет восьми, похожая на мать.

Вот женщина приоткрывает рот, собираясь что-то сказать ему и... в следующий миг он слышит отвратительный клокочущий хрип, переходящий в утробное рычание, а милостивое лицо женщины превращается в мерзкую харю зомби. Кожа серая, пожеванная, губы ошметками свисают вокруг жёлтых зубов, щеки впалые с трещинами, глаза – налитые гноем мешки с малоподвижными белесыми зрачками... Кадавра уставились на него с коровьей тупостью, продолжая целить пистолетом и что-то хрипеть.

– Кажется, она пытается что-то сказать... – медленно произнёс Власов позади.

Серж не знал, что ответить, и не мог. В горле у него пересохло настолько, что казалось, ещё немного, и он усохнет весь, до состояния мумии. Он инстинктивно попытался сглотнуть, но ничего не вышло. Сейчас кадавра его убьёт.

В какой-то момент ему показалось, что позади кадавры что-то мелькнуло, потом послышался хруст, и мертвячка стала заваливаться куда-то вбок, тут же в руках её вспыхнуло и в ушах зазвенело – выстрел, пусть Серж и видел пистолет, прозвучал неожиданно. В нос ударил едкий уже знакомый запах пороха. Парень опустил глаза вниз – туда, где на груди у него должна была быть огнестрельная рана, но раны

не было, пуля ушла куда-то в сторону. Тогда он снова перевел взгляд на трупа: та уже рухнула на бетон и теперь над ней стоял Медвед и остервенело, как недавно по фортепиано, колотил по ней ножкой от того самого инструмента.

Медвед явно увлёкся и не обращал внимания на стоявшую у него за спиной мёртвую девочку, которая вытаращила на него свои маленькие гнойные буркала, оскалила пасть и зашипела, готовясь наброситься и укусить.

Если она его укусит, то всё... Ник Медведев, его лучший друг сторит за считанные часы. Врачи не смогут ему помочь. Нет! Он этого не допустит!

Сержу понадобилась секунда, чтобы оказаться рядом с другом и ещё две, чтобы, размахнувшись, вонзить топор мелкой пакости в голову. Прямо промеж глаз.

– Так-то лучше... – тихо произнёс он, наступив зомбенку на морду и, немного расшатав топор, высвободил оружие.

– Вот и поохотились... – с грустью сказал чуть позже Власов.

На что Медвед, закончив делать отбивную из головы трупа и немного отдышавшись, заметил:

– Не ной, братишка. Если бы ты не засветил фары этой дохлой суке, хрена бы я так лихо зашёл ей в тыл... – Медвед покосился на лежавшее перед ним тело, пнул ногой и с удовлетворённым видом закинул на плечо оружие доубийства, которое ему явно нравилось. – Так что, ты, считай, сделал важное дело, – оно усмехнулся и обернулся к Сержу. – Как

ты, Зима?

– Нормально, – сказал Серж, цепляя к топору ремень и убирая его за спину.

Убийство мёртвой девочки не доставило ему удовольствия.

– Ну, что, двигаем назад? – предложил Власов. – Часа полтора добираться.

– Двигаем, – согласился Серж. – Вот только заглянем ещё раз в ту квартиру...

Глава VI

Вопрос: как так вышло, что зомби оказались этажом ниже? не давал ему покоя. Зимин точно помнил, что перед дверью квартиры, из которой появилась эта зомбо-семейка, лежал такой слой пыли, который мог там собраться, лет за пять или даже десять. Как они туда забрались?

Друзья вернулись к подъезду. Благо, дверь они не захлопнули, а автоматический доводчик кто-то предусмотрительно отключил, должно быть, для того, чтобы устройство не мешало быстрому закрыванию двери, когда это необходимо (чего ещё ждать от зомби с автоматами и пистолетами?).

Заглянув в квартиру на четвертом этаже, они уже не удивились, обнаружив дыру в потолке и стоявшую под дырой лестницу. Удивило их другое: *атмосфера уюта*.

В квартире было чисто и по-спартански опрятно. Одна из комнат выглядела как детская спальня, другая – как спальня супругов. Белье на постелях не похоже, что свежее, но и запаха мертвечины не было. Но и это ещё не всё.

– Парни, вы это видите? – позвал Зими́на с Медведом Вла-сов.

– Ты о чём, Саня?

– Да посмотрите же! Печка!

– Ну?

– Гну! Чего тупишь, Ник? Вот, смотри... Вот труба... –

Власов направил луч туда, где кирпичная кладка уходила прямым в стену. – Вот туда дым уходит... в домовую вентиляцию...

– Ну, и что? Ну, печка... какие-то бомжи когда-то соорудили и грелись тут...

– Медвед, ты совсем тупой? Этих «бомжей» мы внизу упокоили!

– Сам ты тупой! Я уже понял: зомбаки играли в живых, устроили тут себе уютный мирок, а мы их отправили на тот свет, где их давно черти заждались. Чё теперь?

– Эй, хорош срать! – не выдержал Зимин. – Нашли из-за чего... Вот лучше сюда посмотрите... – он показал на открытую дверь в одну из комнат, куда заглянул в то время, пока Власов объяснял Медведу устройство печки (сам он её отметил ещё раньше Власова).

Когда двое вошли в комнату за Сержем, Медвед только присвистнул.

– Так вот куда тот хмырь консервы нес... – сказал Власов, водя фонарем вдоль полок с мешками и консервами.

– Именно! – подтвердил Серж. Похоже, мы наблюдаем любопытную тенденцию: у кадавров зарождаются и развиваются социальные наклонности.

– Фигня это всё! – сказал Медвед.

– Почему же?

– Эти самые «социальные наклонности» у них с самого начала были. Почему, когда началось, зомбаки перли первым

делом во всякие торговые центры и магазины, а?

– Привычка... – пожал плечами Зимин и уже хотел, было, объяснить Медведу разницу между приобретенным автоматизмом и сознательным поведением, но в это время на интерфейс поступил голосовой вызов. – Тихо! – сказал он одновременно и голосом и в общем чате. – Это мама... Да, мам...

– *Серезжа, ты где?* – услышал он голос в голове.

– У Ника в гостях, а что? – говоря это, Серж запустил медведовское запрещённое приложение и обозначил свою метку на особняке Медведевых.

– *Не могла до тебя дозвониться. И местоположение не отображалось.*

– Мам, всё хорошо. Мы тут в игру играем... большая нагрузка на импланты, вот нейросеть и глючит...

– *Серезжа, – строго сказала мать, – я очень надеюсь, что эта ваша игра не в старомосковских подземельях...*

– Мама, нет. Проверь метку... Ну откуда в доме Ника подземелья?

Серж кое-как убедил мать в том, что он ни в какой не в заброшенной канализации и не в тоннеле метро – ведь под землей МоскоуНет совсем не ловит! – и та, наконец, отключилась.

Они не стали задерживаться в странном логове странных мертвецов и отправились обратно.

До «базы» друзья добрались всего за час пятнадцать; шли

быстро, по пути сделав две короткие остановки, во время которых Медвед и Власов втюхали своим родственникам готовый шаблон Сержа. Ещё двадцать минут на периметр и десять – до первого людного места, откуда дальше – на такси.

Без пяти одиннадцать Серж Зимин был дома.

Глава VII

Встретиться договорились в старом сквере на юго-востоке Велико-Побединского округа, неподалёку от часовни Святого Николая Кровавого. Днём в этом районе было немногочисленно, так как большинство местных жителей находились на службе – в городской и внешней полиции или в богатых домах, в качестве охраны и прислуги. В сквере этом по вечерам крутились молоденькие дочери служанок и копов и богатые повесы из соседних районов, все со своими видами и целями, а днём было тихо. Разве что, иногда появлялись неприметно одетые парни и девушки в удобной обуви и со спортивными сумками. Интересы этих, как правило, состоятельных молодых людей, отличались от интересов вечерней публики. Не то чтобы их не интересовали флирт и секс, просто, помимо этих общих для всех нормальных и *живых* людей естественных интересов, у них имелся ещё один, несколько необычный, общий на всех интерес – подземелья.

В этом старом сквере была одна известная в узких кругах достопримечательность – неприметно расположенный в зарослях кустарника люк, ведущий в коллектор, ещё более старый, чем сквер над ним. Через этот люк те, кто называли себя диггерами, попадали в другой, живущий по своим законам и правилам мир – в подземелья старой Москвы, общие для Нью-Москвы и лежащего за периметром мёртвого горо-

да. Города мёртвых.

Когда Зимин с Медведом подкатили к месту встречи, Власов с Блиновым уже были там.

– Ну что, ты готов? – спросил Серж Блинова тоном доброжелательного лидера. Соскочив со скейта, он отточенным ударом ноги подкинул доску вверх и подхватил её рукой.

Парень с достоинством кивнул.

– Отлично! Тогда идём!

Убрав скейты в чехлы, ребята направились вглубь сквера к «точке входа» – так на диггерском сленге именовались любые люки, двери и просто дыры в бетонных плитах, через которые можно было попасть в подземелья.

Подойдя к нужным кустам, Зимин назначил Власова на «шухер» и аккуратно, стараясь не поломать ветки, стал первым пробираться к люку через заросли. За ним пошёл Блинов, а после – Медвед.

– Саня тебе скинул программу с метками? – на всякий случай спросил он Блинова, аккуратно сдвигая вдвоем с Медведом крышку люка.

– Да, – коротко ответил тот.

– Чет ты неразговорчивый, Ваня, – заметил ему Медвед.

– Я скромный, – широко улыбнулся крепыш.

Друзья переглянулись; при этом Зимин едва заметно кивнул Медведу, после чего тот, расслабившись и одобрительно покивав, объявил:

– Главное, что не борзый. – Медвед по-приятельски по-

хлопал присевшего на корточки рядом с люком новичка по колену. – Доставай бахилы! Я спускаюсь первым, ты за мной, а Саня с командиром – следом.

Командиром? – отправил ему в приват Серж, вопросительно взглянув на него.

Ну, да, командиром. Пусть привыкает к берегам. Чем нас больше, тем важнее дисциплина. Ведь так?

Так, – согласился Серж.

Натянув поверх кроссовок и штанов высокие чулки из тонкой прочной резины и накинув поверх одежды такие же тонкие плащи, Медвед с Блиновым по очереди скрылись в люке. Потом Зимин позвал Власова, отправив сообщение в чат. Они обулись, развернули и накинули плащи, Власов повязал на голову неизменную бандану, а Серж просто накинул на голову тонкий капюшон, после чего спустились в люк и, задержавшись на лестнице, вдвоем задвинули на место крышку.

Внизу по дну коллектора бежал прозрачный холодный ручей, по которому изредка проплывали бесформенные комки – прошедшее долгое путешествие по канализационным трубам дерьмо. Пованивало. Но не так, чтобы слёзы из глаз – умеренно, дышать можно.

В этот раз по коллектору они шли минут на десять дольше обычного. Ребята взяли за правило, что не станут каждый раз ходить одним и тем же путём.

Коллектор с ручьём имел несколько входов – расстояния

меду которыми варьировалось от пары сотен метров до пары километров – и множество ответвлений в разные стороны. Нужное ответвление, иначе «сбойка», представляло собой закрытую чугунной решеткой арку, помеченную особым образом (они прошли мимо по меньшей мере полутора десятка точно таких же, никуда не ведущих или ведущих не туда). За аркой начиналась самая неприятная часть маршрута – двухсотметровый «ракоход» – в точности повторявший форму арки коридор с осклизлым полом и стенами, высотой всего полтора метра, по которому пройти можно было только согнувшись пополам. «Ракоход» упирался в ещё один коллектор, почти такой же, как и первый, только без ручья с дерьмом и более-менее сухой. По нему наши диггеры и выходили напрямиком за периметр.

Об этом проходе Серж узнал месяц назад от одного знакомого диггера, которому теперь был должен (нет, не деньги, а равноценную по значимости эксклюзивную инфу: другой столь же надежный маршрут в мёртвый город).

Оказалось, что Блинов не такой уж молчун, как можно было вначале подумать. Они быстро нашли общий язык с Медведом и бóльшую часть пути упражнялись в уже привычном Зимину и Власову словоблудии. Похоже, теперь в их маленьком отряде было два трепача и пошляка. Что ж, это лучше, чем, когда рядом серьёзный и рассудительный умник, способный в дальнейшем претендовать на лидерство. Такого безобразия Зимин бы уж точно не потерпел. А так,

пусть треплются.

Пока они корячились по «ракоходу», Блинов затравил пару баек про мертвяков, которые слышал от отца, чем немного скрасил самую неприятную часть пути. То, что у надзирателей имелись свои, так сказать профессиональные, способы развлечения, не было ни для кого секретом. Вот только Зимину, в отличие от Медведа, не особо понравилось слушать про то, как «отважные» надзиратели бились на импровизированном ринге с мертвяками в ошейниках или про то, как стравливали зомби между собой, а уж последняя история про зомби-лесбиянок и вовсе вызвала омерзение. Но Медвед был в восторге.

– Слушай, Ник, – спрашивал Блинов, когда они вышли в сухой коллектор, – а правда, что ты зомблячку ножкой от пианино оприходовал?

– Не от пианино, а от рояля, – с апломбом знатока искусств поправил Медвед. – Да, было дело...

Медвед, вопреки своему характеру, не стал вдаваться в подробности, и несколько минут они шли в тишине.

Наконец Зимин решил расспросить Блинова о том, что вот уже несколько дней волновало его и ребят. Остановившись, он повернулся к идущим за ним Медведу с Блиновым (Власов немного приотстал, чтобы отлить, и теперь догонял остальных).

– Скажи-ка Ваня, а отец что-нибудь рассказывал тебе о диких зомби с автоматами?

– Шутишь? – уставился на него Блинов.

– Что, и Саня ничего не говорил?

– Не говорил, – ответил сам Саня, подойдя к друзьям. – Я не трепло, чтобы сливать то, о чём договорились помалкивать.

– Извини, дружище, – примирительно улыбнулся ему Зимин. – Просто вы вроде с Иваном давно корешитесь... Медвед бы мне про такое обязательно выложил... – он подмигнул Медведку.

– Э... – затянул было тот, но Зимин не дал сказать:

– Не потому, что трепло, а потому, что кореш, как родной, почти.

– Не, – покачал головой Блинов, – Саня меня за такого кореша не держит... – он беззлобно усмехнулся, взглянув на Власова. – А что за зомби с автоматами?

Зимин коротко пересказал ему историю последнего похода за периметр.

– Охренеть! – присвистнув, только и сказал Блинов, когда Серж закончил описанием кладовой с припасами в уютном гнездышке мертвецов. Потом, помолчав, расстегнул куртку и со словами: – Значит не зря взял... – достал из внутреннего кармана пистолет. – Вот... – показал он опешившим друзьям короткий цилиндр с рукоятью из черного пластика, – электрический шокер. Бьет на два метра шаровой молнией...

Зимин, скрывая удивление, молча протянул руку, и парень, ни секунды не медля, просто передал ему оружие.

– У отца одолжил? – спросил Серж, рассматривая миниатюрный, похожий на игрушку пистолетик.

– У него, – спокойно сказал Блинов. – С этим порядок, проблем не будет. Это подарок бати... Смотри... вот тут... – (он показал пальцем где) – можно регулировать силу разряда... Если на полной мощности, хватит на пять раз шмальнуть... Но для живых это сразу смерть, минуя стадию зомби... мозги сварятся, если в башку...

– Хороший подарок, – с одобрением покивал Серж, возвращая оружие Блинову. – У меня тоже есть кое-что... – он немного задрал куртку, продемонстрировав заткнутый за ремень пистолет (из вороненой стали, а не из пластика), который незаметно забрал из укромного места, пока они шли через «ракоход».

– Настоящий? – с опаской поинтересовался крепыш. Сержу на мгновение показалось, что тот испугался, но быстро взял себя в руки.

– Конечно. «Парабеллум два ноль пять ноль», калибр девять миллиметров. Трофейный. Это из него мне та дохлая мамаша чуть мозги не вынесла.

– Серьёзная штука...

– Конечно, серьёзная, – подтвердил Зимин, улыбнувшись одними уголками рта. Вышло немного надменно. – На случай, если снова попадутся вооруженные мертвяки... или если их окажется слишком много. – Или если ты вздумаешь чего выкинуть со своим шокером, – добавил он про себя.

Пройдя около километра по сухому коллектору, ребята поднялись на поверхность через ствол колодца. Наверху была заставленная ржавыми машинами второстепенная улица, двумя кварталами южнее упиравшаяся в оплетенную колючей проволокой пятиметровую бетонную стену периметра. Люк, через который они выбрались, удобно располагался на проезжей части, между двумя навсегда остановившимися троллейбусами – двухсекционными «гармошками» со спущенными колесами и выбитыми окнами – и был прикрыт дверью от легковушки.

Осмотревшись, ребята двинулись в сторону ближайшего перекрестка, до которого было около сотни метров. Там, на пересечении двух улиц, на втором этаже одного из угловых зданий, в бывшем офисе какой-то фирмы и была их «база».

По сути, то было обычное для мёртвого города помещение: пыльное, грязное, со следами погрома; разве что стёкла в окнах оставались целы – то ли бронированные, то ли у погромщиков руки не дошли (проверить их на прочность не стали – ветра нет, дождь не заливает и хорошо). В помещении этом друзья хранили своё нехитрое вооружение, экипировку, кое-какие припасы и аптечки первой помощи. Ничего лишнего: пришли, переоделись, взяли топоры и вперед, на охоту!

Власов подобрал Блинову комбинезон, скейтерский шлем, перчатки и защиту на колени и локти из имевшихся

запасов, после чего предложил выбрать подходящее оружие из примерно двадцати свободных топоров, кувалд, лопат, кирок и подобного инструмента. Повертев в руках несколько топоров и киркомотыг, парень остановился на лёгкой кувалде с длинной рукоятью.

– Эта в самый раз будет, – повертев кувалду в руках, сказал Блинов.

– Возьми ещё что-нибудь полегче, – посоветовал ему Влазов. – Вот этот гвоздодер, например.

Блинов послушал друга и пристроил гвоздодер на специальном монтажном поясе.

– Ну, что, – с улыбкой сказал Зимин, осмотрев экипировку новичка, – поздравляю! Теперь ты один из «Истребителей»!

– «Истребителей»? – не понял тот.

– «Истребителей кадавров», – объяснил ему Медвед, поигрывая ножкой от фортепиано.

– На всякий случай, напоминаю, – Серж перестал улыбаться. – У нас в отряде каждый имеет свои обязанности и отвечает за своё дело. Саня, как ты понял, у нас завхоз и медбрат. Если порезал руку или ушибся, у него с собой есть аптечки, бинты и пластыри. Если нужна помощь с софтом или с координацией на карте – это к Медведу. Я – старший. С этим нет проблем? – (Блинов отрицательно покачал головой) – Вот и хорошо. Пока ходи так, а дальше будет видно, чем тебя нагрузить... Это решим все вместе, после того, как

вернемся за периметр.

– Окей, командир, – коротко кивнул Блинов. – Я всё понял.

– Тогда выдвигаемся! – объявил Зимин. – Снаружи все разговоры через чат, в голос только в крайнем случае или на привале. Я иду первым, за мной – Медвед, потом – Иван, Саня – замыкающий. Выходим.

Глава VIII

Они сразу направились на восток. Зимин ещё вечером набросал на карте приблизительный маршрут, взяв за конечную точку тот самый дом, где было логово зомби-семейства. В прошлый раз они вышли туда, сделав приличный крюк к северу, теперь же предполагалось сократить расстояние примерно на треть. Всего минут сорок туда, и там уже осмотреться. И поохотиться, конечно, если раньше никто не попадется.

Что у нас с патрулями внешников? – спросил Серж, обращаясь к Медведу, когда показал всем маршрут на общей карте.

Вот здесь и здесь, – Медвед обозначил две точки, – *надо будет осторожно переходить улицы. Вот, посмотри...* – он передвинул метку. – *Тут можно под эстакадой пройти. Минут десять теряем, зато без риска попасть на глаза полицаям. А дальше – по твоему плану, дворами.*

Хорошо. Так и сделаем.

Первый кадавр попался как раз под той самой эстакадой, о которой говорил Медвед.

Мертвец – «дикарь» без ошейника – прятался за одной из опор эстакады. По-видимому, уже давно следил за ними. Серж заметил его метров за сто и предупредил всех, чтобы

не подавали вида и держались так, будто не замечают кадавра, после чего распределил кому и что делать. Зайдя под эстакаду, они разделились по двое – сам он с Медведем и Власов с Блиновым – и окружили опору, зажав мертвеца в «клещи».

Тот оказался щуплым мальчишкой лет двенадцати, изрядно погнившим, но в неплохо сохранившейся синтетической одежде. В хилых ручонках с облезшей кожей мелкий мертвяк сжимал кусок пластиковой трубы, утыканный на конце здоровенными гвоздями. Оказавшись в безвыходном положении, зомбёныш ощерился лишённой губ кривоzubой пастью и, мерзко зашипев, выставил вперед своё, пусть примитивное, но, всё же, довольно опасное оружие.

– Дайте-ка я разберусь с мелким говнюком! – прогоготал Медвед и, получив одобрение Сержа в виде короткого кивка, уверенно двинулся на зомбёныша.

Не тут-то было! Короткий выпад тщедушного трупика, взмах костлявой руки и труба с гвоздями описала полукруг в десяти сантиметрах от живота Медведа, аккуратно под ножкой от фортепиано, которую тот держал на уровне лица. Парень отпрыгнул назад и, зло оскалившись, опустил ножку ниже.

– Смотрите какой, Д’Артаньян! Ну, щас я тебя...

Он резко рванул на зомбёныша и тут же отпрянул назад, когда тот снова начал описывать трубой полукруг. Только на этот раз Медвед резко опустил ножку вниз, остановив полет трубы. Несколько гвоздей тут же впились в дерево, и Мед-

вед, рванув ножку вниз и в сторону, обезоружил противника. Зомбёныш не удержался на тощих ногах и растянулся перед Медведом.

– Что,дохлое чмо? – загоготал довольно Медвед. – Попался?! Интересно, что эта пакость сейчас думает? – Спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Может, как укусить тебя за ногу? – предположил Власов.

– Давай уже, заканчивай, – сказал Зимин. – Следующий мертвяк Ивану.

– Как скажешь, Зима-командир, – ухмыльнулся Медвед. Рывком отодрав от резной ножки трубу с гвоздями и отшвырнув её в сторону он принялся колотить зомбёныша своим орудием, как недавно колотил им сначала разбитое в дребезги фортепиано, а после мертвячку у подстанции. Только вместо струнной какофонии и визга мёртвой девочки под тупой скулеж зомби-мамаши, окрестности теперь огласили истошные вопли маленького трупа. Медвед перебил ему сначала руки, потом ноги в нескольких местах, прежде чем проломить хрупкий череп и тем заставить трупа заткнуться.

Следующий поджидал их во дворе девятиэтажного дома, куда они направились от эстакады, оставив позади ощерившегося в разные стороны обломками костей до конца мёртвого шкета. Этот был вооружен каким-то самодельным огнестрелом, по-видимому, заряженным дробью или картечью.

Мертвец, похоже, видел, как друзья расправились с зомбённышем, и решил отомстить за собрата. Ох уж эти социальные зомби!

Едва они свернули во двор, как кадавр выскочил перед ними не пойми откуда и наставил на них своё «ружьё» из примотанного проволокой к палке куска стальной трубы и какой-то ещё фигни. Издав из гнилой пасти победный рык, кадавр чем-то чиркнул сбоку «ружья», в «ружьё» что-то зашипело, тихо, почти жалобно пшикнуло и... ничего. Осечка!

Теперь моя очередь,дохлый ты ублюдок! Резким, немного нервным движением Зимин выхватил пистолет. Перещёлкнуть предохранитель получилось со второй попытки, – пальцы немного дрожали. Держа пистолет двумя руками, он прицелился и нажал на спуск. Грохнул выстрел. Мимо. Ещё раз. Мимо!

Кадавр активнее завозился со своим оружием... Серж зарычал сквозь зубы не хуже самого зомби, и быстро пошёл прямо на упыря.

Когда между ним и мертвецом оставалось не более трёх метров, Серж снова выстрелил и на этот раз попал точно в голову. Кадавр бревном повалился назад, приложившись со всего маху затылком о растрескавшийся от времени асфальт.

– Так-то лучше, – сказал Серж и, подойдя ближе к мертвецу, пнул того ногой по роже.

Пуля попала зомби точно в лоб над правым глазом и оста-

вила на выходе на затылке внушительного размера дыру, через которую остатки мозгов при ударе вывалились наружу.

Наклонившись, Зимин вырвал из обмякших пальцев «ружьё», повертел в руках.

– Пóджиг. Или самопал... Или как там эта штука называется, – он обернулся к друзьям. – Думаю, это хреновый трофей... Что скажешь, Медвед?

– На хер его. С такой пушкой закончишь как этот дохлый хмырь...

Зимин согласно кивнул и зашвырнул самопал в ближайшие кусты. Потом отщёлкнул магазин и, посчитав патроны – осталось двенадцать выстрелов, – вернул на место. Нужно быть экономнее, сказал он себе. Три патрона на одного – непозволительная роскошь.

– Ну что, идём дальше веселиться? – обратился он к друзьям.

– Идём, командир, – ответили ему все трое в один голос.

Третьей стала мертвячка, помершая, судя по внешнему виду, от глубокой старости. Кадавра, похоже, была глухая и не слышала выстрелов в соседнем дворе. Она брела куда-то по своим мертвецким делам и не сразу заметила, как позади появились «Истребители кадавров». Только когда до зомби-старухи (или «зомбухи», по выражению Медведа) оставалось метров пятнадцать, карга обернулась и, прокряхтев что-то нечленораздельное, заковыляла вперед немного быстрее.

Серж кивнул Блинову. Крепыш покрутил в руке кувалду и ускорил шаг.

Догнав каргу, он с размаху врезал ей по затылку своим орудием, упокоив с одного удара.

Ещё один зомбёныш, только теперь женского пола, достался Власову. Должно быть, когда-то это была девчонка чуть старше той, из зомби-семейства. Теперь же это существо выглядело точь-в-точь как персонаж из старого сериала, где главный герой приходит в себя в больничной палате, ничего не понимая, выходит на улицу и там встречает девочку с игрушечным медведем. Герой сериала поначалу принял мертвячку за живую и чуть не поплатился за свою ошибку жизнью, но «Истребителей» не проведешь: ребята родились и выросли в мире, где ожившие мертвецы – реальность, как и карантинные зоны в Замкадьи, где мертвецы теперь выращивали хлеб для живых, или радиоактивные пустоши по всему миру на местах бывших мегаполисов. Серж Зимин и его друзья знали: за периметром живых нет (кроме, конечно, надзирателей и внешников), и если перед вами девочка с соломенными волосами, в шортиках и кофточке, то это маленький кадавр.

Немного побегав за мелкой мёртвой гадиной, они прижали её к стенке, и Власов с серьёзным видом отрубил ей голову остро наточенным топором с первого взмаха.

Глава IX

К конечной точке намеченного маршрута они вышли, когда до сумерек оставалось часа три. Зимину очень хотелось ещё раз побывать в кадавровом семейном логове и хорошенько там всё осмотреть. Не исключено что, если поискать, они найдут там какое-нибудь оружие или, хотя бы, патроны для его пистолета. Зимин поделился этими соображениями с ребятами, на что те ответили единодушным одобрением: Медвед также, как и Зимин надеялся найти там оружие, Власов хотел получше изучить систему распределения дыма через вентиляцию, а Блинову было попросту интересно увидеть логово своими глазами.

Стараясь не шуметь, «Истребители» вошли во двор дома и направились ко входу в подъезд.

Это там тебя дохлячка чуть не пристрелила, командир? – поинтересовался Блинов, кивнув в сторону домика электроподстанции, когда они поравнялись с ним.

Да. Там. – Серж кивнул. – *Хочешь взглянуть?*

Интересно, – лицо крепыша расплылось в простоватой улыбке.

Тогда идём! – Серж свернул к электроподстанции через заросшую молодыми деревцами детскую площадку.

Через минуту они обошли домик по кругу, но ничего не нашли. Только бурые пятна там, где три дня назад лежали

тела окончательно убитых кадавров.

– Странно... – тихо произнёс Серж, осматривая место. – Кому понадобилось куда-то тащить мертвецов? Зачем?

– Может, это дикие животные, – предположил Власов, – собаки?

– Саня, ты хоть раз видел здесь собак?

– Нет... – пожал тот плечами.

– Потому что почти всех давно сожрали зомби, а оставшихся отстреливают внешники.

– Тогда сами «дикари»...

– Вот на это больше похоже, – согласился Серж. – А из этого следует... – продолжил он задумчиво. – Что из этого следует, Медвед? – Серж обернулся к стоявшему немного поодаль у стены другу.

– Что поблизости есть ещё логово таких же, как те..., – ответил друг, – одно или даже несколько...

– Странные они, эти зомби... – сказал Власов. – Очень странные. Если так дальше пойдёт, и мёртвые будут становиться всё умнее, будут социализироваться, заново научатся не только использовать оружие и технику, но и создавать...

– То мы, – прервал и закончил за него Серж, – живые, окажемся их прямыми конкурентами по владению планетой. Так и будет. Я об этом уже третий день думаю.

– Интересно, в Правительстве про это знают?

– Ты в этом сомневаешься, Саня? Думаешь, зачем ещё нужны внешники?

– Я вот думаю... – сказал тогда Медвед, почесав шлем на голове, – если тех двоих убрали отсюда... допустим, чтобы похоронить... то, это может значить, что кому-то неприятно было видеть их здесь... Посмотрите вокруг. Видите? Деревья, машины, всякое дерьмо... Кому могло быть видно это место?... – он посмотрел сначала – на с интересом слушающих его друзей, потом – на здание позади них. В этот момент лицо его изменилось, словно он увидел что-то или кого-то. Медвед начал было открывать рот, но не успел ничего сказать. Что-то ударило Медведа в шлем и одновременно с тем позади него на стену брызнуло белесо-малиновым. Хлопок выстрела раздался после, с опозданием на доли секунды. Серж видел, как лицо друга изменилось, приняв удивленно-тупое выражение, после чего парень тряпичной куклой рухнул вниз.

Он упал на том самом месте, где совсем недавно сам забивал мертвячку ножкой от фортепиано, которую и теперь всё ещё продолжал сжимать в руке. Ник Медведев был мёртв.

Долгое мгновение Серж смотрел на мёртвого друга, пока не прозвучал следующий выстрел. Пуля ударила в бетонную отмостку здания подстанции в метре от Власова и отрикошетила куда-то в сторону. Следующая могла сделать с любым из них, не исключая и его самого, то же, что и с Медведем. Он взглянул на ребят: Власов, похоже, был в шоке от происшедшего; Блинов стоял и вертел головой по сторонам, как большой и любопытный ребенок. Поймав взгляд Сержа, он

указал рукой куда-то вверх и вправо и объявил:

– Стреляли оттуда, командир! Кажется, девятый или десятый этаж!

Слова Блинова будто вырвали его из ступора: он, Серж Зимин, здесь главный; он всё ещё командир, и его маленький отряд пойдёт за ним, куда он скажет. Действуй! – приказал он себе. Действуй, твою мать!

– Уходим! За этот дом! – Серж хлопнул по плечу Власова, тупо уставившегося на лежавшего в двух метрах от него Медведа; пальцы смертельно раненого слегка подрагивали, вокруг головы медленно расплзалась кровавая лужа. – Его уже не вернуть. Уходим!

Блинова уговаривать не пришлось. Когда раздался третий выстрел, крепыш уже скрылся за углом подстанции.

Серж схватил Власова за куртку и потащил за собой, к ближайшему углу, противоположному тому, за которым скрылся Блинов.

– Не тормози, Саня! Валим! Давай! – он тащил друга за собой, но тот был вял, будто напился.

Когда они завернули, несколько пуль щёлкнули о стену за углом.

– Подожди... – попросил Власов. Серж отпустил его и тот тяжело привалился к стене. – Кажется, в меня попало...

Только теперь Зимин понял, почему друг еле-еле волочил ноги. Посмотрев вниз, он увидел алую дорожку из крупных и мелких пятен, тянувшуюся за ними следом по бетонной

отмостке.

– Ну-ка... дай посмотрю... – он расстегнул куртку друга и ком подступил к горлу. Пуля прошла навывлет от лопатки и вбок, раздробив на выходе ребро и вырвав клочок плоти вместе с одеждой. Кровь текла из этой рваной дыры, не переставая, ровным широким ручейком и уже образовала небольшую лужу у ног раненого.

– Что... – пьяно улыбнулся Власов, – плохо дело, да, Зима? – парень начал сползать по стене.

– Хреново, Саня, – честно ответил ему Серж. – Совсем хреново, друг...

– Л-ладно... – прохрипел парень, глаза его закатились вверх и он кулем завалился набок.

Опустившись на колени рядом с раненым, Серж приложил пальцы к его шее: пульса не было.

Вот и всё. Их осталось двое – он и Блинов.

Только теперь он понял, что стрелять перестали. А это значит, что стрелявший – убийца Ника Медведева и Алекса Власова – сейчас идёт сюда... Наверно, спускается по лестнице...

Серж осмотрелся.

– Иван? Ты где? – спросил он негромко.

– Здесь я, – из-за дальнего угла здания подстанции появился Блинов. В руке он сжимал свой пистолет-шокер. Он коротко взглянул на Власова и покачал головой. – Стрелок скоро будет здесь... Надо уходить...

– Знаю, – сказал Серж, доставая пистолет. – Есть соображения?

– За подстанцией есть люк... Похоже, теплотрасса. Можно попробовать...

– Попробуем, – сказал Серж. Он стянул с Власова небольшой рюкзак, в котором у того были кое-какие инструменты, припасы, бинты и аптечки первой помощи – нельзя пренебрегать такими вещами, когда тебя в любой момент могут ранить. – Идём! Пока этот стрелок и нас не подстрелил.

Глава X

Колодец теплотрассы оказался завален мусором, но немного дальше была асфальтированная площадка, на которой стояло несколько легковушек и микроавтобус, – пригнувшись, ребята перебежали за него и затаились. Укрытие, мягко сказать, не очень надежное. Особенно если учитывать, что за спиной было ещё одно здание – поменьше того, из которого стреляли – и в нем тоже могли быть вооруженные «дикари». Но, что есть, то есть.

Вскоре появился стрелок. Мертвец с винтовкой (снайперской, судя по имевшемуся на ней оптическому прицелу) вышел из единственного подъезда некогда элитного дома. На мертвце был сильно поношенный камуфляж, какие носили внешники, высокие ботинки и бандана цвета хаки. Выглядел он как матерый «солдат удачи» из кино, только мёртвый. Бледное лицо без носа с торчащими скулами и впалыми желтоватыми глазами буквально излучало угрозу. Едва взглянув на кадавра, Серж понял, что не стоит попадаться в поле зрения этих мёртвых злых глаз. С таким и полицейский патруль может не справиться: засядет где-нибудь на верхотуре и перестреляет всех враз.

Лучше не высовывайся, командир, – попросил Блинов через чат.

Сам знаю, – огрызнулся Серж, но всё же прислушался к

просьбе.

Окинув мёртвым взглядом двор и на секунду задержавшись на здании электроподстанции, возле которой лежали тела убитых им Медведева и Власова, кадавр пошёл прямо по дороге в сторону, откуда они пришли сюда каких-то пятнадцать минут назад.

Расстояние между кадавром и замершими в страхе Зиминим и Блиновым было метров двадцать, не более. Одно неосторожное движение, звук и мёртвый стрелок через считанные секунды будет рядом. Теперь они – добыча, а охотник – он, мёртвый солдат.

Не дожидаясь, когда кадавр поравняется с ними, ребята, не стовариваясь, улеглись на поросший травой асфальт, прикрываясь бордюром и торчавшими за ним ещё зелёными кустами. Серж медленно вытянул перед собой обе руки, удобнее ухватив рукоять пистолета запотевшими ладонями. Блинов тоже приготовил свой шокер, осторожно, избегая малейшего щелчка, переведя регулятор мощности разряда в максимальное положение.

Что дальше?

Будем ждать.

Если пойдёт в нашу сторону, лучше сразу стреляй, – посоветовал Блинов.

Зимин не ответил. Он и сам уже решил, что поступит именно так.

Сколько у тебя патронов?

Двенадцать.

Должно хватить, чтобы пристреляться и попасть.

Надеюсь, не придётся, – честно признался Серж.

Тем временем мертвец вышел к углу огибавшей дом П-образной пристройки, на которой виднелась полуобгоревшая вывеска какого-то банка. Остановившись, кадавр постоял там минуту, медленно водя по сторонам иссушенным смертью лицом. Осмотрев двор, несколько раз скользнув при этом мёртвыми глазами поверх переставших дышать ребят, мертвец побрёл дальше по дороге и вскоре исчез за соседним домом.

Ну что, идём? – Блинов повернулся к Зимину.

Подождём немного. Пусть подальше уйдёт.

Ему было страшно, но не настолько, чтобы прийти в бездействие, в ступор – не настолько, чтобы сдаться. Смерть двоих друзей казалась Сержу чем-то нереальным и вместе с тем – глупость и абсурд, он это осознавал – обратимым. Зимин понимал, что это не так, что всё, что произошло – реальность, но, видимо, сработала какая-то защитная система психики, что-то вроде предохранителя, не давшего ему оцепенеть от ужаса и сломаться. Крепыш Блинов рядом с ним тоже боялся и по-своему переживал случившееся. Серж чувствовал его страх. Но, при всем притом, парень имел холодную голову и неплохо соображал. Не зря, всё-таки, Саня его привел в команду.

А ведь он мог никуда не уходить... – подумав, предполо-

жил Блинов. – *Ждёт сейчас нас за углом...*

А мы не пойдём старым путём. Он свернул налево, а мы обойдем квартал справа.

А если этот вояка не один? – крепыш вопросительно уставился на Зимина.

Тогда бы нас сейчас увидели сверху и подстрелили.

Верно. – Блинов зачем-то поднес шокер к глазам и проверил настройки.

Нервничает, отметил про себя Зимин и сам ещё раз проверил предохранитель на пистолете.

Всё, пошли! – он осторожно толкнул Блинова коленом в бедро. – *Не стоит здесь долго разлёживаться.*

Идём! – кивнул крепыш.

Согнувшись пополам, перебегая от машины к машине, от куста к дереву и от кучи непонятого металлолома снова к машине, они пробрались через двор к соседнему дому и оттуда дальше.

Метров через триста ребята осторожно выглянули на улицу из-за угла выгоревшего когда-то в пожаре здания. Улица была пуста.

– Где же ты, гнилой ублюдок? – тихо произнёс вслух Зимин.

– Думаю, не стоит так переходить улицу... – сказал Блинов.

– Подземных переходов здесь нет.

– И не надо. Смотри. – Блинов указал рукой на затор из

нескольких легковых машин в квартале от них. – Чем не переход?

Глава XI

Вечерело. Запустелые дворы некогда жилых многоэтажек наполнялись тенями. Задул слабый ветерок, разбавив безмолвие мёртвого города монотонными скрипами и шелестом опавшей листвы. Чтобы лучше видеть, Зимин запустил в интерфейсе приложение-фильтр и то же посоветовал сделать Блинову. Картинка стала немного светлее. Но, как не настраивай интерфейс, а простой человеческий глаз без специальных линз, как у полицейских, или каких-либо других дополнительных средств, вроде ПНВ, остаётся простым человеческим глазом, – видеть в темноте по-кошачьи его никакими настройками восприятия не заставишь.

Пройдя через ещё три двора, они вышли к затору и уже в сумерках, встав на карачки, перебрались на другую сторону улицы. Серж вспомнил, как утром обещал матери засветло вернуться и ему вдруг стало стыдно за то, что не сдержал обещания. А ещё они с Иваном вернутся вдвоем. Ник и Алекс останутся лежать здесь, в мёртвом городе, мёртвые. Что он скажет отцу и матери? Что скажет родителям Медведа? Сани? Как объяснит случившееся?.. Случившееся? Нет, произошедшее. Смерть ребят не была случайностью. Она не раз уже могла наступить. И вот наступила. Он и сам мог быть давно мёртвым... по крайней мере, с прошлого раза, когда его чуть не пристрелил тот кадавр – отец семейства, или кем

он там приходился двум мертвячкам из логова, маме и дочке.

– Эй, командир, чего завис? – потербил его по плечу Блинов. – Мы идём?

– Что? – Зимин опомнился. Он всё ещё стоял, прислонившись к стене, в тени дома на другой стороне улицы. – Да... Идём... И, это, ты не зови меня так... Друзья меня просто, Зимой зовут... Или по имени...

– Ладно, – коротко кивнул крепыш. – А меня Саня Вэном звал... И ты зови...

– Окей. Буду Вэном.

– Так идём? Стемнело уже.

– Идём.

Они двинулись сначала на север, прошли четыре квартала и только после повернули на запад, к «базе». Один раз им попался «дикарь», – щуплый мертвец в драном пальто увлеченно ковырялся в куче какого-то хлама и не заметил подошедших живых. Парни со злостью до изнеможения долго пинали «дикаря» ногами, а в конце Зимин проломил ему череп бывшим при нем молотком.

Вымещение чувств на непричастном кадавре не помогло. Сколько не убивай мертвецов, друзей уже не вернуть, понимал Серж. И подступавшую с каждой минутой странную неуловимую боль – боль утраты, если выразаться пафосно – таким способом не уймешь. Разве что, если забить молотком проклятого «солдата удачи», который сейчас где-то бродил,

возможно, неподалёку, ища их с Вэном. Вспомнив мёртвого стрелка, Серж почувствовал, как вспотели подмышки: нет, этого он не сможет забыть.

Давя в себе мерзкое чувство стыда и страха, Зимин, молча шагал по темной улице. Блинов шагал рядом и тоже молчал. Наверно, испытывал то же самое. До «базы» оставалось около километра по прямой.

Глава XII

Мертвец появился из ниоткуда. Никто так и не понял, где тот прятался.

Шедший рядом с Зиминым Блинов незаметно отстал, а когда сзади послышалась какая-то возня и Серж оглянулся, то увидел лишь несущегося на него кадавра.

Кадавр оказался весьма крепким, – при жизни такой вполне мог быть каким-нибудь спортсменом. Серж не успел поднять пистолет, который всё время пути держал в руке. Мертвец навалился на него всем своим немалым весом и сбил с ног. Падая, Зимин ударился локтем об асфальт, и оружие выпало из онемевшей руки, отлетев неизвестно куда. Мерзкая харя упыря уставилась в лицо парня гнойниками глаз; раззявив зловонную пасть, кадавр захрипел, нечленораздельно зарычал, и, ухватившись обеими руками за шею, стал душировать его, налегая изо всех своих нечеловеческих сил.

В глазах у Зимина быстро темнело, сердце колотилось в груди как засбоивший компрессор, больно отдавая в виски тупыми ударами, руки ослабли, тело обессилело. Он не мог вдохнуть, казалось, целую вечность. Глаза были открыты, но мерзкую харю уже поглотила чернота – тьма, которая становилась всё чернее и чернее. Серж уже не чувствовал ничего; навалившийся сверху мертвец казался лёгким как покрывало, а мосластые руки-клешни кадавра были как холо-

дящие осенние листья, что прилипли к шее от порыва ветра. Всё. Конец. Последняя мысль в ледяной голове сворачивалась, уменьшалась в объёме, превращалась в точку, которая...

...внезапно взорвалась сверхновой, и тогда наступило небытие.

– ...Серж... Ты как? – послышалось откуда-то издали – ...Зима... Эй... Зима... – кто-то врезал ему по щеке. – Эй! Да очнись ты уже!

– Ч-щ-что? – с трудом выдавил он. – Ч-что с-случ-чилось?

– Отрой глаза! Ну! Посмотри на меня!

Серж с усилием разлепил слезящиеся веки. Над ним были звёзды. Ночное небо без облаков в обрамлении черных как уголь верхушек зданий.

– Ну? Что видишь? – звёзды загородила отдалённо знакомая фигура. Кто это? – Т-ты к-кто?

– Это я, Вэн... Иван. Ну? Видишь меня?

– Ви-жу... А что с-случилось? – повторил он вопрос.

– Шаровая молния случилась, зомбаку в голову... – Блинов показал уже знакомый Сержу пистолет-шокиер. – Вон он лежит...

Серж повернулся на бок, обнаружив, что лежит на асфальте. Левую руку что-то сжимало и покалывало; он поднес запястье к лицу и обнаружил на нем аптечку первой помощи из рюкзака Власова. Широкий матерчатый хомут тихо мо-

нотонно гудел и вибрировал, выполняя предписанные программой алгоритмы экстренной общей диагностики, забирая пробы крови, измеряя давление и считая пульс, впрыскивая в кровь препараты через тонкие иглы. В голове медленно прояснялось, но она по-прежнему раскалывалась на несколько очагов боли, расположенных точно в тех местах, где стояли импланты.

Зимин попытался сесть самостоятельно, но не вышло, и тогда Блинов ему помог. В глазах снова потемнело, и аптечка завибрировала чуть сильнее. Через несколько секунд зрение вернулось, Зимин осмотрелся: кадавр-спортсмен лежал в паре метрах и не подавал признаков жизни. Он попробовал вызвать меню интерфейса, чтобы осветлить картинку, и не смог.

– Слушай, – сказал он Блинову, – у меня что-то не так с интерфейсом... Его будто нет... Ай... – он обхватил голову двумя руками. – Сука... Трещит.

– Похоже, это у тебя импланты от разряда полетели. Извини. Я не мог стоять в стороне и смотреть, как этот вурдалак тебя душит...

– Да я не в претензии. Спасибо тебе, дружище! – кое-как справившись с болью, поблагодарил Зимин. – Сам-то как?

– Жить буду... – только теперь Серж заметил, что скейтерский шлем на голове парня, в который облачил того Власов, треснут почти надвое.

Блинов вкратце пересказал события последних десяти

минут: мертвец напал на него откуда-то сбоку – то ли из-за стоявшей у обочины машины, то ли из-за одного из деревьев – и сходу приложил головой о стену дома, вдоль которой они шли, так, что тот сразу же отключился. Судя по виду расчитанного на сильные удары об асфальт и бордюры шлема, окажись Вэн без оногo, был бы сейчас мёртв.

– ...А когда я очухался, – продолжал Блинов, – смотрю: этот, – он кивнул на мертвеца, – сидит на тебе верхом и душил... Ну, я быстро достал шокер и бегом сюда... засадил ему в башку, практически с прямого контакта... Он коленями стоял на земле, так что заряд прошёл по пути: голова – спина – жопа – колени и дальше в землю... Ну, и тебе тоже досталось немного....

Серж слушал Ивана и постепенно приходил к осознанию того, какая лавина проблем свалится на их головы в самое ближайшее время.

– Слушай, нам надо убираться отсюда, – сказал он, собравшись с силами и вставая. – Кстати, ты не видел мой пистолет?

Глава XIII

До «базы» ребята добрались без приключений. Быстро переоделись, забрали зачехленные скейтборды, бахилы и плащи для похода через канализацию и вышли на перекресток. Луна к тому времени уже взошла на востоке, облив бледно-жёлтым светом крыши домов и отдельные куски ведущей прямо к периметру улицы. На месте, где стояли троллейбусы, меж которыми был спуск в сухой коллектор, лежала широкая полоса лунного света. Свет падал между двух высоток на фасад пятиэтажного здания, захватывая оба гармошкообразных троллейбуса и часть автомобильного затора, справа от них. Обходя мёртвые машины и разный валяющийся на дороге хлам, они пошли по улице к троллейбусам.

Голова Зимина болела уже меньше – наверно действовали анальгетики из аптечки, – но ясности в мыслях не прибавилось, всё вокруг казалось немного нереальным, постоянно чего-то не хватало – какой-нибудь мелочи, вносившей бóльшую ясность во всё видимое и слышимое.

Первые импланты Сержу и его сверстникам установили, когда ему было семь лет. Потом был апгрейд в десять и в четырнадцать. Он настолько привык к постоянно дополняемой реальности, к удобным приложениям, чатам, к прямой передаче звуков и образов и возможности записывать всё, что видит и слышит, даже сны, что теперь, без всего этого

мир вокруг казался ему ущербным, неполным. Теперь он не мог ничего записать, отметить как важное или второстепенное, а чтобы что-то сказать идущему немного впереди другу, он должен был произнести это вслух. Когда они вернутся в Нью-Москоу... когда он пройдет через все неприятности с родителями, полицией, ГСБ, с родителями убитых друзей..., его импланты, конечно же, восстановят, но пока это не произойдет, Серж Зимин будет чувствовать себя неполноценным, будет инвалидом.

Осталось немного. Вот уже и троллейбус, за которым ждёт спуск в сухой коллектор. Там, под землей, будет полегче. Там нет кадавров, только крысы. Мёртвый город останется здесь, и начнётся другой мир, безопасный для знающего что к чему диггера. Жаль только, что пистолет так и не удалось найти, но у Вэна есть шокер, а у него самого – надежная монтировка, которую он прихватил с «базы» на всякий случай.

Подойдя к троллейбусу, ребята свернули на тротуар, чтобы обойти затор. Множество легковушек образовали в этом месте стихийную стоянку без всяких следов аварии (должно быть у кого-то, ещё в самом начале зомби-пандемии, попросту заглох мотор). Здесь, в лунном свете Зимин мог видеть отчетливо без всякого интерфейса. Вывески над разбитыми витринами, нанесенные позже на стены граффити – всё легко читалось, просматривалась каждая мелочь. Ему вдруг захотелось сохранить окружающую картинку, настолько необычным, сочным было это естественное освещение,

но его нейросеть не работала. Может, попросить Вэна? Зимин сразу отмел эту мысль: такая просьба показалась ему неуместной, слишком интимной. Лучше просто запомнить, решил он.

Они проходили мимо «гармошки», соединяющей в одно целое две части старинного городского транспорта, приличными людьми некогда называемого «лоховозом», когда из его последней двери показалась фигура. В первый миг понять кадавр это или человек было нельзя, но вот фигура вышла на свет и Серж вздохнул с облегчением: это был живой. Человек.

На нем была форма внешнего полицейского, довольно потрепанная, но сразу узнаваемая. На голове песочная бандана, из-за плеча выглядывает ствол не то винтовки, не то автомата, на портупее – разных размеров чехлы и подсумки. На вид ему было лет двадцать пять-тридцать, лицо серьёзное, даже суровое, но сказать точно о его намерениях было нельзя. Сержу показалось, что он раньше уже где-то встречал этого парня. Шедший впереди Блинов встал как вкопанный, Зимин чуть не налетел на него и тоже остановился.

– Ну, что, герои, – обратился к ним незнакомец, которого Зимин поначалу принял за полицейского; слово «герои» он произнёс так, как обычно произносят слова прямо противоположные по смыслу, – добегались? – Глаза его холодно блеснули. Незлые глаза незлого человека. Была в этом взгляде усталость и какая-то грусть. – Что встали, языки в жопы

засунули? Не понимаете человеческой речи, зомбаки тупоголовые!

– Вообще-то всё мы понимаем, господин... полицейский, – возмутился Серж, но, всё же, назвал незнакомца полицейским, на случай если тот действительно им был. – И почему вы нас так?.. «зомбаками»... Я Сергей Зимин, а это Иван Блинов. Мы диггеры... по канализации сюда вышли...

– Эй, Зима... – не оборачиваясь, тихо перебил его Блинов, – ты чего, совсем с катушек съехал?.. ты с кадавром разговариваешь... – Серж слегка стукнул Блинова кулаком в бок, чтобы тот не порол чушь.

– Простите моего друга, господин полицейский, – вежливо извинился он, но незнакомец грубо его оборвал:

– Рот закрой, – приказал он. Серж замолчал. – Вы убили семью: отец, мать и дочь девяти лет. Три дня назад. Мать девочки – моя сестра, Вера... Девочку звали Надей, а её отец – Игорь... его расстреляли фашисты из-за стены... не вы. Но вы – шайка безмозглых уродов – убили их, женщину и ребенка.

– Как... постойте!.. Но как... как это возможно? – снова заговорил Зимин и замолчал. На этот раз сам. В голове его начал судорожно сам собой собираться страшный пазл.

– Что, узнал? – спросил человек в полицейской форме. Конечно, это не был настоящий полицейский, иначе не стал бы он называть полицейских «фашистами». Серж понял, кто стоял перед ним.

– Сегодня вы убили мальчишку, – продолжал человек, – а потом и его отца... пожилую женщину и девочку... Девочку, ур-роды... Вас видели и сообщили мне. Я позволил вам дойти до места вашего первого преступления... – человек осёкся. – Или не первого? – он смотрел теперь на одного только Зимина, игнорируя Блинова как неодушевленный предмет. Зимин молчал. – Понятно... – с сожалением произнёс незнакомец. Помолчав, он продолжил: – Так вот, я проследил за вами и сразу понял, куда вы идёте. Но я должен был убедиться, что это именно вы, и идёте именно туда, возвращаетесь на место вашего подлого преступления. Только поэтому я не казнил вас сразу как отыскал, после убийства малышки... – он снова замолчал. – Ты. Знаешь, почему ты ещё жив? – наконец спросил он.

– Я уже ничего не знаю, – покачал головой Серж. Он всё понял. Какая-то часть его разума всё ещё отказывалась верить страшной правде, но он понял. – Не знаю. Почему. Почему?

– Нет, ты точно катушек съехал, Зима! – прошипел тихо стоявший до того Блинов и, выхватив шокер, резко пошёл на незнакомца...

...Раздался выстрел. Блинов, сделав ещё шаг, рухнул между Зиминим и стрелявшим.

Зимин уже не мог реагировать ни на что, даже на смерть. Он просто стоял и смотрел перед собой. Прошло несколько секунд, а может минута, прежде чем он поднял глаза от ле-

жавшего перед ним Ивана Блинова, успевшего стать ему за минувший день другом, и посмотрел на человека в форме внешней полиции. В опущенной руке тот держал знакомый ему пистолет.

– Потому, что понимаешь, что я тебе сейчас говорю. Понял?

– Да, – опустив голову, сказал Зимин. – Понял.

– И что будешь делать?

Серж без всякого выражения посмотрел человеку в глаза, – ему бы заплакать, да слёз не было: видать, не только импланты сгорели... – то ли пожал, то ли передернул плечами, тщетно попытался сглотнуть ком.

– Верните, пожалуйста, пистолет.

Воскресение

*Вижу,
вижу ясно, до деталей.
Воздух в воздух,
будто камень в камень,
недоступная для тленов и крошений,
рассиявшись,
выситя веками
мастерская человеческих воскрешений.*
Владимир Маяковский, «Про это»

– ...Владыко Господи Вседержителю, Отче Господа нашего Иисуса Христа, иже всем человеком хотяй спастися...

– бормотал священник, покачивая кадиллом.

Запах фимиама щипал ноздри. Хотелось чихнуть, но не было сил.

– ...молимся и мили ся ти деем, душу раба твоего Исидора от всякия узы разреши и от всякия клятвы свободы, остави прегрешения ему...

Вокруг собрались мои дети, внуки и домашние. Их лица были мрачны, руки опущены. Все молчали, внимая священнику. Дым фимиама плыл надо мною, позвякивали цепи и бубенцы на кадиле, тусклый свет от свечей, подрагивавших от сквозняка, то и дело менял очертания лиц собравшихся,

делая их то благоговейно-скорбными, то неожиданно-угрюмыми, то по-шутовски забавными. Я смотрел прямо перед собой, и лица родных и стоявших позади них слуг становились размытыми, превращаясь в неясные светлые пятна.

– ...Ты бо Един еси разрешаяй связанныя и исправляй сокрушенныя, надежда неначаемым, могий оставляти грехи всякому человеку, на тя упование имущему... – продолжал слуга Господень. Голос его становился всё тише, слова невнятные. Глаза мои заволакивала белесая пелена, а тело сковывал холод, идущий от пальцев ног и рук к груди – месту, где ещё теплилась моя грешная душа.

Страшно.

Силуэты вокруг слились в единую неподвижную массу, и лишь один из них, стоявший у меня в ногах и мерно покачивавший рукою с кадилом, от которого на меня напозла темная дымная туча, оставался различимым. Образ онемевшего священника у моей кровати, издававшего тусклые бряцающие позвякивания сквозь окутавшую меня холодную вату, стал последним, что запечатлели мои глаза.

Я умер.

Щелчок. Свет. Где я?

Не чувствую тела. Ничего не вижу... только свет. Свет! Царствие Господне!

– Боже! Господь мой! Слава тебе, господи! – воскликнул я.

– Спокойно, граф. Не волнуйся так... – раздался голос. Я не видел, *от кого* и *откуда* исходил голос – вокруг всё было бело – и потому решил, что слышу ангела, который, по причине моей чрезмерной греховности, для меня невидим.

– Прости меня, Вестник Господень, – кротко произнёс я тогда, – прости, что не могу поклониться тебе... ибо не чувствую ни рук, ни ног, и даже узреть тебя я, грешный Исидор, недостоин...

– Стоп, стоп! – прервал меня голос. – Так ты не видишь ничего?

– Нет, господин...

– Щас... Тут надо код сменить... – Голос произнёс ещё несколько слов, смысла которых я не смог уразуметь (говорит на языке ангельском, решил я), после чего всё вокруг меня вмиг преобразилось...

Я оказался как бы стоящим на высокой горе под голубым небосводом, а рядом был юноша в белых одеждах, прекрасный станом, и лик его был светел, и волосы его золотыми кудрями спадали на плечи. Говорю: «как бы стоящим» потому, что не чувствовал ни рук, ни ног, и даже не был уверен, что они у меня были. Всё моё внимание было захвачено зрением прекрасного юноши.

– Ну, как? Так нормально видно? – спросил он меня.

– Вижу тебя, господин, – отвечал я. – Позволь спросить, кто ты? Михаил или Гавриил?

– Я Илья, – ответил юноша.

– Пророк?.. – возникшая мгновение назад мысль, словно сама собой облеклась в вопрос.

– Нет, – покачал он головой, – оператор программы воскресения...

Так началась моя новая жизнь.

То, что сообщил мне тогда оператор Илья, повергло меня сначала в недоумение, потом в отчаянье и страх. Оказалось, что с момента моей смерти минуло четырнадцать веков, и всё это время *меня не было*. Я не попал ни в рай, ни в ад, ни в подобное описанному у Данте Алигьери католическое чистилище... Я попросту *не существовал*. Оказалось, что всю свою первую жизнь я искренне верил в ложь: прилежно молился несуществующему богу, соблюдал посты, ходил в церковь, подавал милостыню, надеясь таким образом «собрать сокровищ на Небесах»... и всё впустую! На самом деле, ничего не было!

Мы долго говорили с Ильей, бродя по поросшим короткой сочной зелёной травой холмам. Он терпеливо объяснял мне всё то, что мог бы напрямую, в один миг поместить в мой разум. Но тогда я наверняка сошёл бы с ума (такое раньше уже случалось с другими воскресенными).

Помню, каково ему было со мной... Я никак не мог уразуметь, что такое симуляция. Илья создавал передо мной предметы, животных, вызывал дождь и ветер, объясняя, что всё это суть *программы*. Я же видел чудеса и миражи. Чтобы

до меня, наконец, дошло, ему пришлось кратко пересказать мне историю появления вычислительных машин, начиная от арифмометров Леонардо да Винчи и Вильгельма Шиккарда, знаменитой «Паскалины» и Жаккардова станка, программируемого при помощи перфокарт, и до русского «Феликса», немецкой «Энигмы» и первых американских и британских компьютеров. Он рассказал об изобретениях Вэнивару Буша, Конрада Цузе, Джона Атанасова и Клиффорда Берри, Говарда Эйкена, Сергея Лебедева и других учёных; рассказал об Алане Тьюринге и Джоне фон Неймане, о корпорациях «Intel», «Microsoft», «Apple» и производимых ими умных машинах; наконец, Илья объяснил мне, что такое компьютерные игры и виртуальная реальность. Рассказывая, он создавал – вернее, моделировал – передо мной те устройства, о которых шла речь, и наглядно показывал, как ими пользовались, вплоть до игр. Когда же в конце этого увлекательного экскурса я надел шлем виртуальной реальности, я, наконец, понял... и тогда мне стало по-настоящему жутко...

Я – программа! По сути, меня по-прежнему нет!

Я высказал эту свою мысль Илье, на что тот ответил:

– Иззи, ты мыслишь, значит существуешь. Всё просто: вспомни Уилла Оккама.

Я попробовал вспомнить, кто такой Оккам (в этом новом состоянии я сразу обнаружил, что помню всю свою жизнь в мелочах, даже то, что к старости позабыл), но не вышло.

– О ком ты говоришь? – спросил я.

– А... Ты же православный... Восемнадцатый век... В общем, монах такой католический жил в древности, ещё до тебя... Впрочем, сейчас это не важно. Потом, когда подключишься к Солнечной Сети, узнаешь подробнее про него, если захочешь... В общем, не накручивай и не усложняй, когда всё просто и очевидно. Понятно?

Я не стал спорить. В конце концов, я ведь *был*. Грех жаловаться.

На работу со мной у Ильи ушло две сотни симчасов – условных единиц виртуального времени, отличных от времени в истинном мире, к переходу в который и должен был меня подготовить Илья.

Его работа это что-то вроде работы акушера: без Ильи и других, таких как он операторов воскрешения, возвращаемые к жизни мертвецы впадали бы в безумие, едва оказавшись в мире будущего. Настолько этот мир отличался от того мира, в котором жили они прежде.

– Быть может, мне стоит побыть здесь подольше... – с опасением сказал я моему оператору, когда тот объяснил мне, почему так важно, чтобы вернувшиеся из небытия какое-то время пребывали в безопасной симуляции.

– Нет. Не стоит затягивать. Да и ресурсы системы не безграничны... В очереди на воскрешение ещё миллиарды умерших, среди которых большинство требует серьёзной доработки...

– То есть, как?.. какой доработки? – не понял я.

– Ну, вот смотри, Иззи. Вот ты – граф, прожил почти семьдесят лет, образован, начитан, знаешь несколько языков – интеллигент. . . С тобой не надо притворяться Иисусом, или Аллахом, или Зевсом каким-нибудь. . . А вот взять, хотя бы, твоих слуг, или крепостных. . . Как думаешь, им я скоро объясню, что такое симуляция?

Я отрицательно покачал головой (то есть иллюзией головы). Илья продолжал:

– А ведь русский крестьянин восемнадцатого века – ещё не самый тяжёлый случай. . . – Он щёлкнул пальцами, и зелёные холмы вокруг нас превратились в заросли незнакомых мне высоких деревьев. Мы стояли на опушке тропического леса, за которой начинались примитивные дома из палок, листьев и соломы. Тут и там ходили чернокожие, абсолютно голые, раскрашенные яркими красками люди, разговаривавшие на непонятном языке. На некоторых дикарях я заметил украшения вроде бус из камней и костей; тела других были разрисованы татуировками и явно намеренно нанесёнными шрамами. Я не сразу понял, что первые, с бусами, принадлежали к женскому, а татуированные и со шрамами – к мужскому полу, – настолько черны они были, и тела их столь мало отличались меж собой (например, у женщин едва заметны были груди, представлявшие собой небольшие кожистые мешочки; столь же мала и неприметна была и крайняя плоть мужчин).

– Посмотри на этих людей, Исидор, – сказал Илья. – Они верят в лесных духов и приносят им в жертву животных и собственных детей... Они едят умерших родственников, считая, что так их близкие останутся с ними, а их души станут оберегать деревню от злых демонов... Их мы тоже воскресим. Но прежде чем вернуть их в истинный мир, нам, операторам, предстоит огромная, тяжёлая работа.

– Это твои современники? – не удержался я.

– Нет, конечно! – улыбнулся мой оператор. – Это шестнадцатый век, одно из африканских племен... в записи, конечно...

Я уже понимал на тот момент, что такое записи, но как стало возможным проделать это в шестнадцатом веке? Я спросил об этом.

– Двести восемьдесят лет назад был изобретен способ перемещений во времени, – сказал Илья.

– То есть, твои современники могут отправиться в любое время и там своими глазами увидеть...

– Нет, нет! Что ты! Это невозможно. Ничто живое не может,.. по крайней мере сегодня, пережить перемещение во времени. Только машины. Мы отправляем в прошлое зонды, да и то, не непосредственно в истинный мир прошлого, а в одно из параллельных измерений континуума... (он посмотрел на меня и понял, что я ничего не понял) Ну, если проще, то зонды невидимы для людей из прошлого и на них нельзя случайно наткнуться... Пять миллиардов машин

непрерывно движутся через континуум в прошлое, по пути сканируя сознание каждого умирающего и заодно производя обратную запись истории Человечества.

– И где сейчас эта армия?

– Во втором веке до Рождества Христова.

– То есть, Христос...

– Иисус из Назарета? Да, он уже воскрешен. Хороший он парень, Иззи! Таких всегда было не много... Когда он прошёл реабилитацию и подключился к Солнечной Сети и узнал, основоположником *чего* он оказался, когда изучил историю христианской Церкви, то стал встречаться с каждым, кто был замучен инквизиторами, и просить прощения... Хотя, конечно, его то вины в том не было... Но он всё равно делал это, пока не понял, что попросту не может объять всех, и тогда он записал обращение ко всем христианам. Позже ты сможешь его посмотреть в Сети... – сказал Илья, после чего добавил: – Кстати, Мухаммед последовал его примеру...

Стоит ли говорить о том, что услышанное потрясло меня до глубины души?

Я стоял и смотрел на черных людей, многие из которых, наверняка, уже жили где-то в истинном мире и с улыбкой вспоминали свои первые жизни в диком африканском лесу, делясь своими историями с новыми друзьями из других времен и народов. Черные люди проносили мимо нас с Ильей какие-то корзины, смеялись, переругивались. Немного подальёку под навесом женщины приготавливали пищу. Немного

поодаль мальчишки с палками играли в отдалённо напоминающую «лапту» игру. В другой стороне молодая пара занималась тем, что в России в моё время было принято скрывать от глаз посторонних (видимо, здесь это не считалось чем-то предосудительным или постыдным). Проходившие мимо парочки мужчины – по-видимому, охотники, так как каждый нёс по несколько небольших звериных тушек – посмеивались, глядя в сторону влюбленных.

– Сколько времени требуется на подготовку таких воскрешаемых? – спросил я, подразумевая ни кого-то конкретно, а племя в общем.

– Меньше, чем на среднего крестьянина из России твоего времени или из Европы времен Средневековья.

– Вот как...

– Да. Они хоть и дикари, но легко воспринимают воскрешение... как дети... Умер – плохо, воскрес – хорошо! Радуются. А вот набожный христианин... то думает, что попал на небо, а ты – ангел (Илья улыбнулся, как мне показалось, немного ехидно), то потом начинает записывать оператора в дьяволы и вопить о сатанинском наваждении... Один дьячок из Владимирской губернии меня недавно Вельзевулом обозвал. Долго с ним пришлось возиться... Вот с детьми хорошо, хоть с русскими, хоть с африканскими, хоть с американскими. Ну, и с этими... (он кивнул на дикарей).

– А почему вы возвращаете *всех*? Почему не отберете...

– ...зёрна от плевел? – Взгляд Ильи похолодел.

– Да, – сказал я твёрдо, решив, что не стоит малодушничать. Коли уж он здесь для того, чтобы подготовить меня к «выходу в свет», то пусть ответит.

– Что ж, – сказал он и, щёлкнув снова пальцами, вернул нас в прежнее место, – мы действительно проводим некоторый отбор... Например, мы не возвращаем маньяков, сумасшедших, отклонения которых невозможно исправить, не получив при этом уже другую личность... детей, чей разум на момент смерти был неотличим от разума животного... особо отличившихся в истории, вроде Пиночета, Гитлера, или Николая Кровавого... ну, ты до них не дожил. Это двадцатый век. Из совсем древних в пример можно привести иудейского царя Ирода и римских императоров Калигулу и Нерона. В средневековье упырей тоже хватало... Личности всех их отсканированы и лежат в общей базе, но общество не желает их видеть частью себя.

– А почему нельзя их...

– ...оставить в симуляции? Подвергнуть суду? Наказать?

– Да.

– Иззи... в Солнечной Системе нет судов и нет тюрем. Вернуть к жизни какого-нибудь Линдона Джонсона или Иди Амина, чтобы заточить в тюрьму в симуляции? Да чем мы тогда будем лучше них?!

Когда мой оператор программы воскрешения Илья закончил со мной и подтвердил мою готовность выйти из симу-

ляции в истинный мир, передо мной возникло «персональное меню резидента Солнечной Системы», часть параметров в котором была неактивна. Илья объяснил, что первое время в реальности мне будет помогать один из волонтеров, который, по мере того, как я буду осваиваться, постепенно откроет мне доступ к заблокированным параметрам. Когда же я стану полноправным резидентом, смогу выбрать себе вакансию на интересующий меня род деятельности (или не выбрать, но вряд ли мне понравится ничегонеделание).

Чтобы воплотиться, я должен был выбрать в меню: пол (мужской или женский), возраст (шкала с десятью значениями), цвет кожи (палитра из нескольких десятков цветов), телосложение (доступно после выбора пола), тип лица, цвет глаз, длину волос, и ещё два с лишним десятка параметров. Я выбрал «умолчание» и увидел перед собой бодрого старика, мало похожего на ту развалину, что в последние годы жизни смотрела на меня из зеркала в туалетной комнате петербургского особняка, где я и *опочил во господе*. Придирчиво осмотрев свою будущую личину, я вернулся к шкале возраста и сдвинул отметку на возрастной шкале на два деления вниз. Так-то лучше, улыбнулся я самому себе и посмотрел на Илью. Тот одобрительно кивнул мне, сказав, что любой из параметров я в дальнейшем смогу изменить, чем несколько смутил меня (в моей прошлой жизни я никогда не задумывался о том, чтобы изменить пол, или чтобы стать эфиопом).

– Давай уже, Исидор, жми «применить»! – сказал злато-

кудрый юноша в белых одеждах. – Ещё увидимся!

И я нажал.

Я открыл глаза.

Кровать. Белые простыни. Белая просторная комната с окном во всю стену, за которым – сад. Снаружи весна: яблонни в молодых листочках за окном усыпаны белыми и розоватыми цветами. С ветки на ветку перелетают жирные, прямо-таки упитанные пчелы: да и листья на яблонях, и цветы – крупные, и сами ветки деревьев... Странно... На стекло снаружи сел огромный шмель.

– Нравится? – произнёс голос рядом.

Вид за окном так приковал моё внимание, что я даже не заметил, что в комнате был человек. Женщина. Молодая, красивая и... черная как сама ночь, как самый черный уголь. Глаза её были кари, а волосы – прямые и русые и заплетены в толстую косу, лежавшую у неё на плече. На ней было белоснежное платье без рукавов и простого кроя, чуть ниже колен, а на ногах – сандалии, на манер греческих. Женщина приветливо смотрела на меня без малейшей тени кокетства или намека на что-то неприличное. Так смотрит сердечный друг, готовый протянуть руку помощи и разделить невзгоды. Под этим взглядом я ощутил теплоту и покой; взгляд говорил: Исидор, я знаю твою историю; не беспокойся, ты в кругу друзей, всё будет хорошо.

– Нравится, – сказал я. – Вот только они, – я кивнул на

окно, – такие... большие...

– Это потому, что ты маленький, – ответила женщина. – Мы с тобой ростом – в полметра. Это удобно, когда население одной только Земли – сто двадцать миллиардов... Кстати, я Марина.

Я немного опешил от услышанного, и некоторое время смотрел на неё, пытаясь собраться с мыслями. Наконец, когда пауза уже слишком затянулась, я произнёс первое, что показалось мне уместным в сложившейся ситуации:

– Рад знакомству, Марина!

Тут я спохватился: а одет ли я? Я быстро сунул руку под простыню, которой был накрыт, и обнаружил на себе нечто вроде пижамы. Женщина явно поняла причину моего беспокойства и улыбнулась, обнажив ровный ряд аккуратных белых зубов под слишком тонкой для негров верхней губой. Тогда я откинул простыню и встал с кровати. Изучив быстрым взглядом свой костюм, – я был одет в свободные кремовые брюки и такую же рубаху, – я представился:

– Исидор... граф... бывший...

– Очень приятно, Исидор, – Марина деловито подала руку для пожатия. – Идём, – сказала она, указав взглядом на дверь напротив окна, – тут есть гардероб. Оденем тебя во что-нибудь более подходящее, а потом я покажу тебе мир.

Мир в тридцать втором веке не был похож на тот, привычный мне мир века восемнадцатого, в котором я когда-то

жил, в котором был женат, был отцом, дедом, в котором ранее сам был молодым человеком, юношей, мальчиком. Этот мир был далёк от мира моего времени. Более далёк, чем Петербург (тот, *мой* Петербург) был далёк от той африканской деревни, что показал мне Илья в симуляции.

Люди в этом мире будущего давно не жили в городах, в привычном для меня понимании этого слова. Города теперь представляли собой одиноко стоящие среди лесов и роц башни, до пятисот метров в высоту. Благодаря невысокому росту теперешних людей, каждая такая башня имела до четырёхсот этажей или уровней, на каждом из которых свободно размещалось и проживало население большой деревни (а-то и нескольких), если брать для сравнения русскую деревню моего века. Кроме того, часть населения жила вне городов – в местах, подобных тому, где я пришёл в себя, и откуда начался мой путь в этом новом для меня мире в сопровождении волонтера Марины, с которой мы очень скоро стали добрыми друзьями.

Кстати, о Марине. Моя адаптация в истинном мире заняла немного времени – всего около месяца. Уже через неделю Марина открыла мне доступ в Сеть и предоставила относительную свободу перемещения (с условием, что я буду ставить её в известность касательно моих перемещений и не стану покидать евразийский континент). О том, чтобы покидать Землю, конечно, не могло быть и речи. Мы не надоедали друг другу, и это обстоятельство только способствовало

нашей с ней дружбе (именно *дружбе*, так как, как мне стало вскоре известно, Марина была замужем; её супруг был в это время в научной экспедиции в поясе астероидов Койпера). Я путешествовал из города в город, встречался с людьми из разных веков и состояний, знакомился с удивительным миром Земли будущего. Раз в день или два мои и Маринины пути сходились, мы проводили какое-то время вместе и снова разъезжались, оставаясь на связи через Сеть. Так что, спустя месяц, я уже был вполне современным человеком. Место графа Исидора Обломского занял Иззи Блом, землянин, воскрешенный, полноценный резидент Солнечной Системы. Подтвердив мой гражданский статус, Марина попрощалась со мной и улетела на Венеру, где жила её сестра, оставив на прощанье приват-иконку (имеется в виду не миниатюрное изображение церковного святого, а программный код, с помощью которого можно связаться с человеком в любое время и из любого места – знак особой близости, какая в моё время бывала между членами одной семьи и лучшими друзьями).

Теперь на Земле живет лишь двадцатая часть от всего Человечества. Теперь люди живут повсюду – на Луне, Марсе, Венере, Меркурии, на спутниках Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна, на астероидах, на маленьких планетах и далеко в космосе, в Оортовом Облаке, среди ледяных глыб и подобных горам камней, откуда Солнце едва отличается размером от прочих звёзд. И бóльшая часть этих людей – воскрешён-

ные.

Вскоре я встретил моих родных и близких, которых тоже воскресили, чуть раньше, чем меня...

(Армия машин-сканнеров движется из настоящего в прошлое, и получается, что тех, кто умерли позже меня, отсканировали раньше, а тех, кто – раньше меня или до моего рождения, тех отсканировали позже. Это, конечно, незначительно, если учитывать то, в каком веке сейчас сканирующая армия, но существует очередь. То, что просканированы умершие до второго века нашей эры, не значит, что все они воскрешены. Кого-то, конечно, возвращают вне очереди... – к примеру, тех же Иисуса с Мухаммедом, Леонардо или Шекспира, за скорое воскрешение которых высказались миллиарды, – но большинство ждёт своего часа в базе данных.)

...Кого-то, как например, Наташу, мою бывшую супругу, старшую дочь Лидию, и некоторых из служивших нашей семье (теперь, в этом новом мире, уже нет знати и слуг и все равны), я встретил лично. Других – в Солнечной Сети. Оказалось, что мой старший сын, Григорий, теперь был на Обероне, средний, Андрей – на Меркурии, а младший, Иван – недоступен для контакта, так как покинул Солнечную Систему в качестве посланника к другой звезде.

Своих отца и мать я смог увидеть только спустя два года, когда подошла их очередь. Их же родителей я уже не стал дожидаться...

Семь лет. Именно на столько меня хватило. Я объездил всю Землю (пневмопоезда – самый распространенный и доступный вид транспорта в Колыбели Человечества и не только), облетел все внутренние планеты, побывал на станции Фэтон в Поясе Астероидов и на Каллисто Юпитера. Когда же не осталось ничего, что могло бы меня удивить или овладеть мной, как это бывает с исследователями (миры Солнечной Системы уже были вполне познаны до моего воскрешения), я стал всё чаще размышлять о выборе моего сына Ивана.

Выбранный Иваном путь представлялся мне единственным, доступным человеку будущего средством превозмочь скуку и апатию к жизни. В мире, где всё доступно всем, где все тайны раскрыты, а подвиги безопасны, жить скучно. Именно поэтому в последние десятилетия становилось всё больше таких, как мой Иван – людей, выбравших тысячелетия одиночества в межзвёздной пустоте и неизвестность. И я в последние два года всё чаще думал о том, чтобы отправиться к звёздам.

Наконец я решился.

Моё тело – пусть и кибернетическое, способное менять внешние черты и подолгу обходиться без пищи и переносить космическую радиацию при межпланетных перелётах – мало подходило для странствия. Как и другим странникам, мне пришлось отказаться от него и переместиться в новое.

Теперь я овоид, с массой чуть более восьми килограмм. Тридцать три года минуло с того времени, когда последний камень Оортова Облака остался позади меня. Я один, но не одинок. Ведь со мной история Человечества: все достижения, все открытия, все книги, что когда-либо были написаны (включая и те, что века считались безвозвратно утерянными), философия, мифы, культуры – всё это со мной. Мне есть над чем подумать, и есть, что сказать тем другим, которые – я в этом не сомневаюсь – есть. Где-то там.